

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

**Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тульский государственный университет»**

16+
ISSN 2071-6184

**ИЗВЕСТИЯ
ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Выпуск 3

**Тула
Издательство ТулГУ
2024**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ISSN 2071-6184

Председатель

Кравченко О.А., д-р техн. наук.

Первый заместитель председателя

Воротилин М.С., д-р техн. наук.

Заместитель председателя

Прейс В.В., д-р техн. наук, проф., авторизованный представитель Издательства ТулГУ в РИНЦ.

Ответственный секретарь

Моргунова Е.В., авторизованный представитель ТулГУ в РИНЦ.

Члены редакционного совета:

Батанина И.А., д-р полит. наук,

гл. редактор серии «Гуманитарные науки»;

Берестнев М.А., канд. юрид. наук,

гл. редактор серии «Экономические и юридические науки»;

Борискин О.И., д-р техн. наук,

гл. редактор серии «Технические науки»;

Егоров В.Н., канд. пед. наук,

гл. редактор серии «Физическая культура. Спорт»;

Заславская О.В., д-р пед. наук,

гл. редактор серии «Педагогика»;

Качурин Н.М., д-р техн. наук,

гл. редактор серии «Науки о Земле»;

Понаморева О.Н., д-р хим. наук,

гл. редактор серии «Естественные науки».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

Берестнев М.А., канд. юрид. наук (ТулГУ, г. Тула).

Заместитель главного редактора

Сабина А.Л., д-р экон. наук (ТулГУ, г. Тула).

Ответственный секретарь

Хлынин Э.В., д-р экон. наук (ТулГУ, г. Тула)

разд. «Экономические науки».

Богомолова А.Г., канд. юрид. наук (ТулГУ, г. Тула),

авторизованный представитель ТулГУ в РИНЦ.

Члены редакционной коллегии:

Экономические науки

Алехин С.Н., д-р экон. наук (Управление Федеральной налоговой службы России по Тульской области, г. Тула);

Бабанов В.Н., д-р экон. наук (Тульский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова, г. Тула);

Васин Л.А., д-р техн. наук (ТулГУ, г. Тула);

Звягинцева О.П., д-р экон. наук (Владимирский юридический институт ФСИН России, г. Владимир);

Коршунова Г.В., д-р экон. наук (Тульский филиал Финуниверситета при Правительстве РФ, г. Тула);

Ростовцева Л.И., д-р социол. наук, канд. экон. наук (Тульский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова, г. Тула);

Смирнова С.Н., канд. экон. наук (ТулГУ, г. Тула);

Шашкова И.Г., д-р экон. наук (Рязанский государственный агротехнологический университет им. П.А. Костычева, г. Рязань).

Юридические науки

Анисимов В.Ф., д-р юрид. наук (Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск);

Волчецкая Т.С., д-р юрид. наук (Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград);

Головин А.Ю., д-р юрид. наук (уполномоченный по защите прав предпринимателей в Тульской области, г. Тула);

Давыдов В.О., д-р юрид. наук (ТулГУ, г. Тула);

Лапшин В.Ф., д-р юрид. наук (Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск);

Осокин Р.Б., д-р юрид. наук (Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, г. Москва);

Петрянин А.В., д-р юрид. наук (Нижегородский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ, г. Нижний Новгород);

Тишутина И.В., д-р юрид. наук (Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, г. Москва);

Толстухина Т.В., д-р юрид. наук (ТулГУ, г. Тула).

Сборник зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). ПИ № ФС77-75988 от 19 июня 2019 г.

Подписной индекс сборника 27854 по Объединённому каталогу «Пресса России».

Сборник включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук», утвержденный ВАК Минобрнауки РФ по следующей специальности:

5.1.4. Уголовно-правовые науки (Юридические науки).

© Авторы научных статей, 2024

© Издательство ТулГУ, 2024

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.983.22

DOI: 10.24412/2071-6184-2024-3-3-11

ПОНЯТИЕ И ПРИРОДА СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ТЕХНОЛОГИИ

И.В. Латышов, В.П. Яремчук

Обоснована необходимость совершенствования сложившегося в судебной экспертизе подхода к определению понятия и природы судебно-экспертной технологии. Предложено авторское определение понятия судебно-экспертной технологии, выделены ее ключевые стороны, рассмотрено ее соотношение с понятиями экспертной методике и процесса экспертного исследования. Судебно-экспертная технология рассматривается как инструмент решения производственных или научных задач, обеспеченный прикладным познавательным потенциалом конкретного технико-криминалистического средства, аппаратно-программного комплекса, программного обеспечения, организационного решения и методического приема либо их ситуативно-определяемой совокупности в перечне алгоритмических предписаний единого процесса создания промежуточного или конечного материального или нематериального продукта. Это выделяет сущностную сторону понятия судебно-экспертной технологии и является ее отличительной чертой. Установлено, что судебно-экспертная технология, экспертная методика и процесс экспертного исследования являются понятиями разного порядка. При этом процесс экспертного исследования сопровождается использованием судебно-экспертных технологий, а их интеграция в экспертные методики является закономерным результатом развития науки и практики с учетом использования криминалистикой и судебной экспертизой достижений научно-технического прогресса.

Ключевые слова: экспертная технология, процесс исследования, методика, инструмент познания, аппаратно-программный комплекс.

Повышение эффективности раскрытия и расследования преступлений в немалой степени зависит от широкого использования познавательных возможностей судебных экспертиз.

Интегрируя современные достижения научно-технического прогресса, судебная экспертиза как область научных знаний и сфера их применения на практике, находятся в постоянном развитии. Процесс ее совершенствования при этом затрагивает не только научное или методическое обеспечение судеб-

но-экспертных исследований, но и другие стороны – организацию производства исследования, проблемы подготовки специалистов и пр.

Следует заметить, что в обсуждении проблем совершенствования деятельности судебных экспертов ученые-криминалисты нередко оперируют понятием «экспертная технология» или его синонимом «судебно-экспертная технология». Интерес к нему представляется вполне оправданным с учетом широкого внедрения современных технологий в процессы судебно-экспертного исследования объектов.

Вместе с тем, есть вопросы к соответствию сложившихся научных представлений о понятии и природе судебно-экспертной технологии современным потребностям науки и практики, оценке ее роли в обеспечении решения экспертных задач, соотношении с другими понятиями судебной экспертизы.

Следует сказать, что технологию в целом рассматривают как «... совокупность производственных процессов в определенных отраслях производства, а также научное описание способов производства» [1, с. 364].

Развернутое определение понятия технологии дает российский энциклопедический словарь, где технология рассматривается как «... совокупность приемов и способов получения, обработки или переработки сырья, материалов, полуфабрикатов или изделий, осуществляемых в различных отраслях промышленности, в строительстве и т. п.; научная дисциплина, разрабатывающая и совершенствующая такие приемы и способы. Технологией (или технологическими процессами) называются также сами операции добычи, обработки, переработки, транспортировки, складирования, хранения, которые являются основной составной частью производственного процесса. В состав современной технологии включен и технический контроль производства. Технологией принято также называть описание производственных процессов, инструкций по их выполнению, технологические правила, требования, карты, графики и др.» [2, с. 1571].

Нам близка такая подача понятия технологии. Положительными его сторонами является определенность, возможность видения границ понятия, уяснения места и роли технологии в процессе познания объекта исследования.

Следует сказать, что в криминалистике и судебной экспертизе проблема судебно-экспертной технологии не является новой. В ходе ее обсуждения учеными-криминалистами были высказаны, преимущественно, сходные по сути определения понятия судебно-экспертной технологии. Отдельные отличия предлагаемых понятий определял подход авторов к выделению ключевых сторон судебно-экспертной технологии, построению ее структуры, установлению соотношения с другими ключевыми понятиями – методикой и процессом экспертного исследования.

Так М.Я. Сегай первым из ученых-криминалистов актуализировал проблему судебно-экспертной технологии. Обращение к ней на тот период времени вызывала потребность совершенствования судебно-экспертной деятельности путем внедрения технологий в производство судебных экспертиз. В развитие вопроса М.Я. Сегай внес предложение создать общую и частные судебно-

экспертные технологии, понимая под этим «целостную систему рациональной организации экспертного производства» [3].

Позднее, совместно с В.К. Стринжей, им было дано определение понятия судебно-экспертной технологии, раскрыта ее структура и содержание.

Так, в общем порядке, под судебно-экспертной технологией авторы понимают «совокупность правил, приемов и рекомендаций по обеспечению эффективного производства судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях любого профиля и ранга» [4, с. 7]. Принимая же во внимание разнообразные стороны рассматриваемого понятия, в его структуру ими были включены:

«1. совокупность правил, приемов и способов наиболее рациональной и эффективной организации производства судебных экспертиз в государственном судебно-экспертном учреждении;

2. описание технологических схем, процессов, карт;

3. разработка общих и частных положений по дальнейшему совершенствованию указанных правил, приемов, способов, технологических схем, процессов и карт» [4, с. 6].

Определение понятия судебно-экспертной технологии дает и Н.А. Замараева. Она, в частности, отмечает: «Экспертная технология – система правил, приемов и способов наиболее рациональной и эффективной организации и осуществления деятельности эксперта по исследованию объектов судебной экспертизы на основе соответствующей им материально-технической базы при соблюдении процессуальных и иных норм, регулирующих проведение экспертизы в судебно-экспертных учреждениях и в негосударственных организациях» [5, с. 22].

А.М. Зинин и Н.П. Майлис под судебно-экспертной технологией понимают «...совокупность осуществляемых в определенной последовательности операций, действий, выполняемых на основе специальных познаний, в связи с проведением исследования каких-либо объектов, являющихся вещественными доказательствами, в целях поиска ответов на поставленные перед экспертом вопросы» [6, с. 126].

Раскрывая структуру и содержание технологии экспертного исследования, Н.П. Майлис указывает, что она «... складывается из ряда составляющих, прежде всего, из знания общих методических подходов исследования, структуры составления заключения, оценки промежуточных данных, формирования убеждения эксперта, формулирования окончательных выводов и оформления результатов экспертизы» [7, с. 59].

С.М. Плешаков предлагает свое определение: «Судебно-экспертная технология» – урегулированная законодательством и подзаконными нормативными актами организационно-управленческая деятельность соответствующих субъектов, осуществляющих организационное, научно-методическое, информационное и материально-техническое обеспечение экспертного производства в судебно-экспертных учреждениях, а также последовательная интеллектуально-познавательная (исследовательская) деятельность экспертов по исследова-

нию объектов с целью получения экспертной информации по делу в виде достоверных и обоснованных выводов» [8, с. 11].

Отметим, что большая часть приведенных определений понятия судебно-экспертной технологии выстраивается на представлении ее как совокупности правил, приемов и рекомендаций по обеспечению эффективного производства судебных экспертиз, что явно недостаточно в оценке ее существенных сторон, включая целевое назначение и природу судебно-экспертных технологий. При этом, обобщенный характер этих определений понятий допускает возможность с не меньшим успехом использовать их и для характеристики, например, понятия экспертной методики.

Представляется, что формулировка понятия судебно-экспертной технологии должна быть более предметна, отражать ее реальную роль в обеспечении решения экспертных задач.

Вызывает вопросы и точка зрения Н.П. Майлис о составляющих элементах судебно-экспертной технологии [7, с. 59]. Выделенные ею признаки целесообразно рассматривать, скорее, не как содержание судебно-экспертной технологии, а как условия решения экспертных задач.

В отношении авторского определения понятия судебно-экспертной технологии, сформулированного С.М. Плешаковым, хотелось бы также высказать ряд соображений.

Так, довольно сложно соотнести судебно-экспертную технологию с деятельностью управленческого аппарата судебно-экспертных учреждений, познавательной деятельностью экспертов, осуществляющих исследование представленных на экспертизу объектов.

Судебно-экспертная технология, равно как и технология в общем понимании – это инструмент решения производственных или научных задач, обеспеченный прикладным познавательным потенциалом конкретного технико-криминалистического средства, аппаратно-программного комплекса, программного обеспечения, организационного решения и методического приема либо их ситуативно-определяемой совокупности в перечне алгоритмических предписаний единого процесса создания материального или нематериального продукта.

И в этом смысле обеспечительная деятельность управленческого аппарата судебно-экспертного учреждения либо деятельность конкретных исполнителей (судебных экспертов) с трудом укладывается в реальное понятие судебно-экспертной технологии. Самое большее – это отдельный элемент механизма реализации судебно-экспертной технологии.

Одним из ключевых сторон определения понятия судебно-экспертной технологии является уяснение ее природы и соотношения с понятиями экспертной методики и процесса экспертного исследования.

В ответе на вопрос, прежде всего, следует обратиться к истокам постановки проблемы судебно-экспертных технологий в науке и практике. Ее определяла, как отмечалось, необходимость совершенствования организации и производства судебных экспертиз путем внедрения более эффективных инструментов решения экспертных задач.

В начале 80-х годов XX века одними из таких инновационных инструментов небезосновательно рассматривалась компьютерная техника и программное обеспечение к нему. В этой ситуации главной задачей по факту и стала интеграция технологического ресурса компьютерной техники и программных продуктов в процесс экспертного исследования объектов.

Как представляется, и сегодня злободневность проблемы интеграции инновационных средств и методов не ушла на второй план.

Создание технологий в судебной экспертизе в настоящее время реализуются путем разработки технико-криминалистических средств, аппаратно-программных комплексов, прикладного программного обеспечения, организационного решения и методического приема либо заимствования подобных продуктов из других областей научных знаний, их апробации, подготовке рекомендаций по выполнению научных и производственных операций (технологических карт) и последующей интеграции в процесс экспертного исследования объектов.

Так, в частности, возможности современных компьютерных средств и программного обеспечения позволяют вести накопление, систематизацию и использование криминалистически значимой информации о различных объектах судебных экспертиз при сравнении искомого объекта с эталонными (сравнительными) образцами. Широкие перспективы для установления механизма совершения преступления, обстоятельств события преступлений дают также технологии компьютерного 3D-моделирования материальной обстановки места происшествия. Подобных примеров – множество.

Использование технико-криминалистических средств, аппаратно-программных комплексов, программного обеспечения, организационного решения и методического приема для решения задачи (задач) как инструмента по созданию промежуточного или итогового материального или нематериального продукта – одна из существенных сторон понятия судебно-экспертной технологии и ее отличительная черта.

Судебно-экспертные технологии, в соответствии с изложенным взглядом на проблему, сопровождают процесс экспертного исследования, а не подменяют его, как это иллюстрирует сложившийся на сегодня научный подход к понятию и природе судебно-экспертной технологии. Их интеграция в экспертные методики исследования объектов является закономерным результатом развития науки и практики с учетом использования криминалистикой и судебной экспертизой достижений научно-технического прогресса.

Вместе с тем в научном и практическом плане понятие экспертной методики не поглощает понятие судебно-экспертной технологии. Это разные, по сути, категории, используемые в решении научных и практических задач.

Методика экспертного исследования как «... система предписаний (категорических или альтернативных) по выбору и применению в определенной последовательности и в определенных существующих или создаваемых условиях методов и средств решения экспертной задачи» [9, с. 200], в общем приближении представляет собой путь решения экспертных задач. Об этом, в числе

прочих, можно судить по признаку стадийности структуры экспертных методик, выделение которых является обязательным.

Судебно-экспертная технология в любой ситуации – это инструмент решения задачи. В этом ее принципиальное отличие от экспертной методики. Вместе с тем, это не исключает наличия между ними сходных черт.

Также как и судебно-экспертная технология, экспертная методика полагается на приемы алгоритмизации решения экспертных задач, использование в своих целях технологических ресурсов технико-криминалистических средств, аппаратно-программных комплексов и пр. [10]. Однако реализация целевого назначения судебно-экспертной технологии, все же, происходит в рамках экспертной методики либо в ходе общего процесса экспертного исследования.

В связи с этим есть необходимость рассмотреть еще одно понятие – процесс экспертного исследования.

Нам представляется, что в рамках оценки роли судебно-экспертной технологии в решении научных и практических задач, использование понятия процесс экспертного исследования видится обоснованным.

Отметим, что объем содержания понятия процесса экспертного исследования существенно больше объема понятия судебно-экспертной технологии и экспертной методики.

В методологическом смысле процесс экспертного исследования – это, безусловно, деятельность, которой присущи все атрибуты, отражающие реализацию регуляторных функций по ее обеспечению, организации, производству, контролю, подготовке специалистов и пр.

Одной из отличительных особенностей понятия процесса экспертного исследования, как деятельности является его последовательность и единство, взаимосвязь его организационных, управленческих, материально-технических, исследовательских, контрольных и иных ресурсов в решении экспертных задач. И в этом ключе судебно-экспертные технологии есть основания рассматривать как элемент структуры и содержания процесса экспертного исследования.

Отметим, что наше понимание понятия и роли судебно-экспертной технологии, ее соотношения с понятиями методики и процесса экспертного исследования вступает в определенное противоречие со сложившимися на сегодня в науке представлениями о понятии и сути судебно-экспертной технологии.

Так, в своей работе Н.В. Замараева отмечает: «Из предложенного нами определения экспертной технологии следует, что экспертное исследование является ее центральным звеном, которое дополняется выполнением процессуальных и ведомственных норм, регулирующих проведение экспертизы в судебно-экспертном учреждении. Можно утверждать, что в структуре экспертной технологии должны присутствовать, в обязательном порядке, все те стадии, которые есть в экспертном исследовании, и организационно-подготовительные, организационно-завершающие стадии, отвечающие за соблюдение правил выполнения экспертиз. В результате в структуре экспертной технологии мы выделяем следующие этапы:

а) организационно-подготовительный (прием дела экспертным учреждением или экспертом, регистрация, постановка задачи исследования, сверка представленного и наличествующего...);

б) исследовательский (выбор методики; квалифицированное наблюдение, анализ, оценка признаков; сравнение; синтез; эксперимент);

в) формулирование выводов (принятие решения);

г) составление заключения;

д) организационно-завершающий (сдача заключения, проверка качества представленного заключения начальником экспертного учреждения, регистрация, передача заказчику экспертизы)» [5, с. 24–25].

Данное понимание существа экспертной технологии не представляется бесспорным. По нашему мнению, здесь есть основания говорить о подмене понятия экспертной технологии понятием процесса экспертного исследования.

Такой взгляд на судебно-экспертную технологию как всеобъемлющий процесс, охватывающий собой большую часть организационных, правовых, методических, научно-исследовательских работ судебно-экспертной технологии, не отражает реальной сути и назначения судебно-экспертной технологии, эффективные пути использования ее в решении экспертных задач.

Отождествление судебно-экспертной технологии с процессом экспертного исследования имеет место и в работах других ученых-криминалистов. В числе прочего это иллюстрируют предложения М.Я. Сегая [3] и С.М. Плешакова [8, с. 40–44] о разработке общей и частных судебно-экспертных технологий.

Так, в частности, С.М. Плешаков отмечает: «Общая экспертная технология – это уровень руководителей судебно-экспертного учреждения и представляет собой их управленческую деятельность с целью организационного, научно-методического, информационного и материально-технического обеспечения экспертного производства в конкретном судебно-экспертном учреждении. Общая экспертная технология образует своего рода модель функционирования судебно-экспертного учреждения, а поскольку ее профиль определяется соответствующими родами и видами судебной экспертизы, таких технологий может быть столько, сколько функционирует судебно-экспертных учреждений. Например, экспертные технологии в деятельности ЭКЦ МВД, лабораторий судебной экспертизы Министерства юстиции и т.д.

На базе каждой такой технологии существуют частные экспертные технологии. В отличие от общих технологий, частные экспертные технологии функционируют на уровне судебного эксперта и определяются конкретной экспертной специальностью, объектами и методами исследования, экспертными задачами, типовыми экспертными методиками» [8, с. 40–41].

Следует сказать, что выделенная С.М. Плешаковым в качестве признака судебно-экспертной технологии модель функционирования судебно-экспертного учреждения есть ни что иное как модель его деятельности. А это – существенный признак самого понятия процесса экспертного исследования.

Таким образом, судебно-экспертная технология представляет собой инструмент решения производственных или научных задач, обеспеченный при-

кладным познавательным потенциалом конкретного технико-криминалистического средства, аппаратно-программного комплекса, программного обеспечения, организационного решения и методического приема либо их ситуативно-определяемой совокупности в перечне алгоритмических предписаний единого процесса создания материального или нематериального продукта.

Использование технико-криминалистических средств, аппаратно-программных комплексов, программного обеспечения, организационного решения и методического приема для решения задачи (задач) как инструмента по созданию промежуточного или итогового материального или нематериального продукта – одна из сущностных сторон понятия судебно-экспертной технологии и ее отличительная черта.

Судебно-экспертные технологии сопровождают процесс экспертного исследования, а их интеграция в экспертные методики исследования объектов является закономерным результатом развития науки и практики с учетом использования криминалистикой и судебной экспертизой достижений научно-технического прогресса.

Данное понимание понятия и природы судебно-экспертной технологии создает необходимые предпосылки для выделения видов судебно-экспертных технологий, построения системы их классификации по значимым для науки основаниям, определения перспективных направлений развития экспертных технологий.

Список литературы

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986. 800 с.
2. Российский энциклопедический словарь. М.: БРЭ, 200. КН. 2. 1888 с.
3. Сегай М.Я. Судебная экспертиза в условиях НТР: особенности и пути оптимизации // Современные проблемы судебной экспертизы и пути повышения эффективности деятельности СЭУ в борьбе с преступностью. Киев, 1983. С. 41-43.
4. Сегай М.Я., Стринжа В.К. Актуальные проблемы экспертной технологии в условиях НТР // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1984. Вып. 29. С. 3–7.
5. Замараева Н.А. Правовые и организационно-методические проблемы использования компьютерных технологий при производстве судебных экспертиз: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 202 с.
6. Зинин А.М., Майлис Н.П. Судебная экспертиза. М.: Юрайт-Издат, 2002. 320 с.
7. Майлис Н.П. Судебная трасология: учебник для студентов юридических вузов. М.: «Издательство экзамен», 2003. 272 с.
8. Плешаков С.М. Современные экспертные технологии в деятельности судебно-экспертных учреждений России: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007. 205 с.

9. Аверьянова Т.В. Методы судебно-экспертных исследований и тенденции их развития: дис. ... д-ра юрид. наук. М, 1994. 445 с.

10. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. 1 / под ред. канд. тех. наук. Ю.М. Дильдина; общ. ред. канд. тех. наук В.В. Мартынова, М.: ЭКЦ МВД России, 2010. 568 с.

Латышов Игорь Владимирович, д-р юр. наук, доц., профессор, latyshov@gmail.com, Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,

Яремчук Виктория Павловна, адъюнкт, vicktoria.yaremchukkk@yandex.ru, Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России

THE CONCEPT AND NATURE OF FORENSIC TECHNOLOGY

I.V. Latyshov, V.P. Yaremchuk

The article substantiates the need to improve the approach developed in forensic examination to the definition of the concept and nature of forensic technology. The author's definition of the concept of forensic technology is proposed, its key aspects are highlighted, its correlation with the concepts of expert methodology and the process of expert research is considered. Forensic technology is considered as a tool for solving industrial or scientific problems, provided with the applied cognitive potential of a specific technical and forensic tool, hardware and software complex, software, organizational solutions and methodological techniques, or their situationally determined totality in the list of algorithmic prescriptions of a single process for creating an intermediate or final tangible or intangible product. This highlights the essential side of the concept of forensic technology and is its distinctive feature. It is established that forensic technology, expert methodology and the process of expert research are concepts of different order. At the same time, the process of expert research is accompanied by the use of forensic technologies, and their integration into expert methods is a natural result of the development of science and practice, taking into account the use of criminology and forensic expertise of scientific and technological progress.

Key words: expert technology, research process, methodology, cognition tool, hardware and software complex.

Latyshov Igor Vladimirovich doctor of law, docent, professor, latyshov@gmail.com, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,

Yaremchuk Victoria Pavlovna, postgraduate student, vicktoria.yaremchukkk@yandex.ru, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

УДК 343.98

DOI: 10.24412/2071-6184-2024-3-12-18

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ЯЗЫК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА» И «ЯЗЫК КРИМИНАЛИСТИКИ»

Е.В. Смахтин

Автором анализируются понятия «язык уголовного судопроизводства» и «язык криминалистики». Предпринята попытка обосновать содержание рассматриваемых понятий, показать необходимость внутреннего смыслового единства и непротиворечивости языка уголовного судопроизводства, системно изложить специальный характер криминалистики, обосновать ее предмет и метод научного познания. Подчеркнуто, что рассматриваемые понятия взаимосвязаны, должны взаимно дополнять и обогащать уголовно-правовые науки. Констатируется, что язык криминалистики имеет свою специфику и не все ее понятия находят выражение в уголовном судопроизводстве и действующих Уголовном и Уголовно-процессуальных кодексах Российской Федерации.

Ключевые слова: язык, предмет, метод, система, криминалистика, уголовно-правовые науки.

Уголовный процесс и криминалистика как науки входит в состав научной специальности «5.1.4. Уголовно-правовые науки». В свою очередь, уголовно-правовые науки входят в отрасль «Юридические науки». Системная целостность юридических наук обусловлена исторически и связана с развитием теории права в России. Общеизвестно, что право представляет собой систему законодательных и иных норм, содержащихся в различных источниках [3, с. 123]. Уголовно-правовые науки, каждая из которых обладает собственным предметом и методом, развиваются как часть общей системы «юридические науки», оказывая влияние на всю систему. В свою очередь, реформирование самой системы предопределяет ее воздействие как на менее крупные структурные образования, например, уголовно-правовые науки, так и отдельные науки, входящие в состав научной специальности. В настоящее время развитие юридической науки связано с внедрением в уголовное судопроизводство информационных технологий. Получая законодательное закрепление в Конституции РФ, материальном и процессуальном уголовном праве, информационные технологии становятся неотъемлемой частью процесса расследования и судебного рассмотрения дела. Интенсивное развитие уголовного судопроизводства обуславливает необходимость сохранения языка уголовного судопроизводства и языка криминалистики. Речь не идет о консервативном подходе и отказе от введения в язык науки новых понятий. Вместе с тем новые термины в юридической науке должны «вписываться» в существующий понятийный аппарат, логически дополнять его, а сам «язык» обладать внутренним единством и непротиворечивостью. Не менее важно определить и соотношение понятий «язык уголовного судопроизводства» и «язык криминалистики».

Прежде всего, уточним, что в уголовном судопроизводстве существует понятие «язык уголовного судопроизводства» (ст.18 УПК РФ). В этой статье

уголовно-процессуального кодекса речь идет об одном из важнейших принципов, которым предусмотрено ведение уголовного процесса на русском языке, а также на государственных языках входящих в Российскую Федерацию республик. В исследованиях ученых по этому вопросу, как правило, рассматриваются вопросы реализации прав лиц, не владеющих языком либо недостаточно владеющих языком, на котором ведется уголовное судопроизводство [7, с. 155]. Вместе с тем в науке существует и более широкое понятие этого термина. Так, А.С. Александров рассматривает язык уголовного судопроизводства как «подязык естественного языка», а само уголовно-процессуальное право, как «начитанный текст закона». Ученый, выделяя предварительное и судебное следствие, рассматривает последнее как судоговорение, то, что стороны и суд готовы признать за истинное знание [2, с. 10–12]. Можно резюмировать, что в уголовно-процессуальном законодательстве и науке в эти слова вкладывается различный смысл. Другими словами, полагаем возможным определить понятие «язык уголовного судопроизводства» как в узком, так и в широком смысле слова. В рамках настоящей статьи мы рассматриваем язык уголовного судопроизводства в широком смысле этого слова.

Исследуя тексты некоторых статей УПК РФ, А.С. Александров приходит к выводу о том, что понятия «обстоятельства», «сведения», «данные», «доказательства», «факты» и некоторые др. зачастую рассматриваются законодателем как слова-синонимы. Более того, в некоторых случаях в одни и те же понятия в разных статьях УПК РФ вкладывается разный смысл. Ученый полагает, что существуют две реальности. Одна реальность – «не проговоренная» юридическим языком, существующая на законодательном уровне, а другая – созданная речью участников уголовного судопроизводства. Таким образом, познание сути явлений, процессов, событий в уголовном судопроизводстве осуществляется через язык. Участники уголовного судопроизводства имеют дело с текстами, а не с реальностью. «Объект и Субъект познания фундаментально зависимы от Языка» [1, с. 12–18]. Не оспаривая этих утверждений, отметим, что исследование проблем языка уголовного судопроизводства и повышение степени упорядоченности понятий являются важной научной проблемой, требующей своего решения, в том числе с точки зрения криминалистической систематики и целостности всей системы научного знания [6, с. 78]. Не сложно предположить, что у разных участников уголовного судопроизводства или у субъектов познания, особенно имеющих противоположный процессуальный интерес, будет разная трактовка доказательств, положенных в основу обвинения, следовательно, суд будет исследовать разные по своему содержанию тексты процессуальных документов. Соответственно, в практической деятельности нужны некие стандарты поведения, правила, в том числе связанные с языком уголовного судопроизводства, обладающим неким смысловым единством и непротиворечивостью.

Криминалистика, входящая в состав уголовно-правовых наук, в этом отношении не является исключением. Начиная с первых работ прикладного характера, ученые называли ее по-разному. В частности, С.Н. Трегубов, полемизируя с Р.А. Рейссом, предложил научные основы техники расследования преступле-

ний именовать «уголовной техникой» [11, с. 4]. Буквально через десять лет И.Н. Якимов, согласившись с Г. Гроссом и приведя собственные аргументы, предложил называть новую науку криминалистикой, что было положительно воспринято учеными того времени [12, с. 5]. Изучение цитируемых источников по криминалистике показало, что весьма важно было определить такое название новой науки, которое соответствовало бы ее содержанию и не вступало в противоречие с языком материального, процессуального уголовного права и практикой расследования, судебного рассмотрения уголовных дел.

В настоящее время уголовное и уголовно-процессуальное законодательство содержит множество противоречий и пробелов. Постоянные изменения, вносимые законодателем в тексты УК РФ и УПК РФ, ясности не добавляют. На этом фоне заметна роль Высших судебных инстанций, которые разъясняют как порядок применения отдельных положений федерального законодательства в уголовном судопроизводстве, так и сам текст норм УК РФ и УПК РФ. Разное понимание текста законов приводит к тому, что не только практики, но и ученые по-разному трактуют содержание понятий, которые определены в отраслевых кодексах.

Не избежали ученые и соблазна использования сложных либо не совсем понятных терминов, отдавая дань моде и развитию информационных технологий. «Новая терминология» порой заимствуется из разных источников, имеющих внутренние противоречия. За примерами далеко ходить не надо. На сайте Тюменского государственного университета имеется информация о некоторых научных программах. В их числе «Приоритет 2030», в которой представлены и такие направления, как «биоправо», «углеродное правовое регулирование», «карбоновые полигоны». В программе утверждается, что «новые» юридические понятия — это современная реальность, а сами понятия необходимо содержательно наполнять. Причем определений этих понятий и пояснений сути явлений, которые будут регулироваться нормами права, естественно, мы не находим.

Например, словосочетание «карбоновые полигоны» используется уже достаточно часто. Общеизвестно, что карбон — это полимерный композитный материал из углеродного волокна. В настоящее время широкое распространение получили карбоновые велосипеды, мотоциклы, шлемы и пр. Логично предположить, что карбоновый полигон — это место, где такие материалы либо изделия из него испытывают либо производят. Ничего подобного. На сайте Министерства науки и высшего образования Российской Федерации находим, что карбоновый полигон — это территория с уникальной экологической системой, созданная для реализации мер контроля активных газов с участием университетов и научных организаций. В настоящее время под эгидой Министерства и различных университетов и создаются такие полигоны. Исходя из анализа имеющихся на сайте сведений, можно заключить, что они созданы в целях обеспечения мониторинга за круговоротом различных газов, прежде всего углерода. Более того, в настоящее время коллективом ученых начата работа по написанию учебника по «карбонному праву», издание которого планируется в 2025 году. В одном из разделов этого учебника планируется рассмотрение уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и криминалистических аспектов. Возникает вопрос: почему

название полигона не соответствует содержанию информации на сайте? Кроме того, если это климатический, экологический проект, в котором принимает участие и наука, почему не использовать существующую в науке терминологию, связанную с экологическим правом? Возможно, тогда будет легче определить взаимосвязь уголовно-правовых наук с экологией окружающей среды и экологическим правом.

Представляется, что нужно с большой осторожностью, бережно относиться к таким «новеллам», если хотите бороться за чистоту русского языка и языка науки. Тем более, что согласно п. 6 ст.1 ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»¹ при использовании русского языка не допускается употребление слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, за исключением иностранных слов, которые не имеют общеупотребительных аналогов в русском языке.

В криминалистике язык науки, как правило, определяется как понятийно-категориальный аппарат. Наиболее значимые вехи в развитии ознаменованы изданием криминалистических энциклопедий, содержащих систематизированные сведения о различных понятиях и терминах. Так, Р.С. Белкиным в 1993 г. были изданы краткая энциклопедия «Криминалистика», а в 1997 г. – «Криминалистическая энциклопедия», которая не утратила своей актуальности и в настоящее время. В частности, Рафаил Самуилович определял язык криминалистики как систему общих и частных понятий, выражаемых определениями и обозначениями (знаками, терминами) [5, с. 273]. Как видим, язык криминалистики – это тоже не национальный язык уголовного судопроизводства. Причем если попытаться вникнуть в суть предмета криминалистики, то очевидно, что, поскольку это наука в т.ч. о закономерностях предварительного и судебного следствия, криминалисты при разработке новых понятий и терминов должны учитывать положения уголовного, уголовно-процессуального законодательства и практику их применения. Учитывая широкое внедрение в уголовно-процессуальное законодательство информационных технологий, многие ученые подтверждают необходимость дальнейшего исследования языка криминалистики и ее терминологического аппарата [10, с. 223–230].

По мнению И.М. Комарова и А.И. Парубова, формирование языка криминалистики и сохранение сущности его понятий необходимо для правильного и единообразного понимания, как в науке, так и на практике. Более того, язык криминалистики отличается от языка уголовного судопроизводства [8, с. 58]. Не оспаривая это утверждение, отметим, что отличие языка уголовного судопроизводства и языка криминалистики, в основном, связано с таким устоявшимся в криминалистике понятиями, как «криминалистическая характеристика преступления», «частная криминалистическая методика», «первоначальный этап расследования». Перечисленные и многие другие распространенные в криминалистике понятия не имеют законодательного закрепления, что, на наш взгляд,

¹ Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ (ред. от 28.02.2023) «О государственном языке Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс» [Электронный ресурс] (дата обращения: 10.07.2023).

вполне оправданно. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и не должен содержать в себе все общие и частные понятия, входящие в язык криминалистики, поскольку в нем определен порядок уголовного судопроизводства. А наука, в том числе уголовно-процессуальное право, криминалистика, должна разрабатывать новую терминологию, которая может быть воспринята законодателем и стать нормой закона, а может и нет. Кстати, отметим, что слово «криминалистика» встречается в УПК РФ один раз применительно к определению понятия «следователь-криминалист». Слово «тактика» также встречается в Кодексе один раз, применительно к свободе выбора тактики допроса. Причем законодатель не раскрывает содержание этих понятий. Повторим, на наш взгляд, этого и не требуется, поскольку иначе УПК РФ превратится в многотомный федеральный закон. Гораздо важнее сохранить целостность, единство и непротиворечивость языка всех уголовно-правовых наук.

Так, существует огромное количество терминов, которые используются как в уголовном судопроизводстве, так и криминалистике. В их числе, например, понятия: «способ совершения преступления», «способы обнаружения, фиксации и изъятия следов», «место и время совершения преступления», «алиби», «процессуальное решение» и многие другие. Представляется, что язык уголовного судопроизводства и язык криминалистики глубоких противоречий в настоящее время не имеют и соответствуют уголовно-процессуальному законодательству. Одним словом, отличия языка криминалистики от языка уголовного судопроизводства в настоящее время незначительны и связаны с исторически сложившимися «традициями». В частности, в языке уголовного судопроизводства используется понятие «стадии досудебного производства», а в криминалистике – «первоначальный и последующий этапы расследования». Полагаем, что подобные отличия не существенны и не содержат каких-либо серьезных внутренних противоречий.

Безусловно, каждая из уголовно-правовых наук имеет свою терминологию и понятийно-категориальный аппарат, в том числе уголовно-процессуальная и криминалистическая науки. Однако, в числе общих черт такого аппарата можно назвать системность и устойчивость, единство и точность [4, с. 10]. Представляется чрезвычайно важным, что язык криминалистики, ни при каких обстоятельствах не должен вступать в прямое противоречие с языком уголовного судопроизводства, хотя может и отличаться, как уже отмечено, в части некоторых понятий, которые уголовно-процессуальным законодательством не определены. В этом смысловом единстве, на наш взгляд, проявляется взаимосвязь всех уголовно-правовых наук.

В заключение можно сделать следующие выводы.

1. Существующие разночтения между понятиями «язык уголовного судопроизводства» в действующем уголовно-процессуальном законодательстве и науке не имеют принципиального значения. Представляется вполне обоснованным предложить рассматривать эти понятия в широком и узком смысле этого слова.

2. Криминалистика находится на передовых рубежах противодействия преступности. Именно от практической деятельности следователей-

криминалистов зависит востребованность науки. Передовые технологии и разработки науки зачастую проходят свою апробацию на практике, в дальнейшем совершенствуются и дорабатываются. Очень важно, чтобы существующая терминология в уголовном судопроизводстве, как в виде практической деятельности, так и в науках уголовного процесса и криминалистики, была единой и непротиворечивой. Отличия языка криминалистики и языка уголовного судопроизводства в основном связаны с отсутствием законодательного закрепления некоторых понятий в криминалистике. Язык криминалистики не должен противоречить нормам УК РФ и УПК РФ.

3. Соотношение языка криминалистики с языком уголовного судопроизводства можно определить как соотношение самостоятельных элементов единой системы уголовно-правовых наук. Содержательно языки наук могут иметь отличия, которые не должны содержать явных противоречий, сохраняя внутреннее единство.

4. Научно-обоснованные рекомендации криминалистики по расследованию и судебному рассмотрению отдельных видов и групп преступлений как конечный продукт криминалистической науки согласуются с уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными институтами, взаимно дополняют, развивают и обогащают их. Многие понятия криминалистики воспринимаются законодателем и получают нормативное закрепление как в уголовном, так и уголовно-процессуальном законодательстве. В свою очередь, введение в научный обиход права новых терминов требует их осмысления представителями уголовно-правовых наук. Так, в Конституции существует относительно новая норма, в которой используется словосочетание «информационные технологии и оборот цифровых данных». Соответственно, важнейшей научной задачей представителей уголовно-процессуальной и криминалистической науки является наполнение нового термина конкретным смысловым содержанием. Полагаем, что взаимосвязь языка уголовного судопроизводства и языка криминалистики носит устойчивый и двухсторонний характер [9, с. 10–17].

Список литературы

1. Александров А.С. О методологических следствиях, вызываемых терминологическими причинами (из опыта прочтения текста УПК РФ) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 5(262). С. 6–18.
2. Александров А.С. Язык Уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2003. 60 с.
3. Алексеев С.С. Теория права. М.: Изд-во БЕК. 1993. 223 с.
4. Белицкий В.Ю. Понятийно-категориальный аппарат криминалистической науки // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1(13). С. 9–14.
5. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Изд-во БЕК, 1997. 342 с.

6. Головин А.Ю. Криминалистическая систематика. М.: ЛексЭст, 2002. 305 с.
7. Зяблина М.В. Реализация принципа языка уголовного судопроизводства // Lex Russica. 2016. № 11(120). С.155–161.
8. Комаров И.М., Парубов А.И. Традиции языка криминалистики и их соблюдение в современных криминалистических исследованиях // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2023. № 1(104). С. 55–59.
9. Смахтин Е.В. Криминалистика в системе юридических наук уголовно-правового цикла: теория и практика: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 342 с.
10. Степаненко Д.А. К вопросу о языке науки криминалистики // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 3(94). С. 223–230.
11. Трегубов С.Н. Основы уголовной техники, научно-технические приемы расследования преступлений. М.: ЛексЭст, 2002. 336 с.
12. Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. Новое изд., перепеч. с изд. 1925 г. М.: ЛексЭст, 2003. 496 с.

Смахтин Евгений Владимирович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры, smaxt@yandex.ru, Россия, Тюмень, Тюменский государственный университет

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS OF "THE LANGUAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS" AND "THE LANGUAGE OF CRIMINALISTIC"

E.V.Smakhtin

The article analyzes the concepts of "the language of criminal proceedings" and "the language of criminology". An attempt is made to substantiate the content of the concepts under consideration, to show the need for internal semantic unity and consistency of the language of criminal proceedings. systematically outline the special nature of criminology, substantiate its subject and method of scientific knowledge. It is emphasized that the concepts under consideration are interrelated, should complement and enrich criminal law sciences. It is stated that the language of criminology has its own specifics and not all of its concepts find expression in criminal proceedings and the current Criminal and Criminal Procedure Codes of the Russian Federation.

Key words: language, subject, method, system, criminalistics, criminal law sciences.

Smakhtin Evgeny Vladimirovich, Dr. jurid. sciences, Prof., Prof. of the Department, smaxt@yandex.ru, Tyumen, Tyumen State University

УДК 343.98

DOI: 10.24412/2071-6184-2024-3-18-25

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА В СИСТЕМЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НАУК**

А.В. Белоусов, Е.В. Смахтин

Авторами представлена сущность криминалистической модели искусственного интеллекта. Предпринята попытка обосновать применение метода моделирования при фор-

мировании криминалистической модели искусственного интеллекта в системе криминалистической техники. С применением языка криминалистики, дано определение криминалистической модели искусственного интеллекта, показана эффективность его использования в криминалистической деятельности. Криминалистическая модель искусственного интеллекта рассмотрена в системе уголовно-правовых наук.

Ключевые слова: криминалистика, язык, модель, искусственный интеллект, криминалистическая техника, уголовно-правовые науки.

На современном этапе развития человечества искусственный интеллект (далее – ИИ) применяется в различных сферах деятельности. Сегодня стало обычным общение с т.н. ботами, которые оптимизируют работу не только бизнеса, но и государства. Очевидно, что это позволило существенно повысить эффективность процесса оказания различного вида услуг гражданам. Помимо проектов, имеющих социальный характер, в настоящее время ИИ активно внедряется в деятельность органов государственной власти и управления.

ИИ как новое научно-техническое направление известен миру с середины XX века. В 1956 г. в г. Детройте (США) состоялась научная конференция, посвященная использованию электронно-вычислительных машин (далее – ЭВМ). В конференции приняли участие такие всемирно известные ученые, как К. Шеннон, М. Минский, Дж. Маккарти и некоторые др. Одним из важных шагов после названной конференции был исследовательский проект в области ИИ, который возглавил Дж. Маккарти. В Российской Федерации одним из основоположников школы ИИ является Г.С. Поспелов.

Т.Г. Пенькова выделяет семь типов (систем) ИИ: узкий, общий, сильный искусственный интеллект, реактивные машины, ограниченная память, теория разума и самосознание. В каждом типе (системе) ИИ в зависимости от цели и задач разрабатываются и используются отдельные модели или их совокупность [12, с. 7].

Представляется, что, помимо научной составляющей, не менее важное значение имеет нормативно-правовое регулирование общественных отношений, связанных с использованием систем ИИ. Так, Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» утверждена «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» и определены цели, задачи, приоритетные направления развития искусственного ИИ в России. Одной из основных задач его развития является создание комплексной системы нормативно-правового регулирования, обеспечение безопасности применения таких технологий и укрепление международного сотрудничества. Схожие подходы к правовому регулированию развития ИИ в Китайской Народной Республике. Европейский Союз на законодательном уровне разработал унифицированные правила, регулирующие в т.ч. степень потенциальной угрозы систем ИИ правам человека. На этом фоне в определенный диссонанс вступает позиция США, в которых на нормативно-правовом уровне определена задача обеспечения американского лидерства в ИИ (Указ Президента от 11 февраля 2019 г. № 13859 «Об обеспечении американского лидерства в искусственном интеллекте») [8, с. 212–223].

Обеспечение национальной безопасности и правопорядка предопределяет необходимость внедрения систем ИИ в правоохранительную и судебную деятельность. Прежде всего, речь идет о создании научной модели ИИ в уголовно-правовых науках. В свою очередь, при ее создании возникает необходимость использования языка криминалистики в единой системе уголовно-правовых наук. Важно избежать ненадежных и расплывчатых слов, которые должны исчезать из языка науки. В этом случае качество суждений, высказываний будет увеличиваться, а наука находить все более надежные знаки [5, с. 80–81].

Полагаем, что формирование криминалистической модели ИИ является актуальным научным направлением в криминалистике. В ходе разработки такой модели язык криминалистики должен быть понятен и непротиворечив при решении различных интеллектуальных задач. Причем он (язык) должен быть понятен не только науке, практике, но и ИИ. Безусловно, прав Р.С. Белкин, который под языком криминалистики определял систему ее общих и частных понятий, выражаемых определениями и обозначениями (знаками, терминами) [3, с. 273].

Язык криминалистики изучался и другими учеными, такими как В.О. Кузнецов [7, с. 3–25], Е.Р. Россинская [15, с. 56–59], А.А. Светличный [14, с. 3–212] и некоторыми др. Большинство ученых единодушны во мнении о том, что как язык криминалистики, так и язык уголовно-правовых наук должны содержать общий запас понятий, обозначений, знаков, имеющих внутреннее единство, однозначно понимаемых и реализуемых на практике. Эффективность языка науки напрямую связана с его точностью, определенностью и непротиворечивостью употребляемых обозначений и терминов.

Взяв за основу сущностное значение языка криминалистики, предпримем попытку определить криминалистическую модель ИИ.

Вернемся к работе Т.Г. Пеньковой, которая, на наш взгляд, точно определила ИИ как свойство автоматизированной системы (систем) брать на себя отдельные функции интеллекта человека. Причем для создания даже самой простой модели требуется междисциплинарный подход. В более сложных моделях ИИ представляет собой совокупность моделей, методов и технологий для решения плохо формализуемых (интеллектуальных) задач с помощью искусственных носителей [12, с. 7].

На нормативно-правовом уровне ИИ рассматривается как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека. Сам комплекс состоит из информационно-коммуникационной инфраструктуры, программного обеспечения, процессов и сервисов по обработке данных и поиску решений. Полученные результаты при выполнении конкретных задач, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их, могут быть представлены в виде модели ИИ.

Следовательно, в основе модели ИИ – программа для ЭВМ, предназначенная для выполнения интеллектуальных задач на уровне, сопоставимом с результатами интеллектуального труда человека. В свою очередь, в основе программы – алгоритмы и наборы данных для выведения закономерностей, принятия решений или прогнозирования результатов.

Д.В. Бахтеев считает, что в технологию ИИ может быть включен объём всех объективных сведений (как естественно-технического, так и социогуманитарного, в том числе криминалистического характера) о сущности, формах и функционировании ИИ, а также совокупность прикладных и экспериментальных реализаций указанных сведений. Реализация такой технологии возможна в виде прикладного или экспериментального решения, обладающего рациональностью и автономностью [2, с. 315].

В настоящее время можно констатировать, что криминалисты активно включились в разработку и исследование различных систем ИИ. Например, выделяется эмоциональный ИИ, суть которого в разработке систем и алгоритмов, способных воспринимать (считывать) человеческие эмоции и соответственно на них реагировать [13, с. 17]. Не менее интересны и модели, связанные с возможностью идентификации личности преступника, транспорта, следов пальцев и ладоней руки [9, с. 112–116], изучением технических и тактических вопросов работы с электронными следами [10, с. 317–319]. Отдельные задачи могут быть решены ИИ в судебно-экспертной деятельности [11, 78–84].

Существует позиция, что ИИ представляет собой комплекс технологических решений, позволяющий определенным образом организовать нейронные сети, для решения поставленных перед ИИ задач. Наряду с ИИ используется понятие «искусственная интеллектуальная система», представляющая модель, включающую в себя как технологии ИИ, так и иные технологические решения» [1, с. 46–47].

Как видим, подходы к определению сути ИИ в криминалистике и уголовно-правовых науках различны. Одни авторы представляют работу ИИ в виде технологии, другие – в виде систем и алгоритмов, третьи – в виде комплекса технологических решений. Однако во всех предлагаемых определениях есть много общего. Попытка определить ИИ через выделенные учеными признаки этого понятия нам представляется правильной. В результате осмысления признаков, которые ученые вкладывают в понятие ИИ, возникает некий образ (понятие), который может быть использован в виде модели, опирающейся на другие понятия [4, с. 6]. Полагаем, что формирование единого подхода к понятию ИИ и его криминалистическое осмысление возможно через призму метода моделирования, который получил широкое распространение в криминалистике и уголовно-правовых науках.

Использование метода моделирования предопределяет возможность формирования некой криминалистической модели ИИ. В этих целях допустимо использовать совокупность технологий, приемов и средств, позволяющих дать характеристику ИИ через призму языка криминалистики, используя различные модели. Если рассматривать метод моделирования как метод науки, то модели ИИ могут быть различными, как минимум, виртуальными и реальными. Очевидно и другое. Метод моделирования может рассматриваться и как вид практической деятельности в процессе расследования преступлений. Например, следователь при помощи ИИ может создать виртуальную модель взрывного

устройства, транспортного средства, а затем в ходе следственного эксперимента либо экспертизы проверить выдвинутую версию на реальной модели.

Важно учитывать и то обстоятельство, что разработка систем ИИ тесно связана с языками программирования и различными компьютерными программами, которые не всегда понятны ученым-юристам и практикам. Большинство криминалистов, опираясь на философские исследования, единодушны в том, что исходным основанием моделей является способ их построения» [6, с. 157–158]. Повторим, что способы построения моделей могут быть разными.

Нетрудно заметить, что в основе всех предлагаемых определений ИИ такие дефиниции, как система, модель, технологические решения, информационно-коммуникационная инфраструктура. Однако все они, хотя и с некоторыми оговорками, могут быть объединены в некую абстрактную модель ИИ. Кроме того, поскольку все вопросы, связанные с созданием и функционированием систем ИИ, в той или иной мере связаны с криминалистической техникой, полагаем, что ИИ можно рассматривать как часть этого раздела криминалистики.

Проведенный нами краткий анализ показал, что криминалистическую модель ИИ можно определить как раздел криминалистической техники, представляющий собой систему научных положений:

- об информационно-коммуникационной инфраструктуре;
- о программном обеспечении;

– о процессах и сервисах, позволяющих осуществить обработку данных и поиск оптимальных решений при выполнении компьютером конкретных интеллектуальных задач, направленных на повышение эффективности раскрытия и расследования преступлений, а также судебного рассмотрения уголовных дел.

Также необходимо обеспечить трансформацию языка естественных наук в язык криминалистики и уголовно-правовых наук, с учетом оговорок, которые были сделаны нами ранее. Рассмотрим элементы криминалистической модели ИИ, которые легли в основу определения этого понятия.

Криминалистическая модель ИИ представлена нами как структурный элемент, часть криминалистической техники, потому что информационные технологии и оборот цифровых данных в процессе расследования преступлений и судебного рассмотрения уголовных дел связаны с физикой, прикладной математикой, компьютерной лингвистикой, программированием и некоторыми другими естественными науками. Естественно-научный характер криминалистики позволяет трансформировать данные точных наук, адаптировать их к языку криминалистики и уголовно-правовых наук, а затем и применить для целей раскрытия и расследования преступлений. Современные технологии, в том числе технологии ИИ, также успешно применяются при производстве значительного количества судебных экспертиз. Знание следователями теоретических основ функционирования и развития систем ИИ, приемов и методик работы с доказательственной информацией имеет важное значение в настоящее время.

Информационно-коммуникационная инфраструктура включает в себя технологические средства, состоящие из систем ИИ, способные решать интеллектуальные задачи. Выполнение компьютером интеллектуальных задач на уровне, сопоставимом с результатами интеллектуального труда лиц с различ-

ным процессуальным статусом, или превосходящем их. К лицам с различными процессуальными функциями (статусом) нами отнесены участники уголовного судопроизводства, обладающие властными полномочиями (следователь, дознаватель, сотрудники органа дознания, эксперт, судья). К интеллектуальному труду относится деятельность, требующая умственных усилий, знаний, проявления аналитических способностей и творчества.

В интеллектуальную составляющую криминалистической модели ИИ предлагается включить и криминалистическое мышление. Без участия человека в настоящее время представить себе работу криминалистической модели ИИ довольно сложно. Вместе с тем отметим, что в настоящее время в некоторых странах, например в КНР, простые судебные решения уже принимаются ИИ.

Следовательно, в науке можно говорить о некой абстрактной криминалистической модели ИИ. В практической деятельности зачастую мы имеем дело не только с виртуальными, но и реальными моделями, созданными при помощи ИИ. Так, результаты, полученные с применением ИИ в виде конкретных сведений о лице, находившемся в определенном месте, о следах пальцев рук, выявленных в процессе раскрытия и расследования преступлений, а также иные сведения, имеющие доказательственное значение, обеспечат эффективный процесс обнаружения, фиксации, изъятия, исследования, накопления и обработки криминалистически значимой информации о событии преступления. Немаловажно и то, что с использованием ИИ процесс организации и планирования предварительного и судебного следствия проходит в более короткий промежуток времени, что позволяет говорить о процессуальной экономии сил и средств. При помощи систем ИИ может быть определена линия поведения лиц, осуществляющих следствие, а также использованы более эффективные тактические приемы, комбинации и операции.

Применительно к системе «Безопасный город» возможна организация общей и частной профилактики преступлений; выявление латентных преступлений и нераскрытых преступлений прошлых лет, осуществление поисковой и розыскной деятельности.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что криминалистическая модель ИИ, её структура и содержание являются не только элементом криминалистической техники. Как видим, существует неразрывная связь с остальными частями (разделами) криминалистики: общей теорией, криминалистической тактикой и криминалистической методикой.

Кроме того, как показал проведенный теоретический анализ, при построении модели ИИ в Российской Федерации делается акцент на законность его применения, соблюдение прав и свобод человека и гражданина. Например, в системе состязательного уголовного судопроизводства дополнительной гарантией защиты прав участников уголовного судопроизводства служат видеоконтроль и фиксация с помощью камер наружного наблюдения в местах большого скопления людей, поскольку во многих случаях это позволяет дополнить картину происшествия дополнительными средствами фиксации, правильно определить квалифицирующие признаки противоправного деяния и назна-

чить справедливое наказание. Безусловно, при условии, что полученный при помощи ИИ результат будет соответствовать правилам оценки доказательств с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности для разрешения уголовного дела.

При использовании криминалистической модели ИИ в процессе расследования и судебного рассмотрения уголовных дел очевидна и взаимосвязь криминалистики с другими уголовно-правовыми науками.

Список литературы

1. Барчуков В.К. Информационное обеспечение, искусственный интеллект, правоохранительная деятельность / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. С.В. Расторопова. СПб.: Издательство «Юридический центр», 2022. 272 с.

2. Бахтеев Д.В. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 504 с.

3. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Издательство БЕК, 1997. 342 с.

4. Гайдамакин А.А. Искусственный интеллект в юридической аналитике: учеб. пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2019. 132 с.

5. Клаус Г. Сила слова (гносеологический и прагматический анализ языка). М.: Прогресс, 1967. 215 с.

6. Ковалев С.А., Решняк О.А., Вехов В.Б. Генезис компьютерного моделирования в криминалистике // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 4(18). С. 156–160.

7. Кузнецов В.О. Современные тенденции формирования и развития экспертных понятий как элемента языка судебной экспертологии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2021. 26 с.

8. Ключевые подходы к правовому регулированию использования систем искусственного интеллекта. / Д.Л. Кутейников, О.А. Ижаев, С.С. Зенин, В.А. Лебедев. Вестник Тюменского государственного университета, 2022. Т. 8. № 1 (29). С. 209–232.

9. Маилян А.В. Перспективы внедрения новейших методов раскрытия отдельных видов преступлений // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конференции: Ростов-на-Дону, 4 мая 2023 года. Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. С. 112–116.

10. Маслов Н.В., Кукало Е.В. Электронная криминалистика и искусственный интеллект как подход к научно-техническому обеспечению расследования и раскрытия киберпреступлений // Криминалистика: наука, практика, опыт: сб. научн. трудов Всеросс. науч.-практ. конференции: Москва, 23 июня 2022 года. Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2022. С. 317–319.

11. Нестеров А.В. Персональные данные и искусственный интеллект: судебно-экспертный аспект / Вестник криминалистики. 2020. № 3(75). С. 78–84.

12. Пенькова Т.Г., Вайнштейн Ю.В. Модели и методы искусственного интеллекта. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2019. 116 с.

13. Савельева М.В. Искусственный интеллект, эмоциональный интеллект, эмоциональный искусственный интеллект как перспективные элементы оптимизации расследования // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2023. № 1(21). С. 14–19.

14. Светличный А.А. Генезис и тенденции развития криминалистической терминологии: монография: Тула: Тульский государственный университет, 2024. 212 с.

15. Теория судебной экспертизы: учебник / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. С. 56–59.

Белусов Алексей Владимирович, канд. юрид. наук, доц. кафедры, belousovalecs@mail.ru, Тюмень, Тюменский государственный университет,

Смахтин Евгений Владимирович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры, smaxt@yandex.ru, Тюмень, Тюменский государственный университет

THE CRIMINALISTIC MODEL OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE SYSTEM OF CRIMINAL LAW SCIENCES

A.V. Belousov, E.V. Smakhtin

An attempt is made to justify the use of the modeling method in the formation of a forensic model of artificial intelligence in the system of forensic technology. Using the language of criminology, the definition of the forensic model of artificial intelligence is given, and the effectiveness of its use in forensic activities is shown. The forensic model of artificial intelligence is considered in the system of criminal law sciences.

Key words: criminalistics, language, model, artificial intelligence, forensic technology, criminal law sciences.

Belousov Alexey Vladimirovich, PhD. Jurid. Sciences, Associate professor of the Department, belousovalecs@mail.ru, Tyumen, Tyumen State University.

Smakhtin Evgeny Vladimirovich, Dr. jurid. Sciences, Prof., Prof. of the Department, smaxt@yandex.ru, Tyumen, Tyumen State University

УДК 343.9

DOI: 10.24412/2071-6184-2024-3-25-34

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЫСКА В ЖИЛИЩЕ В КОНФЛИКТНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ СИТУАЦИИ

О.П. Виноградова

Обыск является одним из самых сложных следственных действий, требующих серьезной подготовки, организации и особой последовательности хода производимых мероприятий. При производстве обыска могут возникать различные ситуации, одной из

которых является конфликтная следственная ситуация, которая приводит к некоторым затруднениям в проведении обыска, что в свою очередь может привести к негативным последствиям, вплоть до отсутствия возможности изобличения лица в совершении преступления, что крайне недопустимо для следователя. Важной задачей обыска является получение следователем ценных доказательств, помогающих в установлении личности виновного и качественном расследовании преступления. Различные сложности возникают в том числе и исходя из того, что данное следственное действие несет принудительный характер, представляя собой вторжение в частную жизнь человека, затрагивая права и интересы обыскиваемого. Следовательно, очень часто происходит повышенная психологическая нагрузка и недовольство обеих сторон из-за противоположностей целей следователя и обыскиваемого лица. Проблемным также представляется тот момент, что многими авторами уделяется особое внимание вопросу неприкосновенности жилища, являющемуся конституционным принципом. Первостепенной задачей следственных органов при производстве обыска является соблюдение незыблемых принципов, определяемых Конституцией Российской Федерации и иными законодательными нормами, в том числе закрепляющими процессуальный порядок проведения обыска.

Ключевые слова: обыск, следственное действие, конфликтная ситуация, след, обследование помещений, тактический прием, принудительный характер.

Обыск является одним из важных и сложных следственных действий, позволяющих обнаружить следы лица, совершившего преступление, а также предметы, документы и иные вещественные доказательства, имеющие значение для расследования уголовного дела и изобличение в совершении преступления лица, у которого производится обыск. В ходе проведения обыска необходимо определять качественно состав участников обыска, обеспечить их необходимыми техническими средствами для его производства, составить план проведения необходимых мероприятий и изучить личность обыскиваемого, а также помещение, где будет производиться обыск. Обратимся к определению данного термина, данного профессором Е.П. Ищенко, по мнению которого, обыск – это, прежде всего, «установленное уголовно-процессуальным законом следственное действие, регулируемое ст. 182 УПК РФ и проводимое следственными органами в принудительном порядке для обследования помещений и сооружений, приусадебных участков, одежды и тела отдельных лиц в целях отыскания и изъятия необходимых для дела предметов, документов, а также обнаружения разыскиваемых преступников, потерпевших и их трупов» [1, с. 387]. Профессор Н.П. Яблоков характеризует обыск как «следственное действие, осуществляемое принудительно, в рамках уголовно-процессуального закона управомоченными на то лицами, с целью обследования помещений, личных вещей, участков местности и иных сооружений, находящихся в ведении обыскиваемого лица и членов его семьи или организации, с обязательным соблюдением прав и законных интересов граждан и юридических лиц». По мнению Н.П. Яблокова, «количество применения обыска не ограничивается, он может проводиться, когда объектом поиска являются разыскиваемое лицо, труп или его части» [2, с. 465].

С.Б. Россинский под обыском понимает «форму специальной операции». В сущность данного понятия автор вкладывает действия следователя «по принудительному обследовании помещений (сооружений), участков местности или

транспортных средств в целях отыскания и изъятия множества скрываемых доказательств преступления, предметов и ценностей, нажитых преступным путем и подлежащих конфискации, розыска живых лиц и трупов, осуществляемых в условиях преодоления противодействия расследованию и угрозы такого противодействия» [3, с. 151–162]. Таким образом, С.Б. Россинский уже указывает на факт, что обыск может проводиться в условиях противодействия, то есть в сложной ситуации, а именно конфликта. Данный автор не зря выделил, что обыск — это специальная операция, так как она подразумевает огромную работу следователем для подготовки к ней. Так, по мнению С.Б. Россинского, «для раскрытия преступлений необходимо осуществить сбор и проанализировать огромные объемы информации: изучить большое число документов, допросить множество лиц, получить информацию, содержащуюся как в персональных компьютерах, так и в компьютерных сетях, а в ряде случаев – приобщить к материалам дела множество вещественных доказательств» [4, с. 21–23].

А.С. Князьков, наоборот, говорит, что если ранее в криминалистической литературе обыск именовался принудительным следственным действием, то в настоящее время в этом проявляется определенная условность такого подхода. По его мнению, законодатель «изменил подход к пониманию сущности обыска, поскольку качествами особой процессуальной принудительности закон теперь наделил и другие следственные действия – осмотр жилища и выемку. В этой связи поменялась и сущность обыска как следственного действия, в его основе теперь лежат «возможности целенаправленного деструктивного изменения материальной обстановки в ходе её исследования как средства обнаружения разыскиваемых объектов» [5, с. 138]. Фактически автор упоминает и о конфликтных ситуациях при проведении обыска, но приходит к мнению, что применение тактических приемов преодоления конфликтности не меняет сущности самого процесса обыска.

Криминалистическая сущность обыска заключается в том, что криминалистическая тактика содержит в основе качественные методики отыскания объекта, и иногда это изменяет саму обстановку. Например, деструктивные изменения обстановки производства следственного действия возможны тогда, когда будут найдены предметы или следы и их извлечение требует определённых действий, скажем, выпилить часть стены или часть забора [6, с. 167].

Тактика проведения обыска может отличаться в зависимости от конкретных обстоятельств дела и основных характеристик расследуемого преступления. Например, особенные тактические рекомендации сформулированы криминалистикой для производства обыска при расследовании преступлений, совершенных в соучастии [7, с. 76]. Следует отметить, что групповые преступления, в сравнении с многочисленными иными, представляют повышенную опасность для общества и государства. Во многом это обусловлено тем, что преступления организованной группы тщательно спланированы, рассчитаны и направлены непосредственно на причинение вреда конкретным общественным отношениям, а значит, члены преступных организаций, как правило, имеют

четкую антиобщественную установку, что и делает их преступную деятельность более опасной, чем преступления «одиночек».

Тактические приемы приобретает особое значение применительно к расследованию преступлений, совершенных в соучастии. Так, собрав достаточное количество информации, следователь может проводить допросы одновременно всех участников группы или производить обыск одновременно нескольких участников преступления, при этом дать им основания полагать, что у другого члена группы были получены признательные показания или обнаружены предметы, имеющие доказательственное значение. Поскольку, как правило, участники устойчивых преступных группировок предпринимают меры для оставления в тайне любой информации, касающейся преступной деятельности или самой преступной группы, то следственная хитрость может быть использована следователем, чтобы показать, что один из членов банды уже начал «сдавать» соучастников.

На сегодняшний день ясно видится необходимость введения таких терминов в законодательство как «основания» и «достаточные основания», необходимые для производства следственных и иных процессуальных действий. Как упоминал О.Я. Баев, «достаточность оснований для производства, обыска в жилище или ином помещении, занимаемом (пользуемом), к примеру, подозреваемым, складывается из следующих подсистем: а) обоснованности подозрения о причастности лица к совершению преступления/преступлений; б) знание об объекте обыска (иными словами, о том, как именно следует производить обыск); в) определенная (достаточно высокая прогностического характера степень вероятности обнаружения при принудительном обследовании данного объекта предметов, документов, ценностей и т. п., имеющих по расследуемому уголовному делу» [8, с. 27].

Именно эти параметры, по мнению О.Я. Баева, и были основанием принятия следователем решения о производстве обыска по следующему уголовному делу. В декабре 2018 года по оперативной информации, полученной от источника, заслуживающего доверия, поступила информация о том, что у гражданина М. в загородном жилом доме находится оружие, запрещенное в законном обороте. На совещании было принято решение о выезде к данному гражданину М. на обыск в рамках расследуемого уголовного дела по факту незаконной охоты. На предварительном этапе следователем совместно с оперативными работниками был разработан план действий с учетом сложившейся обстановки и личности лица, у которого планировалось провести такое следственное действие, как обыск. В первой половине следующего дня, после получения разрешения суда, следователь совместно с оперативными сотрудниками выехали на место возможного хранения незаконного в обороте оружия. Группа подъехала к дому, гражданин М. открыл двери, после чего ему было сказано, на каком основании у него дома проводится обыск. Затем следователь, используя тактический прием, в рамках которого было оговорено, что воспрепятствование следствию только усугубит его положение, гражданином М. было принято решение показать место хранения незаконного в обороте оружия. После чего следователем было

процессуально закреплено успешное окончание следственного действия, и изъято незаконное в обороте оружие. Именно грамотное планирование, а также распределение задач лиц участвующих в обыске, помогло в успешном проведении следственного действия [9].

Отдельные этические правила производства следственных действий получают закрепление непосредственно в УПК Российской Федерации и даже в Конституции Российской Федерации. Так, например, указанные акты запрещают допускать жестокое обращение к людям, насилие, пытки и проч. – в основе данных норм лежат именно этические правила. Аналогичные нормы положены в основу положения статьи 184 УПК РФ о том, что личный обыск лица производится только лицом того же пола [10, с. 84].

Вместе с тем в большинстве случаев этические нормы закрепления в законе не получают. Особый интерес для научных исследований представляют ситуации, когда сами обыскиваемые лица и члены их семей специально провоцируют конфликтные ситуации, чтобы заставить следователя и членов оперативной группы нарушить этические правила – например, вступить в словесную перепалку, применить силу и т. д. Кроме того, обыскиваемые лица и члены их семей могут создавать вид плохого самочувствия, чтобы побудить следователя прервать обыск и таким образом скрыть предметы и документы, которые сокрыты в обыскиваемом помещении или на обыскиваемой территории. Ко всем подобным ситуациям участники оперативной группы должны быть подготовлены и не должны допускать прерывания обыска до выполнения поставленного плана. Однако это не означает, что человеку, который резко стал плохо себя чувствовать, не нужно оказывать помощь – напротив, на такой случай у следователя и поисковой группы должен быть заранее разработан план действий [11, с. 98].

А.В. Варданян, уделивший значительное внимание этическим нормам производства обыска, отмечает, что «лица, производящие обыск должны обладать отдельными приемами и методами предупреждения и разрешения конфликтных ситуаций» [12, с. 7]. В частности, ученый указывает, что «основным способом предупреждения возникновения конфликтной ситуации с нестрогим соперничеством является соблюдение следователем некоторых этических требований, предъявляемых к его поведению, а также грамотное объяснение обыскиваемому тех или иных фактов, образующих предмет разногласий. При производстве обыска в условиях конфликтной ситуации со строгим соперничеством эффективны: метод убеждения; активное использование возможностей рефлексивных игр; методы, предлагаемые праксеологией» [13, с. 23].

В настоящее время множество ученых выделяют несколько видов обыска, наиболее проблемным из которых, на наш взгляд, является обыск в жилище в конфликтно-следственной ситуации.

Как и любой вид обыска, обыск в жилище в конфликтно-следственной ситуации имеет ряд целей и задач, к которым относится получение следователем ценных доказательств, помогающих в поимке преступника и раскрытии преступления.

Сама данная ситуация возникает непосредственно в двух случаях: первый, когда следователь заранее на этапе подготовки, исходя из личности лица, у которого будет проходить обыск, знает и допускает, что конфликтной ситуации будет не избежать. Для осуществления такого обыска следователь тщательно готовится к этому следственному действию, уделяет максимум усилий на подготовительном этапе для того, чтобы данный обыск был проведен успешно, и цели, которые были поставлены перед проведением данного следственного действия, были успешно достигнуты. Второй случай, это когда данная конфликтная ситуация возникает спонтанно и неожиданно. Причин, которые могут поспособствовать такой ситуации, довольно таки много, поэтому следователь прилагает максимум усилий на подготовительном этапе для того, чтобы данной ситуации избежать. Устранение конфликтной ситуации является актуальнейшей проблемой на сегодняшний день, так как данная ситуация может воспрепятствовать успешному проведению обыска и изобличению лица в совершении преступления. Но зачастую обыск проходит именно в конфликтной ситуации, потому что каждый преступник желает остаться безнаказанным и готов сделать все, чтобы избавиться и устранить доказательства, которые могут быть найдены у лица, что в дальнейшем приведет к изобличению преступника.

Для проведения качественного обыска в сложившейся ситуации следователь использует ряд различных методов и тактико-психологических приемов. Данные приемы и методы применяются в основном на двух этапах: на подготовительном и на рабочем.

На подготовительном этапе следователь в первую очередь устанавливает все обстоятельства уголовного дела, в ходе которого будет производиться обыск, устанавливает личность лица, у которого он будет производиться. Все эти мероприятия направлены на минимизацию обстоятельств, которые могут привести к какому-либо конфликту. Затем следователь определяет тактику проведения обыска и, наконец, определяется с составом, с которым будет проводиться данное следственное действие.

Непосредственно на рабочем этапе следователь, придерживаясь выбранной тактики, начинает следственное действие. Трудности уже могут возникнуть при начале обыска на этапе вхождения в помещение, где будет производиться следственное действие. Лицо, у которого производится обыск, может отказаться предоставлять доступ к помещению. Так, в январе 2019 года по одному из возбужденных уголовных дел сотрудниками оперативных подразделений была получена информация от источника, заслуживающего доверия, о том, что в одном из частных домов гражданин Н. хранит наркотические вещества, запрещенные в законном обороте Российской Федерации в крупном размере, а также занимается реализацией другим лицам этих наркотических средств. Следователем и оперативными сотрудниками было принято решение о тщательной подготовке к такому следственному действию, как обыск. Была всесторонне изучена личность, у которой планировалось данное следственное действие. Оперативными сотрудниками в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий были установлены места

возможного хранения наркотических средств, а также расположение дома. Исходя из всей полученной информации, было принято решение провести обыск ранним утром, чтобы лицо не могло предполагать проведение этого следственного действия, а также не сопротивлялось и не попыталось уничтожить наркотические средства. Подобрав участников следственного действия, группа прибыла на место возможного хранения наркотических средств. Прибыв на место, группа оцепила места возможного отхода гражданина Н. Выйдя открывать входную дверь, лицо начало отказывать в пропуске сотрудников, но следователем были озвучены законные основания и сказано, что в случае отказа, это будет воспринято как неповиновение законному требованию сотрудника органа внутренних дел и обыск будет проходить в принудительном порядке. После приведения всех аргументов лицо перестало препятствовать проведению обыска, и в ходе этого следственного действия было обнаружено и изъято 1500 граммов вещества растительного происхождения, которое в дальнейшем после проведения экспертизы оказалось наркотическим веществом [14]. На данном примере ярко показано, что любую возникающую конфликтную ситуацию нужно устранять немедленно, что в дальнейшем, скорее всего, приведет к успешному проведению обыска. Здесь следователю корректно и тактично нужно убедить лицо с помощью логических доводов в бессмысленности попыток избежать данное следственное действие, что так или иначе обыск будет произведен, так как основание на проведение следственного действия уже имеется. Затем максимально стимулировать положительные качества обыскиваемого для расположения к проведению обыска [15, с. 22]. Во время непосредственно самого следственного действия с учетом складывающейся обстановки и личности лица, у которого производится обыск, проводить действия нужно последовательно и соразмерно. Не нарушать целостность вещей, без необходимости, из-за которых лицо может начать препятствовать проведению обыска. И в заключении при успешном проведении обыска и достижении поставленных целей, разъяснить лицу его права, а также о нецелесообразности в дальнейшем воспрепятствовать расследованию уголовного дела, убедить в целесообразности сотрудничества, так как это будет положительным моментом при дальнейшем расследовании дела.

С учетом вышесказанного, а также с использованием следователем различных тактических методов и приемов, в совокупности приведет к успешному результату и достижению следователем поставленных задач перед проведением данного следственного действия.

Таким образом, можно сделать вывод, на основе ретроспективного подхода в изучении становления института обыска и выемки в отечественной правовой традиции выявлена достаточно долгая историческая динамика обособления обыска от других следственных и процессуальных действий, а также выемки от обыска. С началом упоминания обыска в отечественных источниках права связаны такие действия как опрос, поиск подозреваемого и установление потерпевших, вхождение в дом с обыском, изъятие поличного и повальный обыск. Начиная с середины XIX века уголовно-процессуальная

система права Российской империи приобретает некоторые элементы состязательности, что отражается и на институте обыска: судебный контроль, участие понятых, закрепление оснований и условий производства обыска. Последний советский Уголовно-процессуальный кодекс 1961 г. полностью обособил обыск и выемку как следственные действия с закреплением цели, предназначения, задач, условий производства, санкционирования, контроля. Кроме того, именно в послевоенный период на формирование требований к подготовке и производству обыска оказали влияние безусловное документальное сопровождение обыска и выемки в виде протокола, упаковка обнаруженных предметов, а также участие понятых, деликатное вскрывание замков и запоров и другие правила и требования уголовно-процессуального закона. Современные определения обыска и выемки в УПК РФ не содержатся. На основе изученных теоретических подходов к пониманию обыска, а также анализа положений ст. 182 УПК РФ, предлагаем под обыском понимать совокупность поисковых, изымающих и (или) фиксирующих операций органов предварительного расследования в рамках единого следственного действия, направленного на получение информации, значимой в рамках уголовного дела, в виде объектов, предметов, следов, документов, а также разыскиваемых граждан и трупов. Сущность обыска коррелирует с определенными действиями следователя, в основном связанными с поиском необходимых для достижения истины объектов и субъектов и сопровождаемыми судебным контролем и прокурорским надзором. Обыск является важным следственным действием, которое помогает изобличить лицо в совершении преступления, и его успешное выполнение помогает доказать виновность лица, совершившего преступление. Качественное соблюдение всех тактических приемов и методов в большинстве случаев приводит к успешному результату, а недопущение конфликтной ситуации в разы облегчает проведение обыска.

Психологические особенности производства обыска не только многочисленны, но и их исследование имеет важнейшее практическое значение. Вместе с тем применение тех или иных тактических приемов при проведении предварительного расследования, равно как и при производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий, всегда должно оцениваться с точки зрения соответствия этическим правилам.

Список литературы

1. Ищенко Е.П. Криминалистика. М., 2010. 780 с.
2. Яблоков Н.П. Криминалистика. М., 2019. 239 с.
3. Россинский С.Б. Обыск в форме специальной операции. М., 2003. 199с.
4. Виноградова О.П. Тактико-криминалистические аспекты проведения обыска при расследовании IT-преступлений // Сб. мат. Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы правового регулирования, организации и тактики производства следственных действий». Омск, 2023. С. 20–23.
5. Князьков А.С. Криминалистика. Томск, 2008. 1126 с.

6. Третьякова Е.И. Тактика производства обыска с участием несовершеннолетнего лица // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 4(2). С. 166–171.

7. Крачун Ю.В. Производство обыска по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных криминальным путем: организационные и тактико-криминалистические особенности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 4(2). С. 75–82.

8. Баев О.Я. Предвосхищающая проверка возможных версий стороны защиты по уголовным делам о «контактных» преступлениях (на примере проверки алиби) // Сб. мат. междунар. науч.-практ. конф. «Криминалистические чтения на Байкале» / отв. ред. Д. А. Степаненко. ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» Восточно-Сибирский филиал, 2015. С. 26–30.

9. Уголовное дело № 2-24/2018 г. // Архив Сухоложского районного суда Свердловской области за 2018 год.

10. Виноградова О.П. Теория и практика решения конфликтных ситуаций, возникающих в ходе обыска // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 2 (38). С. 84–88.

11. Виноградова О.П. Морально-этическая сущность процессуальных норм, регулирующих основополагающие аспекты экспертной деятельности // Правоохранительные органы: теория и практика. 2012. № 2. С. 98–101.

12. Варданян А.В. Тактико-психологические основы производства обыска: автореф. дис.... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. 216 С.

13. Подольный Н.А. Нравственные аспекты применения следственной хитрости в ходе предварительного расследования // Известия высших учебных заведений. 2019. № 4. С. 54–61.

14. Уголовное дело № 14/2019 г. // Архив Сухоложского районного суда Свердловской области за 2019 год.

15. Елфимов П.В. Тактические особенности проведения обыска при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств посредством использования сети «Интернет» // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2023. № 2. С. 22–28.

Виноградова Ольга Павловна, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, olga10vin@mail.ru, Уральский юридический институт МВД России, Россия, Екатеринбург

TACTICAL FEATURES OF A HOME SEARCH IN A CONFLICT INVESTIGATIVE SITUATION

O.P. Vinogradova

A search is one of the most difficult investigative actions that require serious preparation, organization and a special sequence of the course of events. During the search, various situations

may arise, one of which is a conflict investigative situation, which leads to some difficulties in conducting a search, which in turn can lead to negative consequences, up to the lack of the possibility of exposing a person in the commission of a crime, which is extremely unacceptable for the investigator. An important task of the search is to obtain valuable evidence by the investigator, which helps in identifying the culprit and a qualitative investigation of the crime. Various difficulties arise, among other things, based on the fact that this investigative action is coercive in nature, representing an invasion of a person's privacy, affecting the rights and interests of the person being searched. Consequently, very often there is an increased psychological burden and dissatisfaction on both sides due to the opposites of the goals of the investigator and the searched person. It also seems problematic that many authors pay special attention to the issue of inviolability of the home, which is a constitutional principle. Consequently, the primary task of the investigative authorities during the search is to comply with the inviolable principles defined by the Constitution of the Russian Federation and other legislative norms, including those fixing the procedural procedure for conducting a search.

Key words: search, investigative action, conflict situation, trace, inspection of premises, tactical technique, coercive nature.

Vinogradova Olga Pavlovna, Cand. Jurid. Science, Associate Professor of Criminalistics, olga10vin@mail.ru, The Ural Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs, Russia, Ekaterinburg

УДК 34.4414

DOI: 10.24412/2071-6184-2024-3-34-41

ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ

Н.М. Михайленко, А.А. Косарева

Авторами рассматриваются вопросы правовой сущности цифровых активов, получивших широкое распространение вследствие стремительного развития информационных технологий. Анализируя правовую сущность цифровых активов, выделили специфические признаки, позволяющие отличать их среди прочих объектов гражданского оборота, что влечет необходимость разработки специальных механизмов регулирования для эффективного управления ими.

Ключевые слова: цифровой актив, цифровая валюта, биткойн, цифровые финансовые активы, технология блокчейн, криптовалюта, смарт-контракт, токен.

Вопрос о правовой сущности цифровых активов (далее – ЦА) приобретает особое значение в контексте ускоренного развития криптовалют, которые перестали быть призрачной перспективой, став объективным экономическим и правовым явлением. Следовательно, появление цифровых активов было ознаменовано развитием интернет-технологий и возникновением криптовалют. Первоначально был сгенерирован первый блок биткойна – первой децентрализованной криптовалюты. Биткойн предложил инновационный способ передачи цифровой стоимости без необходимости центрального участия или контроля. С течением времени появились и другие цифровые активы, включая альткойны (альтернативные криптовалюты, отличные от биткойна) и токены, выпущенные на платформах блокчейн. Эти цифровые активы предоставили новые возможности для инвестирования, обмена и финансовых операций.

Стоит отметить, что в концепцию ЦА включаются и другие объекты. Данные объекты обладают той же спецификой, что и криптовалюта. Так, к данным объектам возможно отнести виртуальное игровое имущество, создаваемый авторский контент, аккаунты и многие другие. Этот неоднородный состав цифровых активов подчеркивает их разнообразие и сложность правового воздействия [1, с. 193–197].

В первую очередь это связано с тем, что в настоящее время не выработано единого определения цифровых активов. Однако такие признаки, как двойная форма существования, наличие стоимости и право на использование, позволяют выделить ЦА во многих областях.

Новым для российского федерального законодательства стал относительно недавно вступивший в силу Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2] (далее – Закон о цифровых активах и цифровой валюте). Его принятие ознаменовало новое направление в развитии частного права. Так, посредством издания данного нормативного правового акта была создана объемная правовая база, с помощью которой стало возможным структурировать правовое регулирование объектов ЦА. Тем не менее, Закон о цифровых активах и цифровой валюте не является исчерпывающим в своем содержании. Многие вопросы, требующие нормативно-правового разрешения, остаются неурегулированными, а именно:

Во-первых, Закон о ЦА и цифровой валюте, являясь первичной платформой с валютой, в целом не разрешает возникающих вопросов, связанных с их регулированием. Как следствие возникает дилемма между необходимостью учета устойчивого наличия цифровой валюты в денежном обороте страны и отсутствием ее обеспечения Центральным банком. Данный факт способствует неопределенности в вопросе определения правового положения цифровой валюты.

Во-вторых, цифровая валюта, по сути, приблизилась к понятию денег. Так, нормативно-правовое определение понятия «цифровая валюта» заключено в ранее упомянутом законодательном акте, посвященном ЦА и цифровой валюте. Опираясь на названный закон, цифровой валютой является совокупность данных, выраженных в электронной форме, и в свою очередь, являющихся средством платежа. Оборот цифровой валюты урегулирован правилами операторами информационной системы.

До настоящего времени в Российской Федерации не разрешен вопрос о признании легальности цифровых денег, определении их существенности [3, с. 31–54]. Данный факт справедливо подчеркивает актуальность произведенного исследования. ЦА, учитывая ст.ст. 128, 141.1 Гражданского кодекса РФ [4] (далее – ГК РФ) являются объектом гражданского права. При анализе законодательной конструкции вышеуказанных правовых норм мы можем сделать вывод, что законодатель присвоил перечню объектов гражданских прав открытый характер, что свидетельствует о преобладании принципа диспозитивности. Опыт нескольких лет показал, что цифровая валюта используется повсеместно с ве-

дущими в особенностях пользования информационными системами людьми. На практике цифровая валюта в действительности получила свойства платежного средства. За счет того, что она находится вне поля зрения государства, гражданам видится экономически привлекательным использовать ее. На данный момент времени цифровая валюта безусловно стала иметь экономическую ценность для общества.

В-третьих, особое внимание требует положение о судебной защите прав, связанных с цифровой валютой, которая становится предметом дискуссий, несмотря на законодательное закрепление. Ограничение на возможность судебной защиты только при условии информирования о факте обладания цифровой валютой поднимает вопросы о справедливости и эффективности такого механизма. Судебная практика, приведенная в примере сделки купли-продажи Bitcoin, показывает неопределенность в области возможности взыскания средств, уплаченных за цифровую валюту, как неосновательного обогащения. Это вызвано тем, что нынешнему российскому законодателю неизвестно подобное требование: «обязание обеспечить возврат криптовалюты на цифровые кошельки контрибьюторов пропорционально размеру вклада каждого контрибьютора» [5], вследствие того, что данное положение не вытекает из содержания ст. 12 ГК РФ.

В-четвертых, отсутствие четкого механизма поиска имущества должников в виде цифровой валюты. Так, лица, осуществляющие такой поиск, должны обладать широкими знаниями в области цифровых активов, а также соответствующим технологическим парком. Отечественная практика в настоящее время не часто сталкивается с подобными ситуациями, но развитие рассматриваемых технологий демонстрирует, что законодателю и правоприменителю стоит разработать концепцию правового регулирования и правоприменения в указанном аспекте. Недостаток четкого правового регулирования в этой сфере может сделать эффективное взыскание задолженности, особенно в условиях современных цифровых финансовых транзакций, сложным и неэффективным.

Цифровые финансовые активы (далее — ЦФА) по своей сути являются цифровыми правами. Данные права охватывают возможность денежного требования, права участвовать в капитале какой-либо организационно-правовой формы коммерческой организации. Наиболее характерной особенностью ЦФА является ее оборот, который лишен материального признака. Иначе говоря, оборот ЦФА представляет собой внесение записей в информационную систему, что регулируется непосредственно операторами этой системы [6, с. 12–16].

Принятие Закона № 259-ФЗ в 2020 году ознаменовало важный шаг в регулировании цифровой экономики в России, создав основу для развития законодательства в этой области. Впрочем, невзирая на предпринятые попытки, многочисленные правовые проблемы и вопросы остаются открытыми, начиная от теоретических рассмотрений роли финансовых активов в правовой системе до практических вопросов урегулирования технологии блокчейн и ответственности за недобросовестное поведение в обороте цифровых финансовых активов.

Разрешению вопроса правоприменительной практики должны способствовать выработка теоретико-правовой базы и выделение ряда теоретических проблем в определении места финансовых активов в системе правовых объектов. Доцент кафедры финансового права РГГУ Е.Ю. Князева, правильно отмечает, что кризис попыток правового регулирования цифровых технологий традиционными методами подчеркивает несоответствие современной динамичной среды действующим правовым инструментам [7, с. 22–26].

Как было пояснено ранее, проблематика правового воздействия блокчейн обращена в сторону прикладных аспектов организации данной технологии, которая, по мнению Минфина, будет являться базисом для формирования на законном основании рынка цифровых валют. Критики, в том числе М. Быстров, обращают внимание на жесткий подход к регулированию, который, по их мнению, может привести к монополизации рынка крупными окологосударственными компаниями, вместо поощрения здоровой конкуренции и развития рынка через мягкие и адекватные требования.

Следует отметить, что неурегулированные правовые проблемы вызывают волнение не только среди специалистов в области финансов и права, но и среди представителей бизнес-сообщества и инвесторов. Отсутствие четкой регламентации создает неопределенность и страх перед возможными негативными последствиями.

Так, эта технология предоставляет возможность переосмыслить системы управления обществом и производством [8]. Блокчейн внедряет новый механизм контроля за исполнением через понятие «доверие» [9]. Посредством него происходит автоматизация многих процессов, ранее требующих значительной затраты времени. Человеческий фактор при использовании данной технологии значительно снижается при исполнении договоров. «Упрощение» процесса исполнения договора позволит сэкономить значительный объем работы контролирующих структур.

Блокчейн (по-другому, цепочка блоков) представляет собой распределенную базу данных, содержащую информацию о записях, а также транзакциях. Свойство технологии блокчейн заключается в том, что каждый блок цепи хранит сведения о предшествующем блоке, что делает невозможным изменение данных без изменения всех последующих блоков. Блокчейн обеспечивает безопасность и прозрачность транзакций, уменьшая риски манипуляций и мошенничества. Он является основой технологии криптовалюты, такой как биткоин, но также используется в различных отраслях для обеспечения безопасности и прозрачности данных.

Технология блокчейн обладает несколькими преимуществами. Во-первых, децентрализация: блокчейн технология позволяет передавать и хранить данные без участия центрального управления, что обеспечивает более прозрачную и безопасную сеть. Во-вторых, безопасность: данные, хранящиеся в блокчейне, защищены криптографическими методами, благодаря чему они надежно защищены от мошенничества и хакерских атак. В-третьих, прозрачность: благодаря технологии блокчейн все данные о транзакциях доступны для всех

участников сети, что повышает прозрачность и доверие между участниками. В-четвертых, эффективность и экономия времени: благодаря автоматизации процессов и уменьшению необходимости промежуточных посредников блокчейн технология ускоряет процессы и снижает издержки. В-пятых, возможность микроплатежей: благодаря возможности проведения быстрых и недорогих микроплатежей блокчейн технология открывает новые возможности для бизнеса и развития экономики. В-шестых, надежность: при наличии в сети множества узлов осуществимость неправомерной транзакции стремится к нулю [10, с. 3–8].

Среди недостатков блокчейна следует выделить псевдоанонимность, необратимость операций, «экологическое недружелюбие» из-за использования proof-of-work и отсутствие единой нормативной базы для обращения цифровых валют.

Блокчейн-технология переворачивает устоявшиеся представления о том, как системы могут функционировать. Она становится инструментом, открывающим новые возможности для управления и экономического взаимодействия. Несмотря на вызовы и неопределенность, связанные с данной технологией, блокчейн открывает перед нами перспективы для создания более открытых, прозрачных и децентрализованных систем [11, с. 199–204].

В настоящий момент блокчейн наблюдается разнообразие способов подтверждения становления новых блоков в блокчейне, известных как алгоритмы согласования или консенсуса. Эти алгоритмы, такие как proof-of-work, proof-of-stake, proof-of-activity, proof-of-capacity, делегированное доказательство доли владения и другие, предоставляют различные способы обеспечения безопасности и эффективности работы блокчейн-сетей [12].

Криптовалюты стали первым широким применением блокчейн-технологий. Они предоставляют анонимные платежи и возможность спекуляции на биржевых курсах. Однако, помимо технологических вызовов, таких как ограниченная пропускная способность (например, у биткойна), существуют и юридические риски. Вопросы анонимности и безопасности остаются приоритетными.

На практике, несмотря на значимость вопроса, по-прежнему нет единой позиции между Министерством финансов РФ и Банком России относительно регулирования криптовалют. Озвученная 25 января 2022 года концепция регулирования криптовалют, предложенная директором департамента финансовой политики Минфина И.А. Чебесковым, подчеркивает необходимость регулирования без полного запрета, чтобы избежать дестабилизации, увеличения теневой экономики и роста мошенничества [13]. Однако согласованной позиции между ведомствами так и не достигнуто.

Смарт-контракты, вторая категория применения, представляют собой алгоритмы, реализованные в распределенных реестрах. Эти контракты позволяют создавать, контролировать и фиксировать коммерческие соглашения, предоставляя систему экономических стимулов и делая невыгодным нарушение контрактов. С распространением Интернета вещей, смарт-контракты становятся особенно привлекательными.

Третья категория применения блокчейна включает в себя разнообразные технологии, выходящие за пределы финансовой сферы. Например, реестры о праве собственности, свидетельства о регистрации транспортных средств, удостоверение личности - все эти применения относятся к блокчейну как к технологии, которая обладает так называемой «реестровой природой».

С развитием технологий блокчейн-технологии активно внедряются в банковский сектор, государственное управление, здравоохранение, образование, науку, культуру, IoT, энергетику, управление интеллектуальной собственностью, а также логистику и пр. ООН к тому же принимает во внимание использование блокчейн в целях сертификации своих сотрудников [14].

Исходя из вышесказанного, блокчейн-технологии трансформируются от узкой специализации в криптовалютной сфере к широкому использованию во многих областях, обещая более открытые и эффективные механизмы формирования данных и ведения бизнеса.

Современные технологические революции вызывают не только прогресс и инновации, но и необходимость адекватного правового регулирования. С появлением цифровых активов, таких как криптовалюты и токены, стало ясно, что существующее законодательство нуждается в существенных изменениях. Однако создание таких нормативных актов представляет собой сложную задачу, для решения которой необходимо новое, более глубокое понимание данных явлений.

Стремление соотнести цифровые активы с традиционными правовыми категориями, к примеру, рассматривать токены как ценные бумаги, с точки зрения поиска общего понимания очевидны. Это может быть промежуточным этапом, обеспечивающим стабильность в условиях быстрого технологического развития. Однако такой подход имеет свои риски, включая возможные юридические и экономические ограничения [15].

Использование существующего законодательства без полной адаптации к новым цифровым активам представляется нецелесообразным. Попытки применить старые правовые стандарты к новым технологиям могут привести к серьезным правовым и экономическим последствиям.

В то же время введение нового «нафантазированного» понятия «цифровое право» не представляется оптимальным вариантом. Такая абстракция, во-первых, вызывает критику с точки зрения теории гражданского права, а во-вторых, не находит практического применения в условиях быстроменяющейся криптовалютной среды.

На данном этапе формирования правовых основ регулирования ЦА оптимальным путем, возможно, будет разработка механизмов отдельных правовых режимов. Этот подход предполагает, что фактором развития, влияющим на законодательный процесс, будет являться функциональность разнообразия цифровых активов, что, в свою очередь, позволит точнее охарактеризовать принадлежащую им правовую сущность.

Стало быть, в отыскании результативного правового воздействия для ЦА стоит следовать по пути воспроизведения адаптирующихся и приспособли-

вающихся к изменчивым обстоятельствам и нуждам правовых режимов, учитывая их уникальные характеристики и функции. Только так можно обеспечить устойчивое законодательство, способное своевременно реагировать на вызовы и возможности новой цифровой эры.

Список литературы

1. Сидоренко Э.Л. Криптовалюта как новый юридический феномен // Общество и право. Краснодар: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации». 2016. № 3. С. 193–197.
2. Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 14.07.2022). [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.12.2023).
3. Цифровые права как новый объект гражданского права / Л.А.Новоселова, А.В.Габов, А.Савельев [и др.] // Закон. 2019. № 5. С. 31–54.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая). № 51-ФЗ (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 16.05.2023) [Электронный ресурс] // «СПС КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.12.2023).
5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 4 февраля 2020 г. по делу № А40-164942/2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=1815093#jYWu02UUCZhAlp7E1> (дата обращения: 14.12.2023).
6. Кучеров И.И., Печегин Д.А. К вопросу о легитимации валют в зарубежных странах // Финансовое право. Юрист (Москва). 2020. № 4. С. 12–16.
7. Князева Е.Ю. Цифровые финансовые активы: правовые аспекты регулирования на современном этапе // Безопасность бизнеса. 2022. № 2. С. 22–26.
8. Криптовалюты: актуальная регуляторная повестка // Официальный сайт Центра стратегических разработок. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csr.ru/ru/publications/kriptovalyuty-aktualnaya-regulyatornaya-povestka> (дата обращения: 20.12.2023).
9. Технология блокчейн: что надо знать в 11 карточках [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5f05c0a79a7947aac5c7577a>. (дата обращения: 17.12.2023).
10. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Правовые аспекты применения технологии распределенных реестров для формирования новой среды доверия в обществе // Гражданское право. 2018. № 5. С. 3–8.
11. Лаптев В.А. Цифровые активы как объекты гражданских прав // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2. С. 199–204.

12. Филькин М.Е. Технология блокчейн и уровни ее применимости // Вестник ЦЭМИ РАН. 2019. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://cemi.jes.su> (дата обращения: 17.12.2023).

13. Минфин подготовил концепцию регулирования рынка криптовалюты [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13518467> (дата обращения: 16.12.2023).

14. Применение технологии блокчейн в системе Организации Объединенных Наций: на пути к состоянию готовности. Доклад Объединенной инспекционной группы [Электронный ресурс]. URL: https://www.unjiu.org/sites/www.unjiu.org/files/jiu_rep_2020_7_russian.pdf (дата обращения: 15.12.2023).

15. Раздорожный К.Б. Финансово-правовое регулирование цифровых финансовых активов в Российской Федерации и в зарубежных странах: дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2021. 221 с.

Михайленко Нафисет Мурадиновна, канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права СКФ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», 5.2.2@rambler.ru, Россия, Краснодар, Российский государственный университет правосудия,

Косарева Арина Александровна, студент факультета подготовки специалистов для судебной системы СКФ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», arina-klimenko@bk.ru, Россия, Краснодар, Российский государственный университет правосудия

THE LEGAL NATURE OF DIGITAL ASSETS

N.M. Mikhaylenko, A.A. Kosareva

This article deals with the legal essence of digital assets, which have become widespread due to the rapid development of information technologies. Analyzing the legal essence of digital assets, specific features have been identified that allow to distinguish them among other objects of civil turnover, which necessitates the development of special regulatory mechanisms for their effective management.

Key words: Digital assets, digital currency, bitcoin, digital financial assets, blockchain technology, cryptocurrency, smart contract, token.

Mikhaylenko Nafiset Muradinovna, associate Professor of the Department of civil law of SKF FGBOU VO "Russian state University of justice", candidate of legal Sciences 5.2.2@rambler.ru, Russia, Krasnodar, Russian State University of Justice,

Kosareva Arina Aleksandrovna, student of the faculty of training of specialists for the judicial system of SKF of the RUSSIAN state University of justice», arina-klimenko@bk.ru, Russia, Krasnodar, Russian State University of Justice

КРИМИНАЛЬНЫЙ ОБОРОТ ОБЪЕКТОВ ЖИВОТНОГО И РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Ф.Н. Мухамбетов

Экологическая ситуация в России на сегодняшний день оценивается как крайне неблагоприятная. Наблюдается стремительное загрязнение атмосферного воздуха, леса, воды, земли и других природных объектов, которые истощают запасы природных ресурсов, наносят невосполнимый вред окружающей среде, ухудшают генофонд человечества и т. д. К наиболее распространенным видам экологических преступлений относятся преступления, связанные с незаконным оборотом водных биологических ресурсов. Автором в статье затрагивается важность вопроса защиты и сохранения многообразия животного и растительного мира, анализируется рост количества осужденных по преступлениям, связанных с криминальным оборотом объектов животного и растительного мира. Особое внимание уделяется оценке и динамике ситуации противодействия незаконному обороту водных биологических ресурсов.

Ключевые слова: водные биологические ресурсы, экологические преступления, противодействие, криминальный оборот.

Конституция Российской Федерации наделяет Правительство полномочиями осуществлять меры, направленные на создание благоприятных условий жизнедеятельности населения, снижение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, сохранение уникального природного и биологического многообразия страны, формирование в обществе ответственного отношения ко всему живому. Каждый обязан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам [1]. Ухудшение состояния окружающей среды как в крупных городах, так и в отдаленных районах страны происходит на фоне развития научно-технического прогресса [2, с. 245–247].

Во всем спектре глобальных экологических проблем одной из наиболее острых является вопрос защиты и сохранения многообразия животного и растительного мира, в особенности тех его представителей, которые находятся на грани исчезновения. По сведениям специалистов количество вымерших видов животных к 1800 году составляло около полутора сотен, к 1900 году – порядка двух тысяч, к 2000 году этот показатель стал равен практически 40 тысячам [3]. За последние десятилетия были уничтожены десятки видов животных, которые создавались природой на протяжении миллионов лет. Например, осетровые виды рыб занесены в Красную книгу Российской Федерации, охраняются международными договорами Российской Федерации. Несмотря на это их численность в Каспийском море, продолжает сокращаться. Если в 1990 г. число этого вида рыбы по приблизительным подсчетам составляло около 200 млн экзем-

пляров, то уже в 2004 г. сократилась до 50 млн. [4, с.101]. Такая тревожная статистика послужила основанием для введения моратория на промышленный вылов рыб осетровых пород первоначально Россией, а в последствии и всеми прикаспийскими государствами. Тем не менее, в 2007–2023 гг. количество осетровых в Российской Федерации продолжает снижаться. Между тем, исчезновение даже одного биологического вида наносит катастрофический урон экосистеме, нарушает её целостность, экологическое равновесие.

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин назвал сохранение популяций диких животных задачей особой важности [5].

Основным негативным фактором воздействия на редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды, внесенные в Красную книгу Российской Федерации, является браконьерство [6, с. 214]. Так, в 2022 году по ч. 1 ст. 256 УК РФ было осуждено 1694 человека, по ч. 3 ст. 256 УК РФ - 915 человек. По ч. 1 ст. 258 УК РФ в 2022 году осужден 121 человек, по ч. 2 ст. 258 УК РФ - 239 человек. За совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 258¹ УК РФ за тот же период осужден 191 человек, по ч. 2 ст. 258¹ УК РФ – 7 человек, по ч. 3 ст. 258¹ УК РФ – 161 человек; по ч. 2 ст. 260 УК РФ – 659 человек, по ч. 3 ст. 260 УК РФ – 16855 человек. Таким образом, каждое третье преступление экологической направленности является преступлением против флоры и фауны. При этом не стоит забывать про высокую латентность указанных преступлений.

Криминальный оборот объектов животного и растительного мира представляет собой ощутимую угрозу экологической, продовольственной, экономической безопасности Российской Федерации. Согласно оценкам, осуществленным Счетной палатой, только незаконный экспорт водных биоресурсов достигает 25-30 млрд. в год. И это без учета налогов и таможенных пошлин, недополученных бюджетом [7, с. 291]. Браконьерство и последующий преступный оборот (приобретение, хранение, перевозка, переработка, сбыт) объектов животного и растительного мира превратились в высокодоходный преступный бизнес, приобрело организованные формы, стало разновидностью международной преступности. Безусловно, что это явление требует отдельного глубокого осмысления на монографическом уровне. Ежегодный рост количества таких преступлений наносит губительное влияние на состояние природной среды и животного мира и имеет ярко выраженную специфику, заключающуюся в особой вредоносности последствий для экологии регионов [8, с. 3]. Необходима выработка концепции противодействия рассматриваемому явлению.

Подчеркнем, что не менее пагубны социальные последствия – вместо качественных отечественных рыбных продуктов российские потребители вынуждены довольствоваться дорогими, но некачественными импортными заместителями. Существенно сокращается количество рабочих мест в рыбной, пищевой промышленности, торговле, Федеральный бюджет недополучает значительные таможенные платежи и налоговые сборы. Все эти процессы усугубляются тем, что происходят на фоне экономического кризиса, в условиях снижения благосостояния большинства граждан России.

Так, 14 апреля 2023 года принят Федеральный закон № 113-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», согласно которому УК РФ дополнен ст. 260¹ «Умышленное уничтожение или повреждение, а равно незаконные добыча, сбор и оборот особо ценных растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации». Введение данной статьи в УК РФ является прямым доказательством того, что законодатель признал повышенную общественную опасность деяний, связанных с посягательствами на краснокнижные объекты растительного мира.

Кроме того, общественная опасность экологических преступлений постоянно повышается. Экологический вред не имеет территориальных границ, накапливается и распространяется на территории других государств. Все перечисленные явления, происходящие в социуме и в природе, приводят к необходимости пересмотра взглядов на общественную опасность экологических преступлений, поскольку они становятся опасными для жизнедеятельности не только отдельно взятого города или государства, но и всего мирового сообщества.

Отдельного внимания заслуживает законодательная и правоприменительная пенализация рассматриваемых преступлений. Так, несмотря на значительную опасность преступления, предусмотренного ст. 256 УК РФ, уголовный закон устанавливает неадекватные санкции за его совершение, относя их к категории преступлений небольшой и средней тяжести, что не способствует эффективности применения мер уголовно-правового характера. Между тем добытчики являются первыми в цепи криминального оборота объектов животного и растительного мира.

Что касается преступления, предусмотренного ст. 258¹ УК РФ, то здесь, напротив, усиление пенализации по ч. ч. 1¹, 2, 2¹, 3¹ ст. 258¹ УК РФ, проведенное в 2019 году, было излишним, криминологически необоснованным.

Анализ судебной практики показывает, что при сложной криминальной ситуации в исследуемой сфере правоприменительная пенализация остается весьма либеральной. Изучение данных Судебного Департамента при Верховном Суде РФ за 2020 год показало, что осужденные по ст. 256, 258¹ УК РФ составляют значительную часть от общего количества осужденных за экологические преступления (46,5 %). Уличенные в совершении рассматриваемых преступлений лица привлекаются к реальному лишению свободы крайне редко, а именно в 3 % случаев. В большинстве случаев им назначается весьма гуманный штраф в размере, не превышающем 25 тысяч рублей [9]. Подобная тенденция прослеживается в правоприменительной практике по ст. 260 УК РФ.

Преступления, предусмотренные ст. 260¹ УК РФ «Умышленное уничтожение или повреждение, а равно незаконные добыча, сбор и оборот особо ценных растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации» в должной мере не исследованы.

Необходимо детально рассмотреть вопрос незаконной добычи и оборота объектов животного и растительного мира, в том числе не являющихся особо ценными, как отдельного, комплексного взаимосвязанного и взаимообусловленного явления, математического прогнозирования. Кроме того, до настоящего времени не было проведено монографических исследований, затрагивающих законодательную и правоприменительную пенализацию лесного и водного браконьерства, её тенденции, влияющие на предупреждение этих преступлений, математических расчетов. Требуют рассмотрения основание криминализации (декриминализации) незаконных добычи и оборота объектов животного и растительного мира; критерии отнесения особо ценных биоресурсов к предмету преступления, предусмотренного ст. 258¹ УК РФ; критерии отнесения особо ценных грибов к предмету преступления, предусмотренного ст. 260¹ УК РФ; дифференциация уголовной ответственности за криминальный оборот объектов животного и растительного мира в зависимости от способа, размера ущерба, форм совершения и наличия иных квалифицирующих признаков; факторы, способствующие совершению данных преступлений и др.

Необходимо рассматривать общественные отношения, связанные с уголовно-правовой охраной объектов животного и растительного мира, включая особо ценные, принадлежащие к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, их незаконной добычей (рубкой) и оборотом, криминальные рынки сбыта, предупреждение преступлений в рассматриваемой сфере, а также математическое прогнозирование.

Предметом исследования выступают нормы отечественного и зарубежного уголовного законодательства, регламентирующие ответственность за незаконную добычу и оборот объектов животного и растительного мира, включая особо ценные, принадлежащие к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, а также корреспондирующие нормы экологического и административного законодательства в сфере охраны водных биологических ресурсов, материалы криминологических исследований и статистические данные, касающиеся рассматриваемых преступлений.

Таким образом, основной проблемой уголовной ответственности за незаконный оборот объектов животного и растительного мира, включая особо ценные, принадлежащие к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, является отсутствие научно обоснованных предложений и рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства и правоприменительной практики, уточнений научных представлений о объекте, объективной стороне, субъекте, субъективной стороне незаконной добычи и оборота объектов животного и растительного мира, включая особо ценные, принадлежащие к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=lzziebvnn9427178416 (дата обращения: 17.06.2024).
2. Фролова Е.В. К вопросу об определении понятия «Экологического преступления» // Вестник ЮГУ. 2016. №1(40). С. 245–247.
3. Бабицкий А.В. Вымирающие виды животных: повод задуматься о природе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chuchotezvous.ru/earth-evolution/1499.html> (дата обращения: 16.10.2023).
4. Ходоревская Р.П., Калмыков В.А., Жилкин А.А. Современное состояние запасов осетровых каспийского бассейна и меры по их сохранению // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия «Рыбное хозяйство». 2012. № 1. С. 99–107.
5. Путин назвал сохранение диких животных задачей особой важности [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20211019/zhivotnye-1755230298.html> (дата обращения: 10.11.2023).
6. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2020 году: государственный доклад. М: Минприроды России; МГУ им. М.В. Ломоносова. 2021. 866 с.
7. Гринько С.Д. Незаконный оборот водных биоресурсов – одна из угроз экономической безопасности России // Право и государство: теория и практика. 2020. № 1 (181). С. 289–291.
8. Мухамбетов Ф.Н. Незаконные добыча и оборот водных биологических ресурсов: монография. Москва: Изд-во «Юрлитинформ», 2023. 184 с.
9. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020 год. Отчет №10.3.1 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 03.06.2024).

Мухамбетов Фархат Нурылгаенович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности, заместитель прокурора Енотаевского района Астраханской области, farkhat.1982@mail.ru, Россия, Астрахань, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева

CRIMINAL TURNOVER OF FLORA AND FAUNA: CRIMINAL AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS

F.N. Mukhambetov

The environmental situation in Russia today is assessed as extremely unfavorable. There is rapid pollution of the air, forests, water, land and other natural objects, which deplete natural resources, cause irreparable harm to the environment, worsen the gene pool of mankind, etc. Deterioration of the environment both in large cities and in remote areas of the country occurs against the background of the development of scientific and technological progress. The most common types of

environmental crimes include crimes related to the illegal trafficking of aquatic biological resources. The annual increase in the number of such crimes has a detrimental effect on the state of the natural environment and wildlife and has a pronounced specificity, consisting in the particular harmfulness of the consequences for the ecology of the regions. The author in the article touches upon the importance of the issue of protecting and preserving the diversity of flora and fauna, analyzes the increase in the number of people convicted of crimes related to the criminal trafficking of flora and fauna. Particular attention is paid to the assessment and dynamics of the situation of counteracting the illegal trafficking of aquatic biological resources. Key words: aquatic biological resources, environmental crimes, counteraction, criminal turnover

Key words: aquatic biological resources, environmental crimes, counteraction, criminal turnover.

Mukhambetov Farkhat Nurylgaenovich, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Law Enforcement, Deputy Prosecutor of the Enotaevsky district of the Astrakhan region, farkhat.1982@mail.ru, Russia, Astrakhan, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

УДК 343.98.064

DOI: 10.24412/2071-6184-2024-3-47-55

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПОЛУЧЕНИЕ ОБРАЗЦОВ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Е.С. Иванова

Автором подчеркивается необходимость совершенствования процесса получения образцов для сравнительного исследования и их использования при раскрытии и расследовании преступлений с применением информационных процессов и технологий. Раскрываются практические условия, позволяющие эффективно собирать, хранить, обрабатывать и использовать криминалистически значимую информацию в целях достижения задач, поставленных обществом и государством перед органами внутренних дел. Рассмотрены ведущие системы и платформы, используемые правоохранительными органами для автоматизации накопления следовой информации. Раскрыт потенциал использования различных сервисов для получения и использования образцов для сравнительного исследования: компьютерной программы FingerCard с дактилоскопическим сканером (для получения и обработки дактилоскопических данных); бутоскопа – прибора для получения отпечатков подошв обуви; устройства «Папилон ФоБокс» – комплекта для съемки следов обуви и шин, предназначенного для цифровой фотосъемки на месте происшествия следов обуви, следов транспортных средств, в т.ч. поверхностных и объемных, при различных режимах освещения; автоматизированных дактилоскопических информационных систем (АДИС) «Папилон», «Сонда», автоматизированные баллистические идентификационные системы (АБИС) «Поиск», «Арсе-

нал»; программного обеспечения «Сравнение и анализ» для криминалистического микроскопа сравнения «МСК 3-1», позволяющего выполнять качественную последовательную фотофиксацию, накопление, систематизацию и анализ данных, проводить угловые и линейные измерения следов. Автором предлагаются конкретные механизмы совершенствования получения и использования образцов для сравнительного исследования посредством расширения информационных процессов.

Ключевые слова: информационные процессы, судебная экспертиза, образцы для сравнительного исследования, технико-криминалистические средства и методы.

Актуальность темы исследования определяется необходимостью совершенствования организации получения образцов для сравнительного исследования и их использования при раскрытии и расследовании преступлений путем внедрения передовых достижений научно-технического прогресса.

В современных условиях это касается интеграции в деятельность правоохранительных органов, прежде всего, компьютерных технологий, обеспечивающих получение, накопление, хранение, систематизацию, передачу и использование криминалистически значимой информации, отражающей актуальную информацию о конкретном объекте – объекте последующего сравнения. Сегодня созданы все предпосылки для организации получения образцов для сравнительного исследования с использованием современных информационных технологий.

Внедрение инновационных информационных технологий во все сферы жизнедеятельности – неотъемлемый компонент современного общества. Эти тенденции нашли отражение в ряде законодательных актов, а также Конституции Российской Федерации, ст. 29 которой гласит, что «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» [1]. Особенно актуальным внедрение инновационных технологий становится для правоохранительной системы, от информационной и технической оснащенности которой зависит успешность противодействия преступности. Эффективный и незамедлительный обмен информацией, ведение информационных учетов, применение систем видеонаблюдения в профилактике преступности – эти и многие другие аспекты информационного обеспечения обеспечивают качество и скорость работы сотрудников правоохранительных органов.

Под информационным обеспечением понимают «обслуживание специалистов необходимой научной, технической и иной информацией, осуществляемое информационными службами и органами для ее дальнейшего использования» [2]. Информационные процессы включают получение, создание, сбор, обработку, накопление, хранение, поиск, распространение и использование информации [3], в том числе, обеспечивая ее точность, своевременность, полноту, доступность и актуальность [4].

Информационное обеспечение деятельности органов внутренних дел включает в себя: сбор информации из различных источников; ее хранение для дальнейшего использования; обработку и передачу. Основная цель всего этого процесса – содействие поддержанию правопорядка и обеспечению безопасности общества [5, с. 26]. Федеральный закон «О полиции» подчеркивает необхо-

димось в правоохранительной деятельности использования достижений науки и техники, современных технологий и информационных систем (ст. 11). Полиция также обязана применять сети связи и современную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру (п. 1 ст. 12). Полиция использует технические средства, включая средства аудио-, фото- и видеофиксации, при документировании обстоятельств совершения преступлений, административных правонарушений, обстоятельств происшествий, в том числе в общественных местах, для фиксации действий сотрудников полиции, выполняющих возложенные на них обязанности (п. 3 ст. 12). Федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел обеспечивает полиции возможность использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет, автоматизированных информационных систем, интегрированных банков данных (п. 4 ст. 12) [6].

Важной характеристикой образцов для сравнительного исследования является их обеспечительная функция. Это проявляется в том, что доказательственное значение эти образцы реализуют по результатам судебной экспертизы, которая указывает на подтверждение или опровержение фактов, важных для расследования [7]. Только проведение последующего исследования обеспечивает полученным образцам придание результатов правового веса [8], а полученная криминалистически значимая информация приобретает доказательственное значение.

Под криминалистически значимой информацией понимается информация, используемая при расследовании уголовного дела, «полученная по различным каналам информации, могущую выступать в качестве доказательств по уголовному делу или способствующую получению таковой, а также любую иную информацию, имеющую значение для достижения установленных законом конечных целей деятельности по раскрытию и расследованию преступлений» [9].

Преимущества, определяемые использованием информационных технологий при получении образцов для сравнительного исследования, заключаются в их способности обеспечить оперирование различными формами, в которые будут актуализированы необходимые для проведения сравнительного исследования объекты. Определенные перспективы имеет и их цифровая форма, позволяющая повысить эффективность получения, хранения и использования объектов для сравнительного исследования.

Цифровая форма образцов для сравнительного исследования также открывает широкие возможности для их обработки и анализа с использованием современных технологий. Специализированное программное обеспечение позволяет проводить сложные аналитические операции, такие как распознавание и сопоставление образцов, моделирование и прогнозирование. Это повышает точность и достоверность выводов, делаемых на основе сравнительного исследования.

В целом же цифровизация образцов не только ускоряет и облегчает процесс исследования, но и повышает его научную и практическую ценность.

В настоящее время получение образцов для сравнительного исследования начинает практиковаться органами внутренних дел при обращении к современным достижениям информационных технологий и цифровой криминалистики.

Так, существенным потенциалом в данной области обладает АПК «Безопасный город» – комплексная информационная видеосистема, направленная на повышение безопасности и улучшение качества жизни в населенных пунктах. АПК объединяет стационарные и передвижные камеры видеонаблюдения, датчики и системы контроля доступа, а также программное обеспечение для обработки данных и координации действий различных служб. За счет интеграции информации из указанных источников возникает возможность оперативного реагирования на чрезвычайные ситуации, правонарушения и преступления.

В настоящее время различные информационные процессы и их результаты становятся одним из источников получения образцов для сравнительного исследования. Так, «...при просмотре записей с камер наблюдения правоохранители выяснили, что перед входом в здание одна из преступниц бросила окурок. Биологическая экспертиза помогла установить личность 44-летней жительницы Рязанской области, ранее судимой за мошенничество и кражу. Женщину задержали в Москве, она заключена под стражу...» [10]. Таким образом, видеозапись не только зафиксировала факт противоправного действия, но и предоставила возможность получить физическое доказательство, необходимое для дальнейшего расследования и сбора доказательственной базы. Это стало возможным благодаря современным технологиям и методам анализа биологических материалов, что подчеркнуло важность использования таких технологий в правоохранительной практике.

Современные системы видеонаблюдения, автовидеорегистраторы и даже любительские записи как источники криминалистически значимой информации, могут выполнять ряд функций:

- идентификация и установление личности интересующих объектов;
- запись и анализ видеоматериалов и данных геолокации для документирования противоправных действий;
- наблюдение за передвижениями, социальными связями и финансовыми транзакциями интересующих лиц;
- выявление и предотвращение угроз безопасности через обнаружение подозрительных объектов и ситуаций.

Информационные технологии постепенно позволяют специалистам отказываться от использования традиционных дактилоскопических бумажных карт и чернил, что существенно экономит временные и человеческие ресурсы. В настоящее время специалистами для получения и обработки дактилоскопических данных используется компьютерная программа FingerCard в сочетании с дактилоскопическим сканером, снимающим 10 отпечатков пальцев исследуемого, которые потом оцифровываются FingerCard. Программа обрабатывает и дактилоскопическую информацию, полученную традиционным способом, но оцифрованную на любой электронный носитель, а также обеспечивает возможность работы с ней не только локально, но и в режиме удаленного доступа.

Опытные криминалисты, обладая специальными знаниями и навыками, предлагают свои варианты решения проблемы ведения криминалистических учетов и получения образцов для сравнительного исследования.

Так, И.Н. Мазепиным разработан проект бутоскопа – прибора для получения отпечатков подошв обуви. Исследователь отмечает, что разработанный прибор способствовал активизации криминалистического учета отпечатков подошв обуви, позволяя производить автоматическое сличение полученных образцов с ранее изъятыми по уголовным делам [11, с. 379–383].

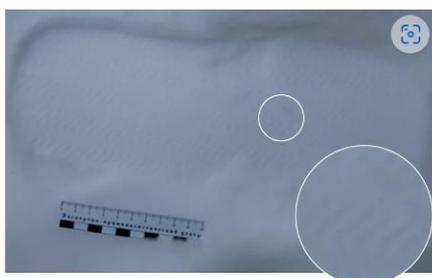
Информационные технологии сегодня способствуют эффективности обеспечения производства осмотров мест происшествий, проведения судебных экспертиз, ведения экспертно-криминалистических учетов.

Примером этого является устройство «Папилон ФоБокс» – комплект для съемки следов обуви и шин, предназначенный для цифровой фотосъемки на месте происшествия следов обуви, следов транспортных средств, в т.ч. поверхностных и объемных, при различных режимах освещения (рис. 1) [12].

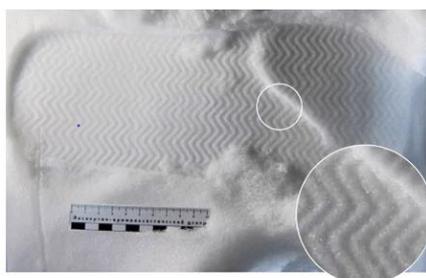
Визуализация исследуемого материально-фиксированного следа (след обуви, транспортного средства) посредством фотографирования в ряде случаев бывает затруднено из-за особых условий механизма его образования (снежный покров и др.). Поэтому в этих случаях и нужны устройства такого типа, использование которых решает и задачи оценки экспериментально полученных на снегу следов, которые будут соответствовать по условиям своего образования следам, изъятым с места происшествия.

Следует отметить, что возможности информационных технологий распространяются и на случаи использования при проведении экспертных исследований технологических ресурсов сложных аппаратно-программных комплексов, включающих в своей структуре кроме станций и программ визуализации и обработки изображений, информационные массивы объектов учета (следы рук, следы огнестрельного оружия на пулях и гильзах и др.).

Это уже известные российские разработки: автоматизированные дактилоскопические информационные системы (АДИС) «Папилон», «Сонда», автоматизированные баллистические идентификационные системы (АБИС) «Поиск», «Арсенал», которые активно используются сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений не только для проведения проверок по экспертно-криминалистическим учетам, но и в производстве судебных экспертиз (рис. 2).

Обычная съемка

Съемка с применением Папилон ФоБокс

Рис. 1. Следы обуви и транспортного средства в условиях обычной фотосъемки (слева) и с помощью устройства «Папилон ФоБокс» (справа)

Рис. 2. Фоторазвертка ведущей (боковой) поверхности пули, выстреленной из 4,5 мм пневматической винтовки «Хатсан» модель 70 (АБИС «Арсенал»)

Положительные результаты дает программное обеспечение «Сравнение и анализ», подготовленное для криминалистического микроскопа сравнения «МСК 3-1». Оно позволяет выполнять качественную последовательную фотофиксацию, накопление, систематизацию и анализ данных, проводить угловые и линейные измерения следов (рис. 3–4).

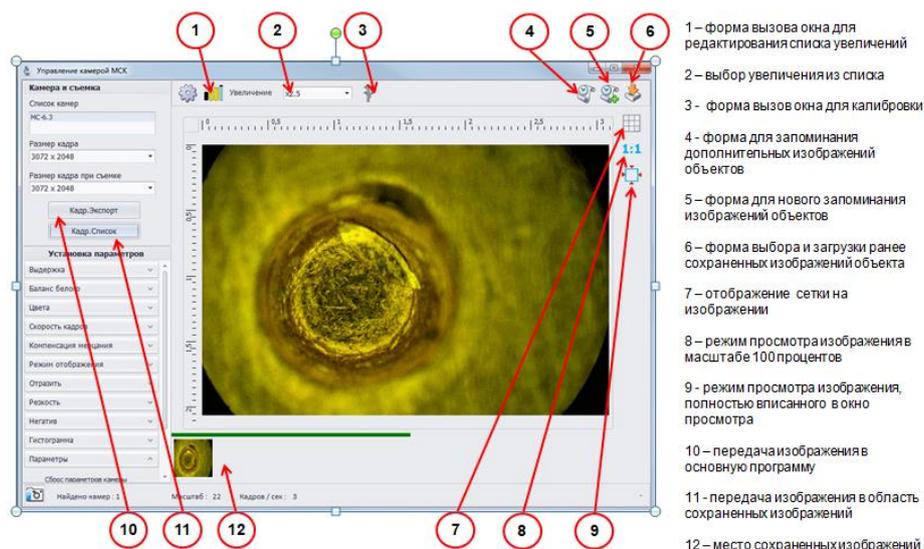

Рис. 3. Основное окно установки параметров съемки на микроскопе МСК 3-1

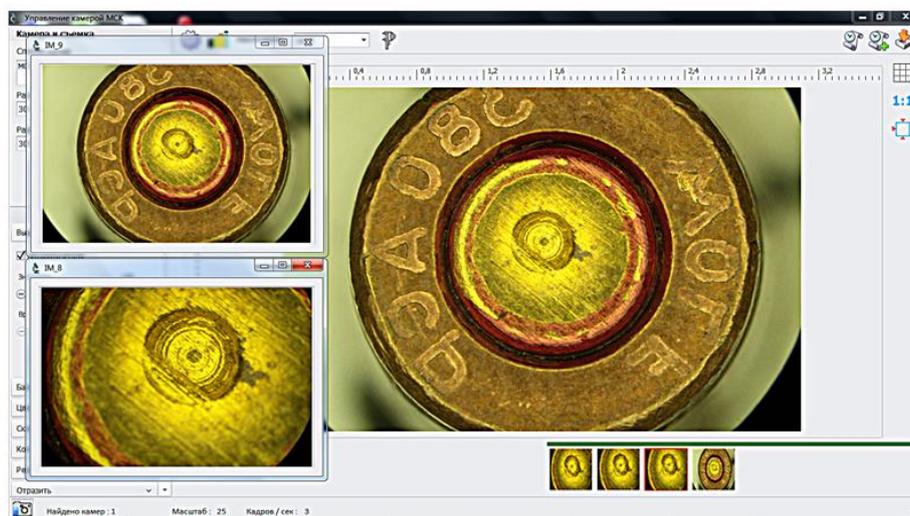

Рис. 4. Основное и дополнительные окна программы «Сравнение и анализ» для работы со следами огнестрельного оружия на донной части стреляной гильзы

Следует также указать на возможности 3D-моделирования, активно внедряемого в большинство программных продуктов, обеспечивающих производство судебных экспертиз, включая и оценку экспериментально получаемых образцов для сравнительного исследования.

Таким образом, сегодня современные информационные процессы обеспечивают большие возможности исследования объектов судебных экспертиз. При этом, разнообразие разработанных наукой и апробируемых практикой приборов, инструментов и программного обеспечения ставят задачу упорядочения их использования в процессе раскрытия и расследования преступлений.

Это касается дополнения норм российского процессуального законодательства положениями, определяющими правовой статус образцов для сравнительного исследования, полученных при помощи информационных технологий.

Следует также указать на необходимость активизации усилий по внедрению инновационных технико-криминалистических средств и методов в практику производства судебных экспертиз.

Формами этого могут быть: проведение целевых научно-исследовательских работ по вопросам сбора, получения, хранения криминалистически значимой информации, использования ее в качестве образцов для сравнительного исследования; обсуждение результатов научно-исследовательских работ на заседаниях созданной в МВД России Учебно-методической секции по специальности 40.05.03 – Судебная экспертиза; организация проведения занятий с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений в системе профессиональной подготовки.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=lzziebvn9427178416 (дата обращения: 17.06.2024).

2. Большая советская энциклопедия. Том 10. Ива-Италики. / глав. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1972. 664 с.

3. ГОСТ Р 51583-2000. Защита информации. Порядок создания автоматизированных систем в защищенном исполнении. Общие положения: Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 января 2014 г. № 3-ст «Об утверждении национального стандарта» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70598650/> (дата обращения: 17.06.2024).

4. Малахова О.В. Сущность информационного обеспечения и его роль в инновационной деятельности // Транспортное дело России. 2013. С. 24–29.

5. Антонова Е.А. Особенности криминалистического обеспечения деятельности сотрудников уголовного розыска. // Сб. матер. международн. научн.-практ. конф. «Санкт-Петербургский международный криминалистический форум». СПб: СПбУ МВД России, 2024. С. 612–614.

6. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 17.06.2024).

7. Стельмах В.Ю. Получение образцов для сравнительного исследования по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации: понятие, порядок производства и проблемные вопросы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. №1(69). С. 78–83.

8. Зайцева Е.А. Получение образцов для сравнительного исследования: теоретические, нормативные и правоприменительные проблемы // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2021. № 4. С. 17–29.

9. Григорьев А.Н. Теоретические аспекты информации и ее защиты в предварительном расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Калининград, 2002. 230 с.

10. МВД: обворовавшую пенсионера женщину вычислили по окурку в Подмоскowie [Электронный ресурс]. URL: <https://news.ru/regions/vorovkuvychislili-po-okurku-v-podmoskove/> (дата обращения: 17.07.2024).

11. Мазепин И.Н. Использование нового приспособления для бутоскопирования (из экспертного опыта ведения криминалистического учета следов подошв обуви) // Сб. матер. междунаrodn. научн.-практ. конф. «Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы»: Москва, 25–26 марта 2021 года. Москва: Российский государственный университет правосудия, 2021. С. 379–383.

12. «Папилон ФоБокс» – комплект для съемки следов обуви и шин [Электронный ресурс]. URL: <https://www.papillon.ru/wp-content/uploads/FoBox.pdf> (дата обращения: 01.07.2024.)

Иванова Елена Сергеевна, заместитель декана по учебной работе, старший преподаватель кафедры судебных экспертиз факультета судебных экспертиз и права в строительстве и на транспорте, ivas-1977@mail.ru. Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, ORCID: 0000-0002-2654-946X

THE IMPACT OF INFORMATION PROCESSES ON OBTAINING SAMPLES FOR COMPARATIVE RESEARCH AND THEIR USE IN CRIME DETECTION AND INVESTIGATION

E.S. Ivanova

The article emphasizes the need to improve the process of obtaining samples for comparative research and their use in the detection and investigation of crimes using information processes and technologies. Practical conditions are revealed that make it possible to effectively collect, store, process and use criminally significant information in order to achieve the tasks set by society and the state before the internal affairs bodies. The leading systems and platforms used by law enforcement agencies to automate the accumulation of trace information are considered. The potential of using various services for obtaining and using samples for comparative research is revealed: the computer program "FingerCard" with a fingerprint scanner (for obtaining and processing fingerprint data); a butoscope – a device for obtaining prints of shoe soles; a device « Papilon PhO-box» – a kit for shooting shoe and tire tracks, designed for digital photography at the scene of shoe tracks traces of vehicles, including surface and volumetric ones, under various lighting conditions; automated fingerprint information systems (ADIS) "Papilon", "Sonda", automated ballistic identification systems (ABIS) "Poisk", "Arsenal"; software "Comparison and analysis" for the forensic comparison microscope "MSC 3-1", which allows to perform high-quality sequential photofixation, accumulation, systematization and analysis of data, to carry out angular and linear measurements of traces. The author suggests mechanisms for improving the process of obtaining samples for comparative research, ensuring the effectiveness of using samples for comparative research in the detection and investigation of crimes.

Key words: information processes, influence of information processes, criminalistically significant information; samples for comparative research; obtaining and using samples.

Ivanova Elena Sergeevna, Deputy Dean for Educational Work, Senior Lecturer of the Forensic Expertise Department of the Faculty of Forensic Expertise and Law in Construction and Transportation Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, ivas-1977@mail.ru, Russia, Saint-Petersburg, ORCID: 0000-0002-2654-946X

УДК 343

DOI: 10.24412/2071-6184-2024-3-56-62

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕСТА ФАЛЬСИФИКАЦИИ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЧАСТНОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ О ФАЛЬСИФИКАЦИИ

А.В. Козлов

Автором обосновано место фальсификации дактилоскопической информации в частной криминалистической теории о фальсификации как объекте криминалистического исследования. Результатами работы являются: предложение авторских понятий фальсификации следов рук, фальсификации дактилоскопической информации и ее классификации, которые могут быть использованы для развития научных знаний дактилоскопии и дактилоскопической экспертизы.

Ключевые слова: фальсификация, частная криминалистическая теория, следы рук, дактилоскопическая информация.

Развитие открытого информационного пространства современного мира характеризуется как позитивными, так и негативными сторонами, которые выражаются в возможности использования имеющихся научных знаний о строении и преобразовании дактилоскопической информации в преступных целях. Использование персональной дактилоскопической информации для получения доступа к биометрическим замкам денежных счетов, предприятий, жилых помещений, средств передвижения, банковским ячейкам, электронным накопителям информации и т.д. обуславливает возникновение возможности ее фальсификации.

Следы рук, как известно, являются наиболее информативным и криминалистически значимым объектом, о чем свидетельствует высокий процент их изъятий на местах происшествий по отношению к другим следам [1, с. 68].

Так, исходя из анализа статистических данных ЭКП ГУ МВД России по г. Москве за 12 месяцев 2023 года со всех осмотров мест происшествий количество изъятых следов и объектов со следами составило – 16033 ед. из них: следов обуви – 4740 ед., следов орудий взлома – 984 ед., следов рук – 8440 ед. Последние формируют наибольший процент изъятий от всех объектов криминалистического исследования – 52,64 %. При этом в следотеку помещено 4272 следов. В результате проведения дактилоскопических экспертиз, способствующих установлению лиц, причастных к совершению преступлений, установлено 2408 совпадений следов рук по преступлениям и происшествиям [2, прил. 2].

Таким образом, дактилоскопическая информация в количественных показателях превосходит изъятие других следов с мест происшествий.

В данном ключе интерес представляет обзор состояния преступности в нашей стране в целом. Так, по сведениям МВД РФ, больше половины всех зарегистрированных преступлений за 2023 год (53,5 %) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи – 583,3 тыс. (-16,4 %), мошенничества – 433,7 тыс. (+26,4 %), грабежа – 22,2 тыс. (-23,9 %), разбоя – 3,4 тыс. (-15,4 %) [3]. Несмотря на тот факт, что в 2023 году показатели совершенных краж уменьшились на 16,4% по сравнению с 2022 годом, а количество совершенных мошенничеств увеличилось на 26,4 %, они в настоящее время совершаются «дистанционно», что предполагает отсутствие непосредственного контакта между потерпевшим и злоумышленником в процессе незаконного получения доступа не только к чужому имуществу, но и к персональной информации. Последняя непосредственно связана с возникновением угроз государственной безопасности посредством обхода биометрических систем доступа, использующих в качестве ее ключа дактилоскопическую информацию. Представляется, что для решения задач профилактики таких преступлений, следует уточнить не только возможности фальсификации данной информации, но и установление данного факта. Для чего прежде всего требуется сформулировать определение фальсификации дактилоскопической информации и установить ее место в предложенных ранее частных криминалистических теориях.

Известно, что основное понятие дактилоскопической информации содержится в ст.1 Федерального закона №128-ФЗ от 25.07.1998 г. (в ред. от 01.07.2017 г.) «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации», согласно которому «дактилоскопическая информация — это биометрические персональные данные об особенностях строения папиллярных узоров пальцев и (или) ладоней рук человека, позволяющие установить его личность».

В определении, содержащемся в толковом словаре С.И. Ожегова, фальсификация — это поддельный предмет, вещь, выдаваемая за настоящую, подделка «фальсифицировать», -рую; -руешь; -анный; сов. и несов. что (книжн.) [4, с. 245].

Р.С. Белкин в «Криминалистической энциклопедии» под фальсификацией следов рук, понимает подделку следов с преступной целью: направить следствие по ложному пути, обвинить в преступлении лицо, которое его не совершало [5, с. 239].

С.С. Самищенко в работе «Современная дактилоскопия: теория практика и тенденции развития», выделяет один из важных теоретических вопросов рассматриваемой проблемы изучения поддельных следов рук – вопрос о следующих терминах: «фальсифицированные следы рук; поддельные следы рук; подложные следы рук». Далее он отмечает, что «большинство авторов используют указанные термины как синонимы. В зарубежных работах как синоним используют еще и термин «сфабрикованные следы рук, в работах отечественных ученых он почти не встречается» [6, с. 225].

Таким образом, основываясь на имеющихся понятиях о фальсификации, следах рук и дактилоскопической информации, считаем целесообразным предложить понятия фальсификации следов рук и фальсификации дактилоскопической информации:

Под «*фальсификацией следов рук*» нами понимается незаконное создание, изменение или использование поддельных следов рук. Фальсификация следов рук является разновидностью «*фальсификации дактилоскопической информации*», к которой мы относим незаконное создание, изменение и использование дактилоскопической информации.

Проведенный нами анализ специальной литературы по теме фальсификации дактилоскопической информации свидетельствует об отсутствии актуализированных научных сведений по рассматриваемой проблеме и соответственно методических рекомендаций по ее установлению. Отметим, что риски экспертных ошибок и угрозы государственной безопасности, возникающие в таком случае, являются максимальными.

Анализ возможности фальсификации дактилоскопической информации как способа совершения и сокрытия преступлений в криминалистике [7, 8, и др.] позволяет выделить два ее уровня: теоретический и прикладной.

По нашему мнению, развитие теории о фальсификации в целом и дактилоскопической информации в частности будет способствовать разработке способов, приемов и методов установления данной фальсификации, а также вооружит субъектов уголовного преследования специальными знаниями о закономерностях фальсификации такого вида [9, с. 30–34]. Практическое значение исследования фальсификации дактилоскопической информации включает в себя установление признаков фальсификации. Такое деление обусловлено единством теории и практики, а также предложенным Т.В. Аверьяновой комплексным научным отражением судебно-экспертной деятельности как единого целого [10, с. 43], что позволит установить достоверность знаний о фальсификации, выявить закономерности этого процесса, раскрыть определяющие для изучаемого объекта связи и отношения.

Из последних научных трудов по рассматриваемой проблематике интерес представляет работа А.Г. Холевчука «Фальсификация как объект криминалистического исследования», в которой он предлагает следующее ее понятие: «это активная, умышленная деятельность людей, направленная на искажение существующих материальных, информационных объектов, изменение которых неправомерно» [11, с. 32]. Развивая криминалистическую теорию о фальсификации как объекте криминалистического исследования, автор подразделяет ее на две части, общую и особенную. К общей части он относит действия субъектов криминалистической деятельности, направленные на выявление и разоблачение фальсификации, к особенной части – закономерности, проявляющиеся в способах и механизме фальсификации.

В развитие данной темы А.Г. Холевчук считает, что она выполняет определенные функции, к числу которых можно отнести: объяснительную, описательную, прогностическую, ретросказательную, синтезирующую, методологическую и прикладную функции.

Мы солидаризируемся с точкой зрения Соколовой О.А., считающей, что в дактилоскопии одной из наиболее значимых, является прогностическая функция [12, с. 56–71; 13, с. 43], позволяющая предвидеть ход исследовательской деятельности и выдвигать научно обоснованные цели ее направления [14, с. 133–138].

Ворожцов В.П., Москаленко А.Т., Шубин М.П. считают, что «поскольку теория раскрывает взаимосвязь между рассматриваемыми явлениями, выявляет их сущность, то на этой основе возникает возможность построить предвидение, и в результате через предсказание научная теория непосредственно связывается с практикой. Таким образом, теория может выступать в функции метода познания и практического преобразования благодаря тому, что она выполняет прогностическую функцию» [15, с. 189].

По нашему мнению, примером такой прогностической функции, являются первые научные публикации по теме фальсификации следов рук в начале XX века [16], задолго до появления современных технологий и возможностей, предопределивших научное развитие и актуальность рассматриваемой нами темы.

Взяв за основу научную классификацию фальсификации предложенную А.Г. Холевчуком, применительно к нашей проблематике предлагаем авторскую классификацию фальсификации дактилоскопической информации, основаниями формирования которой являются: объект, вид, степень сложности, количество лиц, субъект, уровень обладания навыками, степень фальсификации, время, количество объектов, способы выражения и ее цель.

Рассмотрим данную классификацию подробно:

1. По объекту, подвергающемуся фальсификации:

а) материально-информационная (след, отпечаток, слепок); б) информационная (дактилоскопическая информация в электронно-цифровом виде).

2. По виду фальсификации:

а) фальсификация, влекущая уголовную ответственность (фальсификация, совершение которой влечет уголовную ответственность (к примеру, фальсификация доказательств, предусмотренная ст. 303 УК РФ)); б) фальсификация, не влекущая уголовную ответственность (фальсификация, совершение которой не влечет наступление уголовной ответственности (к примеру, административная ответственность по ст. 13.11 КоАП РФ от 30.12.2001 г. №195-ФЗ (в ред. От 14.07.22 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.22 г.) «Нарушение законодательства Российской Федерации в области персональных данных»)).

3. По степени сложности:

а) с применением специальных технических средств (использование сложных технологий производства); б) с применением общедоступных бытовых приемов (простые действия, не требующие специального оборудования и многоэтапных действий).

4. По количеству лиц:

а) индивидуальная (фальсификация осуществляется единолично одним субъектом, который производит все необходимые действия); б) групповая

(фальсификация совершается группой лиц, при этом каждый участник группы применяет определенные приемы для того, чтобы использовать ее как способ совершения и сокрытия преступлений. В групповой фальсификации прослеживается четкое распределение ролей между ее участниками).

5. По субъекту совершения:

а) граждане РФ, б) лица без гражданства, в) иностранные граждане, г) должностное лицо (специальный субъект).

6. По уровню обладания навыками:

а) лицо, обладающее специальными знаниями; б) лицо, не обладающим специальными знаниями.

7. По степени фальсификации объектов:

а) полная подделка (изготавливается след); б) частичная подделка (изменяется часть следа, например, в электронно-цифровом виде).

8. По времени осуществления:

а) до возбуждения уголовного дела (привнесение фальсифицированного следа на место совершения преступления в целях направления будущего расследования по ложному пути, изменение или получение дактилоскопической информации для получения несанкционированного доступа в целях совершения преступления); б) после возбуждения уголовного дела (привнесение фальсифицированного следа в материалы уголовного дела в целях доказывания или восполнения утраченного объекта исследования).

9. По количеству объектов:

а) единичный след (в аналоговом или электронно-цифровом виде); б) множественные следы (в аналоговом или электронно-цифровом виде).

10. По способам выражения:

а) подделка (полная, частичная); б) подбрасывание (фальсифицированных объектов на месте происшествия и т. д.); в) частичное уничтожение (объекта или информации, которую содержит объект); д) замена (полная, частичная) – (элементы объекта заменяются полностью или частично с целью исказить представление об объекте или представить его как подлинный); е) удаление элемента в содержании объекта (материального, информационного) с целью представить объект как подлинный или объект, в который были внесены искажения, носящие закономерный объективный характер).

11. По цели:

а) с целью совершения преступления (фальсифицируется какой-либо объект для достижения преступного результата); б) с целью противодействия расследованию (направление расследования по ложному пути); в) с целью восполнения утраченных объектов криминалистического исследования; г) с целью усложнения задач доказывания; д) с целью получения корыстной выгоды; е) с целью шантажа.

Исходя из вышеизложенного представляется, что теория о фальсификации как объекте криминалистического исследования позволяет включить в нее направление, изучающее фальсификацию дактилоскопической информации и разработать:

- классификацию фальсификации дактилоскопической информации; тактико-технические приемы и способы выявления и установления признаков фальсификации дактилоскопической информации при проведении осмотра места происшествия и криминалистического исследования;
- комплекс технико-криминалистических средств, необходимых для выявления и установления признаков фальсификации дактилоскопической информации;
- алгоритмы, направленные на установление фальсификации дактилоскопической информации в ходе расследования уголовных дел;
- методические рекомендации, направленные на установление фальсификации дактилоскопической информации.

Список источников

1. Бульбачева А.А. Криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия управления МВД РФ, 2017. 230 с.
2. Аналитическая справка ЭКЦ ГУ МВД России по г. Москве – 1НТП за 12 мес. 2023 г.
3. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2023 года [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/> (дата обращения: 20.05.2022 г.).
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия 1970. 900 с.
5. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Издательство БЕК, 1997. 334 с.
6. Самищенко С.С. Современная дактилоскопия: теория, практика и тенденции развития: дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Академия управления МВД России. 2003. 369 с.
7. Соколова О.А. Диагностика в дактилоскопии: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 191 с.
8. Соколова О.А. Фальсификация отображений папиллярных узоров следов и отпечатков пальцев рук человека. // Сб. матер. международн. научн.-практ. конф. «Судебная экспертиза: российский и международный опыт»: 23–24 мая 2012 г. Волгоград: ВА МВД России.
9. Соколова О.А. Установление поддельных и измененных отпечатков пальцев рук. // Сб. матер. криминалистич. чтений, посв. памяти В.Е. Корноухова / под ред. Ю.Л. Бойко. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России. 2012. С. 82–84.
10. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории: монография. М: Норма: ИНФРА-М, 2023. 480 с.
11. Холевчук А.Г. Фальсификация как объект криминалистического исследования: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина. 2010. 225 с.

12. Соколова О.А. Фальсификация следов и отпечатков рук человека. Судебная экспертиза // Научно-практический журнал. Волгоград. № 4(32). 2012 г.

13. Соколова О.А. Современные возможности определения фальсификации (подделки) следов рук человека. // Сб. докл. междунар. науч.-практич. конф. «Специальная криминалистическая техника»: 28 февраля 2017 г., г. Москва. С. 43.

14. Соколова О.А. Значение прогностической функции в развитии современной дактилоскопии // *Lus Publicium et Privatum*. 2021. № 4 (14). С.133–138.

15. Ворожцов В.П., Москаленко А.Т., Шубин М.П. Гносеологическая природа и методологическая функция научной теории. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. 287 с.

16. Carlson M. Dangers of Finger-Print Identification, 9 *Va. L. Rev.* (N. S.). 1923; Wehde, A., and Beffel, J. N. Finger-Prints Can Be Forged, 1924. P. 163-168.

Козлов Александр Валерьевич, соискатель ученой степени КЮН по кафедре экспертно-криминалистической деятельности УНК судебной экспертизы, эксперт МРО ЭКЦ УВД по ЮЗАО ГУ МВД России по г. Москве, капитан полиции, zanovo_9@mail.ru, Россия, Москва, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

**DETERMINING THE PLACE OF FALSIFICATING FINGERPRINT INFORMATION
IN A PARTICULAR FORENSIC THEORY ABOUT FALSIFICATION**

A.V. Kozlov

The article substantiates the place of falsification of fingerprint information in the private forensic theory of falsification as an object of forensic research. The results of the work are: the proposal of the author's concepts of falsification of handprints, falsification of fingerprint information and its classification, which can be used for the development of scientific knowledge of fingerprinting and fingerprint examination.

Key words: falsification, private forensic theory, handprints, fingerprint information.

Kozlov Alexander Valerievich, applicant for the academic degree of the candidate of legal sciences in the department of expert-criminalistic activities of the educational and scientific complex examinations of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, expert Interdistrict Department of the Expert-Criminalistic Center of the Department of Internal Affairs for the South-Western Administrative District of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Moscow, police captain, zanovo_9@mail.ru, Russia, Moscow

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНОСТРАННОГО УЧАСТНИКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

А.В. Кулешова

Статья посвящена криминалистической характеристике иностранного участника уголовного судопроизводства и ее роли в базовой методике расследования преступлений, связанных с деятельностью иностранных граждан и лиц без гражданства. Определяется круг участников уголовного судопроизводства, чьи личностные характеристики отражаются в преступной деятельности и влияют на выбор тактических средств. Анализ существующих точек зрения и правоприменительной практики позволил выявить категорию иностранных участников криминального события, к которым отнесены подозреваемый, обвиняемый, свидетель и потерпевший. Подчеркивается важность их взаимодействия в процессе осуществления преступной деятельности, поскольку иностранные граждане, как правило, ограничивают свои социальные связи земляками, проживают компактно, диаспорами и преступные посягательства часто осуществляют в отношении соотечественников. Делается вывод о том, что криминалистическая характеристика личности иностранного субъекта уголовного судопроизводства – участника криминального события – представляет собой структурированную совокупность криминалистически значимых признаков соматической, социальной и психической сфер деятельности участника криминального события, имеющих организационную, идентификационную, розыскную, тактическую и методическую значимость для выявления, расследования, раскрытия и предотвращения преступлений. При этом формируется ее структура, и определяются направления использования в методике расследования преступлений данной категории.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика личности, криминалистическая классификация участников уголовного судопроизводства, участники криминального события, криминалистическое изучение личности, расследование преступлений, совершенных иностранцами, иностранные граждане и лица без гражданства.

Базовая методика расследования преступлений, связанных с деятельностью иностранных граждан – частная методика высокой степени общности, сформированная на основе криминалистически значимых свойств и качеств участников уголовного судопроизводства, отражённых в механизме совершаемых преступлений и являющихся информационной основой разработки тактических средств и методов расследования. В отличие от частных криминалистических методик расследования отдельных видов и групп преступлений, сформированных преимущественно по уголовному правовому критерию, данная методика охватывает преступные деяния, ответственность за совершение которых предусмотрена различными частями, статьями, главами и даже разделами Особенной части Уголовного Кодекса Российской Федерации. Объединение их осуществляется исключительно по криминалистическому критерию – правовым, процессуальным и тактико-методическим особенностям расследования, которые влечет за собой иностранное гражданство субъекта уголовного судопроизводства.

Прежде всего, необходимо определить круг участников уголовного судопроизводства, чьи личностные характеристики могут выступить информационным базисом для разработки методических рекомендаций. Как известно, основной уголовно-процессуальной классификацией субъектов уголовного судопроизводства является их группировка в зависимости от осуществляемой уголовно-процессуальной функции, в соответствии с которой все участники уголовного судопроизводства делятся на 4 группы: на участников, осуществляющих правосудие; участников со стороны обвинения; участников со стороны защиты и иных участников. Встречаются и иные классификации – например, предлагается выделять участников процесса (государственные органы и должностные лица, ведущие процесс – суд, судья, прокурор, следователь, руководитель следственного органа, орган дознания, начальник подразделения дознания, дознаватель); участников процесса, имеющих свой личный интерес в уголовном деле – подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, защитник) и иных участников процесса, вовлекаемых в уголовный процесс с целью содействия в решении задач уголовного судопроизводства (свидетели, понятые, эксперты, специалисты, переводчики, статисты и др.) [1, с. 169]. Данная классификация, так же как и предыдущая, имеет четко выраженный уголовно-процессуальный характер и предназначена для решения задач, стоящих перед уголовно-процессуальной наукой, а прежде всего, в уточнении все той же уголовно-процессуальной функции, вида, природы и сущности осуществляемой деятельности.

Однако криминалистическая методика имеет несколько иные задачи, заключающиеся в разработке научно обоснованных и практико-апробированных методических рекомендаций по повышению эффективности выявления, расследования, раскрытия и предупреждения преступлений. В этой связи необходимо выделить тех участников уголовного судопроизводства, чьи личностные характеристики находят отражение в механизме преступления и посредством него определяют закономерности поисково-познавательной деятельности субъекта расследования. В этой связи исходной криминалистической категорией является преступная деятельность – совокупность взаимосвязанных поведенческих актов по подготовке, совершению и сокрытию криминальных деяний. Реализуя деятельностный подход в определении объекта и предмета криминалистики, ученые-криминалисты и преступление определяют в отличной от его уголовно-правовой форме. Так, В.Я. Колдин справедливо пишет о том, что «в процессе расследования конкретного уголовного дела криминалист, строго говоря, имеет место не с «преступлением», а с подлежащим расследованию событием: последствиями пожара, обнаружением трупа, недостатчей и т. д. эти события нуждаются в расследовании, но могут иметь и не криминальную природу» [2, с. 64]. Таким образом, криминалистическое значение имеют те личностные характеристики, которые отражены в подлежащем расследованию событии - в преступной мотивации, в выборе способов, средств и предметов преступления, в приискании соучастников, в определении жертв преступления и других элементах механизма преступления. Очевидно, что наиболее информативными, и в силу этого, наиболее важными являются свойства, признаки и состояния тех

участников уголовного судопроизводства, которые принимают непосредственное участие в осуществлении криминального события, определяют его течение, влияют на наступившие последствия. Кроме того, значение для расследования имеют и личностные характеристики участников уголовного судопроизводства, непосредственно воспринимающих преступное событие, сохранившие в памяти его обстоятельства и характерные черты.

В этой связи представляются ценными результаты исследования ученых-криминалистов, которые осуществили криминалистическую классификацию участников уголовного судопроизводства и выявили наиболее криминалистически важную группу. К их числу можно отнести труды Н.И. Малаховой, выделяющей понятие «криминальное событие», под которым предлагает понимать произошедшее преступление. При этом непосредственные участники криминального события - подозреваемый, обвиняемый, свидетель и потерпевший, - отнесены ею к «источникам криминалистически значимой информации», а осведомленные о нем, – специалист, эксперт, переводчик и т. д. – являются «носителями криминалистически значимой информации». Подчеркивается, что объектами познания учения об участниках криминального события должны являться непосредственно участники криминального события, т. е. люди-источники информации о произошедшем преступлении. Именно их изучение представляется важным и необходимым для решения задач уголовного судопроизводства в отличие, например, от изучения индивидуальных особенностей понятого, специалиста, эксперта и т.д. [3, с. 24].

Развивая высказанную точку зрения, Е.И. Фойгель уточняет, что деление участников уголовного судопроизводства на носителей и источников криминалистически значимой информации представляется достаточно условным, поскольку источники криминалистически значимой информации, безусловно, будут и ее носителями, в связи с чем предлагается выделять субъектов криминалистически значимой информации (участников криминального события) и субъектов криминалистических знаний (лиц, осуществляющих расследование) [4, с. 57].

Высказанные точки зрения представляются вполне аргументированными и ценными в первую очередь тем, что позволяют выявить классификационную группу участников уголовного судопроизводства, чьи личностные характеристики оказывают особое влияние на формирование закономерностей как преступной, так и поисково-познавательной деятельности субъектов расследования. Таким образом, позволим себе выявить в качестве субъектов уголовного судопроизводства, чьи личностные характеристики имеют криминалистическую значимость, участников криминального события – подозреваемого, обвиняемого, свидетеля и потерпевшего.

При этом криминальное событие с участием иностранных граждан представляет собой деятельность, в котором отражено взаимодействие всех участников криминального события, поскольку анализ уголовных дел о преступлениях, совершенных иностранными гражданами, показывает, что в большинстве случаев преступное посягательство, совершенное иностранным гражданином,

осуществляется в отношении иностранного гражданина того же государства, и в присутствии иностранных свидетелей – представителей этого же иностранного государства. Данный факт получил распространение в силу компактного проживания иностранных граждан, их занятости в одной сфере, ограничении социальных связей представителями национальной диаспоры. Таким образом, системообразующим элементом криминалистической характеристики преступлений, связанных с деятельностью иностранных граждан, является характеристика личности иностранного субъекта уголовного судопроизводства – участника криминального события, - подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего свидетеля.

Криминалистическая наука изучает личность указанных участников криминального события в ходе многочисленных исследований. Наиболее глубокие корни имеет, конечно, криминалистическое изучение преступника (подозреваемого, обвиняемого, «заподозренного», лица, совершившего преступление) – еще с середины XX века ученые стали обращать внимание на личностные особенности, проявляющиеся в элементах механизма преступления, и влияющие как на само событие преступления, так и на его квалификацию и расследование [5, 6, 7]. Объектом исследования становилась и взаимосвязь с жертвой, чьи характеристики, безусловно, находили отражение и в механизме преступления, и в следовой картине [8, с. 76]. Позднее стали появляться работы, исследующие криминалистически значимые признаки свидетеля и их роль в установлении всех элементов расследуемого события [9]. Сущностным наполнением криминалистической характеристики личности всех исследуемых источников криминалистически значимой информации является структурированная совокупность признаков, выявление, фиксация и исследование которых позволяет сформировать закономерности преступной деятельности и создать информационную базу для тактических средств и методов дальнейшего расследования.

Так, в зависимости от специфики изучаемого участника криминального события (от специфики расследуемого вида или группы преступлений) авторы предлагали выделять личностные уровни ценностей, отношений и притязаний преступника [10, с. 27–29]; антропологические, соматические, функциональные, психофизиологические, профессиональные и сопутствующие сведения об устанавливаемом лице [11, с. 53]; социально-демографические признаки, нравственно-психологические и биологические свойства [12, с. 82]; демографические, социально-ролевые и нравственно-психологические характеристики [13, с. 130–132] и другие структурные элементы.

Поскольку специфика криминалистического изучения иностранного участника уголовного судопроизводства заключается в его деятельности и роли в осуществлении криминального события, предлагается выделить основные сферы деятельности, в которых проявляются личностные признаки, имеющие криминалистическую ценность. К таковым относятся:

1. Соматическая (телесная) сфера, характеризующая совокупностью физических, генетически обусловленных признаков – цвет глаз, цвет волос, тип телосложения и выраженности отдельных частей тела и органов, которые являются результатом принадлежности к определенной расе, национальности, гене-

тическому типу. Признаки этой сферы призваны решать идентификационные и розыскные задачи.

2. Социальная сфера представлена доминирующим признаком - принадлежности к гражданству (подданству) иностранного государства, что проявляется в установлении и поддержании социальных связей с земляками, родственниками, соотечественниками, особенностях проживания в национальных анклавах и диаспорах, поддержка национальных и религиозных традиций, культуры, общение и мышление на национальном языке.

3. Психическая сфера включает в себя признаки характера, темперамента, мотивации, что проявляется в формировании психического отношения к осуществляемой (воспринимаемой) преступной деятельности, наступившим последствиям, сообщаемой (скрываемой) информации, занятой позиции в ходе предварительного события преступления. Немаловажное влияние на формирование признаков данной группы оказывает политика, идеология родного государства, а также национальный менталитет. Результаты изучения признаков данной сферы призваны решить тактические криминалистические задачи.

Таким образом, криминалистическая характеристика личности иностранного субъекта уголовного судопроизводства – участника криминального события – представляет собой структурированную совокупность криминалистически значимых признаков соматической, социальной и психической сфер деятельности участника криминального события, имеющих организационную, идентификационную, розыскную, тактическую и методическую значимость для выявления, расследования, раскрытия и предотвращения преступлений.

Криминалистическая характеристика личности иностранного участника криминального события является информационной основой для построения криминалистической модели преступной деятельности и позволит решить следующие задачи:

- установление степени и характера личного участия в криминальном событии при его подготовке, осуществлении и сокрытии;
- характеристика ценностно-мотивационной сферы личности для установления обстоятельств, способствующих совершению преступления и уточнению механизма преступного деяния;
- оценка полноты и объективности восприятия фактов и явлений, связанных с криминальным событием;
- выдвижение научных гипотез о социальных связях участников криминального события для установления иных лиц – источников криминалистически значимой информации;
- выдвижение и проверка криминалистических версий о личности преступника и потерпевшего, являющихся гражданами одного государства либо принадлежащих к одному этносу (этнической группе);
- разработка тактических приемов производства следственных и иных процессуальных действий, оперативно-тактических комбинаций;

– разработка методических рекомендаций по организации процесса расследования преступлений, связанных с деятельностью иностранных граждан и лиц без гражданства.

Список литературы

1. Лагуткина Н. Б. Классификация участников уголовного судопроизводства // *Право и государство: теория и практика*. 2022. № 1(205). С. 167–169.
2. Колдин П.Я. Криминалистическое знание о преступной деятельности: функция моделирования // *Советское государство и право*. 1987. № 2. С. 61–67.
3. Малыхина Н.И. Система криминалистического учения об участниках криминального события // *Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы*. 2015. № 2(6). С.22–26.
4. Фойгель Е.И. О криминалистической классификации участников уголовного судопроизводства // *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения*. 2022. № 2(36). С. 51–59.
5. Коршик М.Г., Степичев С.С. Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии. М.: Юрид. лит, 1969. 80 с.
6. Цветков П.П. Исследование личности обвиняемого/ П.П. Цветков. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1973. 149 с.
7. Кривошеев А.С. Изучение личности обвиняемого в процессе расследования. М.: Юрид лит., 1971. 79 с.
8. Шиканов В.И. Криминалистическая виктимология и практика расследования убийств // *Виктимология и профилактика правонарушений: сб. науч. трудов*. Иркутск: Изд-во Иркут. Ун-та, 1979. 190 с.
9. Бедризов А.Г. Личность свидетеля как объект криминалистического исследования: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2020. 206 с.
10. Ахмедшин Л.Р. Криминалистическая характеристика личности преступника: автореф. дис... д-ра юрид. наук. Томск, 2006. 48 с.
11. Поврезнюк Г.И. Теория и практика криминалистического установления личности: дис... д-ра юрид. наук. М., 2005. 433 с.
12. Макаренко И.А. Криминалистическое учение о личности несовершеннолетнего обвиняемого: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. 404 с.
13. Фойгель Е.И. Концептуальные основы криминалистического изучения этнических характеристик личности и практика их реализация в расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 2022. 565 с.

Кулешова Анна Владимировна, старший научный сотрудник 3 отдела научно-исследовательского центра № 4 ФГКУ «ВНИИ МВД России», майор полиции, avk22222@yandex.ru, Россия, Москва

FORENSIC CHARACTERISTICS OF A FOREIGN PARTICIPANT IN CRIMINAL PROCEEDINGS AND ITS USE IN THE INVESTIGATION OF CRIMES

A.V. Kuleshova

The article is devoted to the forensic characteristics of a foreign participant in criminal proceedings and its role in the basic methodology for investigating crimes related to the activities of

foreign citizens and stateless persons. The circle of participants in criminal proceedings is determined, whose personal characteristics are reflected in criminal activity and influence the choice of tactical means. An analysis of existing points of view and law enforcement practice made it possible to identify the category of foreign participants in a criminal event, which include the suspect, accused, witness and victim. The importance of their interaction in the process of carrying out criminal activities is emphasized, since foreign citizens, as a rule, limit their social connections to fellow countrymen, live compactly, in diasporas, and criminal attacks are often carried out against compatriots. It is concluded that the forensic characterization of the personality of a foreign subject of criminal proceedings - a participant in a criminal event - is a structured set of forensically significant signs of the somatic, social and mental spheres of activity of a participant in a criminal event, having organizational, identification, investigative, tactical and methodological significance for identifying, investigation, detection and prevention of crimes. At the same time, its structure is formed, and directions for use in the methodology for investigating crimes of this category are determined.

Key words: forensic characteristics of personality; forensic classification of participants in criminal proceedings, participants in a criminal event, forensic study of personality, investigation of crimes committed by foreigners, foreign citizens and stateless persons.

Kuleshova Anna Vladimirovna, Senior Researcher of the 3rd department of the Scientific Research Center No. 4 of the Federal State Budgetary Institution "Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia", police Major, avk22222@yandex.ru, Russia, Moscow

УДК 343.36

DOI: 10.24412/2071-6184-2024-3-69-81

ПОСЛЕДСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК КРИТЕРИЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПРИНУЖДЕНИЯ К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ

М.А. Мялицына

Обосновывается общественная опасность принуждения к даче показаний в сравнении с «обычным» превышением должностных полномочий. В качестве общего критерия для сравнения данных составов рассматриваются последствия преступлений, которые являются одним из критериев общественной опасности. На основе проведенного анализа последствий автор приходит к выводам о более серьезной общественной опасности принуждения к даче показаний и об увеличении санкции за это преступление.

Ключевые слова: последствия преступления, принуждение к даче показаний, «обычное» превышение должностных полномочий.

Обязательным признаком любого преступления является его общественная опасность, которая состоит из ряда критериев. Одним из таких критериев при принуждении к даче показаний являются последствия, которые наступают в результате преступного посягательства. Справедливо замечание А.И. Марцев, который писал, что «общественную опасность следует определять через количественно-качественные изменения условий существования общества» [1, с. 49]. Позиция автора выражается в том, что любое посягательство будет считаться общественно опасным, если общественным отношениям в результате

такого посягательства будет причинен вред, выражающийся в существенных количественно-качественных изменениях. Следовательно, последствия от преступного посягательства, по мнению автора, являются одним из ключевых критериев общественной опасности.

Рассматривая вопрос об общественной опасности принуждения к даче показаний, считаем необходимым затронуть проблему квалификации данного преступления. Так, большая часть фактов принуждения «маскируются» под ст. 286 УК РФ, которая является общей относительно ст. 302 УК РФ. Например, приговором Могойтуйского районного суда Забайкальского края двое сотрудников полиции были осуждены по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Обстоятельства дела были следующие. В отдел полиции были доставлены молодой человек и девушка, которые подозревались в совершении кражи из магазина. Ямадаев и Бадмаев, заставляя признаться в совершении преступления, повалили молодого человека на пол, несколько раз ударили руками и ногами, прикладывали книгу к голове и ударяли сверху кулаком. Кроме того, Ямадаев, несколько раз ударил девушку ногами по телу. Такими действиями сотрудники полиции пытались добиться от пары признаний в совершении кражи, либо сообщения информации о лицах, совершивших данное преступление [2].

В свою очередь, приговором Свободненского городского суда Амурской области сотрудник полиции Русин А.А. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 302 УК РФ. Будучи осведомленным, что потерпевший является подозреваемым по уголовному делу, осужденный принудил его к даче показаний путем угрозы применения физического насилия, которая выразилась в демонстрации угрожающего жеста – проведении рукой по горизонтальной линии передней поверхности шеи [3].

Несмотря на то что на сегодняшний день в практической деятельности дается ошибочная квалификация указанных деяний, принуждение, как общественно опасное явление, должно рассматриваться вне зависимости от уголовно-правовой оценки. Такой подход снимает вопрос о сравнении общественной опасности деяния, квалифицируемого по вышеуказанным статьям, поскольку в результате принуждения общество и государство сталкиваются с одними и теми же последствиями.

Так как ст. 302 УК РФ является специальной относительно ст. 286 УК РФ [4, с. 639], то более логичным представляется сравнение последствий, наступающих вследствие совершения «обычного» превышения должностных полномочий сотрудником полиции, поскольку в настоящий момент данные действия квалифицируются на равне с преступным принуждением. Под «обычным» превышением должностных полномочий мы понимаем любые незаконные действия сотрудников, которые не затрагивают отношения в сфере осуществления правосудия, то есть не обладают специальной целью. Так, например, участковые уполномоченные полиции применили насилие в ходе задержания и доставления потерпевшего в участковый пункт полиции. В результате преступных действий пострадавшему был средней тяжести вред здоровью. Приговором Промышленного районного суда г. Ставрополя Ставропольского края сотрудники были осуждены по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ [5].

Другим примером такого превышения должностных полномочий является совершение сотрудником насильственных действий исходя из личной неприязни относительно потерпевшего. Якутским городским судом рассматривалось дело по обвинению полицейского Птицына Ю.Г., который испытывая к потерпевшему личную неприязнь в связи с его попыткой скрыться, умышленно и неоднократно применил насилие, не опасное для жизни и здоровья. В результате был признан виновным по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ [6].

Представленные примеры демонстрируют, что при совершении «обычного» превышения должностных полномочий субъект преступления не желает наступления существенных изменений в отношениях по осуществлению нормального правосудия. В связи с этим преступное принуждение и «обычное» превышение должностных полномочий являются разными преступлениями, имеющими разные последствия.

В широком смысле этого слова последствия преступления не заключаются только в негативных изменениях, прямо указанных в тексте нормы Особенной части УК РФ. Очень часто такие последствия остаются за рамками состава преступления, но тем не менее оказывают существенное влияние на нормальное развитие общественных отношений. Еще Чезаре Беккариа пришел к выводу, что «настоящим мерилom преступлений является вред, причиненный ими обществу» [7, с. 91]. Мы разделяем позицию А.Э. Жалинского о том, что не существует закрытого перечня показателей общественной опасности, их нужно дополнительно выявлять и анализировать применительно к нарушениям охраняемого блага [8, с. 263].

Последствия от преступления могут быть разными. Применимо к преступному принуждению к даче показаний в качестве таковых можно выделить нарушение нормального процесса по осуществлению правосудия, подрыв авторитета органов государственной власти, вред, причиняемый жизни и здоровью пострадавшего, причинение ему нравственных страданий, понесенные им убытки и т. д. Отметим, что большая часть присуща и «обычному» превышению должностных полномочий, однако, принуждая лицо дать показания, виновные посягают на правильный порядок осуществления судопроизводства. Нарушение данного порядка влечет не только уголовную ответственность преступников, а также дает право пострадавшему на возмещение вреда в порядке, установленном гражданским законодательством, а также гл. 18 УПК РФ.

Основой правового регулирования данного вопроса является вышеупомянутая гл. 18 УПК РФ, устанавливающая порядок реабилитации. Право на реабилитацию имеет следующий круг лиц: подсудимый, в отношении которого вынесен оправдательный приговор или в отношении, которого уголовное преследование прекращено в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения, подозреваемый или обвиняемый, уголовное преследование в отношении которого прекращено по реабилитирующим основаниям, осужденный - в случаях полной или частичной отмены вступившего в законную силу обвинительного приговора суда и прекращения уголовного дела по основаниям, предусмотренным п.п. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 УК РФ, а также лицо, к которому были

применены принудительные меры медицинского характера, - в случае отмены незаконного или необоснованного постановления суда о применении данной меры. Помимо указанного законодатель отметил, что право на возмещение вреда в порядке гл. 18 УПК РФ, имеет также любое лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу. К мерам процессуального принуждения в данной норме относится определённый перечень, установленный гл. 4 УПК РФ. Однако, в данном перечне не закреплены следственные и иные процессуальные действия, носящие принудительный характер. К примеру, обыск, выемка, допрос и иные действия, где возможно принуждение лица. На сегодняшний день в гл. 4 УПК РФ упоминается только лишь личный обыск подозреваемого, в следствии чего возникает определённый диссонанс, когда вред, причиненный в ходе производства личного обыска, подлежит возмещению, а в иных случаях (незаконного обыска или принуждения лица к даче показаний) нет. Представляется верным более расширительное толкование понятия мер процессуального принуждения в целях применения норм о реабилитации. Так, например, А.В. Смирнова и К.Б. Калиновский указывают, что меры процессуального принуждения должны определяться, как любые принудительные процессуальные (в том числе следственные) действия, произведенные органом дознания, дознавателем, следователем и судом в ходе уголовного судопроизводства [9]. Думаем, что данное определение является корректным, поскольку охватывает все возможные ситуации, когда принуждение может быть незаконным. Представляется, что в скором времени такой подход будет принят законодателем, поскольку на сегодняшний день мы можем отметить тенденцию, направленную на расширение круга прав потенциальных участников уголовного судопроизводства [10]. Такой подход позволит реабилитировать лиц, которые были подвергнуты преступному принуждению в рамках уголовного судопроизводства.

Также в гл. 18 УПК РФ указано, что вред может быть возмещен любому лицу, независимо от его процессуального положения, что говорит о возможности применения данных положений в ситуации, когда лицо принуждается к даче показаний, но не обладает процессуальным статусом. Данное высказывание подтверждается судебной практикой.

Так, например, Центральным районным судом г. Воронежа был рассмотрен иск гражданина Г. о взыскании компенсации морального вреда. Поскольку иск о компенсации морального вреда заявляется в рамках гражданского судопроизводства, вопрос о реабилитации лица, к сожалению, остается для нас под вопросом. Приговором Коминтерновского районного суда г. Воронежа от 16.09.2019 два сотрудника полиции – Косьяненко С.Ю. и Соколовский О.И. были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного п.п. «а» и «б», ч. 3 ст. 286 УК РФ. По данному уголовному делу гражданин Г. был признан потерпевшим. Действия указанных сотрудников полиции выразились в пытках, физическом и психическом насилии, которое данные сотрудники применяли к нему, принуждая его сознаться в преступлении, которого он не совершал. В результате противоправных действий сотрудников полиции мужчине была причинена физическая боль, а также телесные повреждения, которые ква-

лифицируются как не причинившие вреда здоровью. Указанное привлекло к причинению нравственных и физических страданий, которые выразились в том, что заявитель испытывал боль, страх, в последующем, длительное время находился в стрессовом депрессивном состоянии, испытывал психологическую подавленность, потерял уважение к авторитету правоохранительных органов. Суд удовлетворил требования лица в размере 1 000 000 рублей [11].

Отметим, что при совершении «обычного» превышения должностных полномочий потерпевшие также имеют право на возмещение вреда. К примеру, согласно приговору судебной коллегии по уголовным делам Камчатского областного суда майор полиции Пономарев А.И. был осужден п.п. «а», «б», «в», ч. 3 ст. 286, ч. 1 ст. 105 УК РФ за умышленное убийство гражданина в результате незаконного применения табельного оружия в состоянии алкогольного опьянения. В результате жена и дочь погибшего получили право на компенсацию морального вреда [12].

Казалось бы, что при преступном принуждении, что при «обычном» превышении должностных полномочий наступили одинаковые последствия, однако здесь стоит обратить внимание на правовое регулирование исследуемой сферы. Так как многие иски рассматриваются в рамках гражданского судопроизводства, рассмотрим ст.ст. 1069 и 1070 ГК РФ. Обе обозначенные нормы регулируют вопросы ответственности за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, однако, соотносятся они как общая (ст. 1069 ГК РФ) и специальная (ст. 1070 ГК РФ). Представляется, что такой подход обусловлен тем, что п. 1 ст. 1070 ГК РФ представляет собой закрытый перечень ситуаций, при которых вред возмещается в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. К таковым законодатель отнес незаконное осуждение, незаконное привлечение к уголовной ответственности, незаконное применение в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконное привлечение к административной ответственности в виде административного ареста. Поскольку перечисленный перечень носит закрытый характер п. 2 ст. 1070 ГК РФ отсылает нас к общей норме – ст. 1069 ГК РФ, в соответствии, с которой вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов или должностных лиц этих органов подлежит возмещению за счет казны Российской Федерации. Существенной разницей данных норм является то, что в первом случае вред пострадавшей стороне возмещается независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда [13].

Ключевой вопрос заключается в том, в каком порядке следует разрешать вопрос о компенсации причиненного преступным принуждением к даче показаний вреда и «обычным» превышением должностных полномочий?

Ситуация превышения должностных полномочий не вызывает сомнений, поскольку не попадает ни под один из указанных в п. 1 ст. 1070 ГК РФ случаев. В данном случае правоприменитель использует общую нормы – 1069

ГК РФ, где существует необходимость в установлении вины должностного лица. Наиболее спорным является вопрос квалификации при преступном принуждении лица, не имеющего процессуальный статус по уголовному делу, так как подобная формулировка прямо не указана в п. 1 ст. 1070 ГК РФ.

В Определении от 4 декабря 2003 г. № 440-О «По жалобе гражданки Аликиной Татьяны Николаевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации указал, что применительно к обеспечению конституционных прав понятия «задержанный», «обвиняемый», «предъявление обвинения» должны толковаться в их конституционно-правовом смысле, а не в придаваемом им УПК РСФСР, и что в целях реализации конституционных прав граждан необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование.

Есть ли основания считать «незаконным привлечением к уголовной ответственности» по смыслу п. 1 ст. 1070 ГК РФ любую деятельность правоохранительных органов, направленную на изобличение лица в совершении преступления, а не только привлечение его в качестве обвиняемого?

По нашему мнению, такие основания есть. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подтверждал, что для целей реализации гарантий, предусмотренных законом, необходимо учитывать фактическое положение лиц, не ограничиваясь наличием у него процессуального статуса, приобретение которого, как известно, находится в исключительной компетенции должностного лица. Эта позиция отражена в известном решении о моменте возникновения права на юридическую помощь. КС РФ тогда отметил: «...необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование. При этом факт уголовного преследования и, следовательно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться актом о возбуждении в отношении данного лица уголовного дела, проведением в отношении него следственных действий (обыска, опознания, допроса и др.) и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него (в частности, разъяснением в соответствии со статьей 51 (часть 1) Конституции Российской Федерации права не давать показаний против себя самого)» [14].

Усиливает данный тезис и тот факт, что законодателем совершенствуются механизмы, применяемые до возбуждения уголовного дела. Так, гражданам теперь предоставляется защитник на стадии проверки сообщения о преступлении за счет средств государства [9]. Подобные нововведения свидетельствуют о расширении понимания таких понятий, как «уголовное преследование» и «уголовная ответственность».

«Положение лица, задержанного в качестве подозреваемого и помещенного в условия изоляции, – пишет КС РФ в другом решении, – по своему правовому режиму, степени применяемых ограничений и претерпеваемых в связи с этим ущемлений тождественно положению лица, в отношении которого содер-

жание под стражей избрано в качестве меры пресечения. Следовательно, и вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры, должен возмещаться государством в полном объеме независимо от вины соответствующих должностных лиц не только в прямо перечисленных в пункте 1 статьи 1070 ГК Российской Федерации случаях, но и тогда, когда вред причиняется в результате незаконного применения в отношении гражданина такой меры процессуального принуждения, как задержание» [15].

Считаем, что действия, которые совершаются должностными лицами в отношении граждан, в первую очередь «заподозренных» [16] в совершении преступления, с целью склонения их к даче нужных показаний, очень близки по своей природе тождественны ограничениям свободы. Так, например, двое оперуполномоченных «с целью склонения потерпевшего к даче необходимых им показаний, совместно нанесли ему множественные (не менее 23) удары руками и ногами по голове и телу, а также не менее 5 ударов кошельком по голове, при этом в процессе избиения один оперуполномоченный, преодолевая сопротивление потерпевшего, удерживал его за руки, а второй пытался надеть на голову полиэтиленовый пакет. После чего подсудимые на служебном автомобиле перевезли потерпевшего в здание ОМВД России по Ленскому району, завели в кабинет № 4, где умышленно нанесли множественные (не менее 6) удары руками по телу» [17]. Обратим внимание, что какого-либо процессуального статуса потерпевший, которого пытались изобличить в совершении преступления, не имел.

В другом деле в целях проверки на причастность к совершению преступления был доставлен ФИО1. В тот же день в период времени примерно с 13 часов 47 минут по 17 часов 33 минуты подсудимый в рамках осуществления служебной деятельности, направленной на раскрытие особо тяжкого преступления против личности, стал проводить с ним беседу в помещении УМВД России по г. Воронежу по вышеуказанному адресу. Поскольку ФИО1 отрицал свою причастность к совершению преступления, у ФИО2 возник преступный умысел, направленный на превышение своих должностных полномочий путем применения к ФИО1 физического насилия с целью получения от него признательных показаний об обстоятельствах совершения преступления. Реализуя свое преступное намерение ФИО2 подверг избиению ФИО1, совершая тем самым противоправные действия, которые никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать, а именно, умышленно нанес ФИО1 не менее 23 ударов в область грудной клетки и живота; не менее 8 ударов в область головы; не менее 21 удара в область верхних конечностей и не менее 25 ударов в область нижних конечностей [18].

Еще в одном приговоре установлено, что с целью получения от ЛА, ДА, ЛС и БМ признательных показаний об обстоятельствах совершения вышеуказанного преступления, в период времени примерно с 16 часов 10 минут по 21 час 38 минут, находясь в помещении отдела МВД России по Семилукскому району, действуя умышленно, желая причинить ЛА, ДА, ЛС и БМ физические,

моральные и нравственные страдания, сотрудники полиции (подсудимые) стали высказывать в их адрес угрозы применения насилия, угрозы незаконного привлечения их к уголовной ответственности, а также периодически подвергать их избиению, совершая тем самым противоправные действия, которые никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать [19].

Подобных примеров можно привести множество, но особенность совершаемых преступлений, когда для принуждения заподозренного лица к даче показаний (независимо от уголовно-правовой оценки таких действий – по ст. 286 или ст. 302 УК РФ), заключается в том, что такое лицо фактически не только подвергается противоправному физическому и психическому воздействию, но и лишается свободы на достаточно продолжительный период времени. Признавая необходимость повышенного уровня защиты прав и свобод граждан в сфере правоотношений, связанных с публичной, в том числе административной, ответственностью, Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал на то, что законодательные механизмы, действующие в этой сфере, должны соответствовать вытекающим из Конституции Российской Федерации, ее статей 17, 19, 46 и 55, и общих принципов права критериям справедливости, соразмерности и правовой безопасности, с тем чтобы гарантировать эффективную защиту прав и свобод человека в качестве высшей ценности, в том числе посредством справедливого правосудия (Постановления от 12 мая 1998 года № 14-П, от 11 мая 2005 года № 5-П и от 27 мая 2008 г. № 8-П) [20].

Основанием для применения п. 1 ст. 1070 ГК РФ, как указал КС РФ, являются не только ограничения прав подозреваемого, но и лица, которое таким статусом наделено фактически. Мы согласны с тем, что фактически лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, и подозреваемый – одно и то же лицо [21]. Кроме того, в числе других оснований для применения п. 1 ст. 1070 ГК РФ является «незаконное привлечение к уголовной ответственности», что, по нашему мнению, должно толковаться не как предъявление обвинения (по смыслу ч. 1 ст. 299 УК РФ), а как деятельность, направленная на изобличение лица в совершении преступления, которое должно быть связано с серьезными ограничениям прав и свобод человека.

Незаконное привлечение к уголовной ответственности – это определённый комплекс действий, где принуждение к даче определенных сведений (показаний) является одним из первоначальных этапов. Несмотря на то, что доказательственное значение показаний пытаются снизить, а в основу обвинения класть другие доказательства, показания остаются основой для вынесения итогового решения по делу [22, с. 101]. Так, например, в одном из дел на основе свидетельских показаний был сделан вывод о том, что вещество, изъятое у подсудимого, является наркотическим веществом [23]. Явка с повинной также во многих уголовных дела становится основным доказательством по уголовному делу [24]. Безусловно, любое расследование уголовного дела начинается с получения сведений от лиц, имеющих отношение к нему. Получая от заподозренного лица незаконную явку с повинной, сотрудник фактически начинает в отношении него деятельность по незаконному привлечению к уголовной ответственности.

Полагаем, что положения п. 1 ст. 1070 ГК РФ могут применяться независимо от наличия процессуального статуса у заподозренного лица в тех случаях, когда принуждение к даче показаний (читай – незаконное привлечение к уголовной ответственности) совершается не только посредством применения физического и психического воздействий, но и сопряжено с длительным ограничением свободы такого лица. Вопрос о длительности незаконного ограничения свободы, как условия компенсации вреда в порядке п. 1 ст. 1070 ГК РФ, должен решаться в каждом конкретном случае индивидуально.

Все вышесказанное подтверждает тот факт, что гражданско-правовая ответственность при совершении преступного принуждения будет квалифицироваться по п. 1 ст. 1070 ГК РФ, попадая под формулировку «вред, причиненный гражданину в результате незаконного привлечения к уголовной ответственности».

Основным ответчиком в соответствии с положениями ст.ст. 1069, 1070 ГК РФ выступает казна Российской Федерации в лице МВД России, а не лица, совершившие деяние. Так, например, по делу журналиста Ивана Голунова судом первой инстанции было взыскано по 1 000 000 рублей с каждого осужденного, однако в дальнейшем в апелляционной инстанции данное решение было отменено. На новом рассмотрении в качестве ответчика выступило ведомство в целом. Требования пострадавшего были удовлетворены в размере 1 500 000 рублей. В дальнейшем регрессный иск предъявлен не был, хотя в данном случае вина сотрудников очевидна [25].

При применении п. 1 ст. 1070 ГК РФ ситуация усложняется, так как ответственность в порядке регресса наступает не всегда. Для наступления ответственности работодателю, в нашем случае МВД России, необходимо доказать вину сотрудника. Так, если вина не установлена приговором суда, то она должна быть установлена в ходе служебной проверки, что становится достаточно проблематично в свете латентности принуждения и его тяжело доказуемости. По нашим данным только лишь в 15-20 случаях из 100 произошедших виновному сотруднику будет предъявлен регрессный иск. Государство несет ответственность за должностных лиц, при этом порой не имея возможности вернуть потраченные средства.

Отметим, что наступление гражданско-правовой ответственности не зависит от наступления уголовной. Как было отмечено ранее, лицо может быть не привлечено к уголовной ответственности. Такая ситуация может возникнуть и в следствии допущения нарушений в ходе производства по уголовному делу, что позволит избежать лицу наказания, но не позволит избежать наступления гражданско-правовой ответственности для МВД России.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что общественная опасность принуждения к даче показаний проявляется в последствиях, которые выражаются в том числе в обязанности государства компенсировать вред, причиненный лицам в результате преступного принуждения к даче показаний. Данные последствия представляют собой имущественный показатель обществен-

ной опасности принуждения к даче показаний, который должен учитываться при квалификации, а также при назначении наказания.

Это делает принуждение (квалифицируемое в настоящий момент как по ст. 286 УК РФ, так и по ст. 302 УК РФ) более общественно опасным преступлением относительно «обычного» превышения должностных полномочий (квалифицируемого по ст. 286 УК РФ), так как факта принуждения становится достаточно для наступления гражданско-правовой ответственности, а вину сотрудника нет необходимости доказывать. При этом, по нашему мнению, правильно было бы ориентироваться на фактически совершенные действия по принуждению к даче показаний, а не их уголовно-правовую оценку, которая, как мы показали выше, является диаметральной, и часто принуждение «маскируется» под превышение.

Отметим, что наличие дополнительного показателя общественной опасности должно учитываться и законодателем [26, с. 64]. Имущественный показатель общественной опасности принуждения к даче показаний свидетельствует о его повышенной общественной опасности относительно «обычного» превышения должностных полномочий. Данный тезис на сегодняшний день не находит отражения в действующем законодательстве. Так, насильственное превышение должностных полномочий наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет. Насильственное принуждение к даче показаний – лишением свободы на срок от двух до восьми лет. В силу более серьезной общественной опасности санкция за принуждение к даче показаний тоже должна быть выше.

Список литературы

1. Марцев А.И. Преступление: социально-правовой анализ: учебное пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2012. С. 75.
2. Приговор от 1 февраля 2019 года по делу № 1-1/2019 Могойтуйского районного суда Забайкальского края. [Электронный ресурс]. URL: https://mogoytuysky--abao.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=318912815&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 24.07.2024).
3. Приговор от 12 июля 2021 года по делу № 1-287/2021 Свободненского городского суда Амурской области [Электронный ресурс]. URL: https://svobodnenskgs--amr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_uid=bcbd3450-304d-49c8-8b40-5a1c5867253f&_deloId=1540006&_caseType=0&_new=0&_doc=1&srv_num=1&_hideJudge=0 (дата обращения: 24.07.2024).
4. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник для курсантов и слушателей образовательных организаций высшего образования системы МВД России / В. В. Бабурин, М. В. Бавсун, И. А. Белецкий [и др.]; 2-е издание, переработанное и дополненное. Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – 768 с. – ISBN 978-5-88651-730-9. – EDN EDQWAK.

5. Приговор от 27 апреля 2021 года по делу № 1-35/2021 (1-801/2020) Промышленного районного суда г. Ставрополя Ставропольского края [Электронный ресурс]. URL: https://promyshleny--stv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=184412129&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 24.07.2024).

6. Приговор от 30 июня 2021 года по делу № 1-614/2021 Якутского городского суда [Электронный ресурс]. URL: https://jakutsky--jak.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=17853608&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 24.07.2024).

7. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995. 183 с.

8. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный характер. М., 2008. 357 с.

9. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / под общ. ред. А.В. Смирнова; 5-е изд., доп. и перераб. М.: Проспект, 2009. 992 с.

10. Гражданам начнут предоставлять адвоката еще до возбуждения дела [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2024/07/23/zashchitiat-ot-podozrenij.html> (дата обращения: 24.07.2024).

11. Решение от 24 мая 2021 года по делу № 2-954/21 Центрального районного суда г. Воронежа [Электронный ресурс]. URL: <https://actofact.ru/case-36RS0006-2-954-2021-m-88-2021-2021-01-11-0-0/> (дата обращения: 24.07.2024).

12. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 1 октября 2002 года по делу № 60-Г02-13 [Электронный ресурс]. URL: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=17174 (дата обращения: 24.07.2024).

13. Жаглина М.Е. Особенности деликтной ответственности за вред, причиненный незаконными действиями правоохранительных органов и суда // Вестник ВИ МВД России. 2018. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-deliktnoy-otvetstvennosti-za-vred-prichinennyy-nezakonnymi-deystviyami-pravoohranitelnyh-organov-i-suda> (дата обращения: 24.07.2024).

14. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» [Электронный ресурс] // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс».

15. Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 440-О «По жалобе гражданки Аликиной Татьяны Николаевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

16. Булатов Б.Б. Процессуальное положение лиц, в отношении которых осуществляется обвинительная деятельность: дис... канд. юрид. наук. Омск, 2010. 247 с.

17. Приговор от 16 июля 2021 года по делу № 1-18/2021 Вилегодского районного суда Архангельской области [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/hEj6JESikFWa/> (дата обращения: 24.07.2024).

18. Приговор 6 июня 2018 года по делу № 1-53/18 Ленинского районного суда г. Воронежа [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/4jh6ZOMVpJs/> (дата обращения: 24.07.2024).

19. Приговор 13 декабря 2017 года по делу № 1-125/2017 Семилукского районного суда Воронежской области [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PN1oDIPies6V/> (дата обращения: 24.07.2024).

20. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2009 № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М.Ю. Карелина, В.К. Рогожкина и М.В. Филандрова» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс».

21. Деришев Ю.В., Земляничин Е.И. Процессуальное положение лица, в отношении которого проводится предварительная проверка сообщения о преступлении // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. №3(29) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsessualnoe-polozhenie-litsa-v-otnoshenii-kotorogo-provoditsya-predvaritelnaya-proverka-soobscheniya-o-prestuplenii> (дата обращения: 16.07.2024).

22. Вопросы правовой теории и практики: сб. науч. тр. / М.В. Бавсун, Т.Б. Басова, А.А. Бибииков [и др.]. Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2013. Вып. 8. 139 с.

23. Приговор от 27 июня 2022 года по делу № 1-27/2022 Пожарского районного суда Приморского края [Электронный ресурс]. [Электронный ресурс]. URL: https://pozharsky--prm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=99000101&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 24.07.2024).

24. В Забайкалье оправдан осужденный в убийстве на основании явки с повинной. URL: <https://www.rosbalt.ru/news/2013-10-23/v-zabaykalie-opravadanosuzhdennyu-v-ubiystve-na-osnovanii-yavki-s-povinnoy-4187710> (дата обращения: 24.07.2024).

25. Иван Голунов получил 1,5 млн рублей компенсации за незаконное преследование [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fontanka.ru/2023/07/04/72462662/#:~:text=В%20декабре%202022%20года%20Мосгорсуд,канале%20«Фонтанка%20SPB%20online»> (дата обращения: 24.07.2024).

26. Белецкий И.А. Общественная опасность преступления: о чем нужно писать в кандидатских диссертациях? // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1(97). С. 61–65.

Мялицына Мария Андреевна, адъюнкт, myalitsynamari@yandex.ru, Россия, Омск, Омская академия МВД России.

Научный руководитель: Борков Виктор Николаевич, д-р юрид. наук, профессор, начальник кафедры уголовного права, borkovv@mail.ru, Россия, Омск, Омская академия МВД России

THE CONSEQUENCES OF A CRIME AS AN ELEMENT OF PUBLIC DANGER OF COERCION TO TESTIFY

M.A. Myalitsyna

The article substantiates the public danger of being forced to testify in comparison with the "usual" abuse of official authority. As a general criterion for comparing these compositions, the consequences of crimes, which are one of the elements of public danger, are considered. Based on the analysis of the consequences, the author comes to conclusions about the more serious public danger of being forced to testify and about the increase in sanctions for this crime.

Key words: consequences of a crime, coercion to testify, "ordinary" abuse of official authority.

Myalitsyna Maria Andreevna, adjunct, myalitsynamari@yandex.ru, Russia, Omsk, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Scientific supervisor: Borkov Viktor Nikolaevich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law, borkovv@mail.ru, Russia, Omsk, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

УДК 343.98

DOI: 10.24412/2071-6184-2024-3-81-89

**К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ
РАССЛЕДОВАНИЯ РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА**

Е.М. Терехова

Акцентируется внимание на том, что отсутствие криминалистических рекомендаций по раскрытию и расследованию реабилитации нацизма влечет за собой проблемы в практической деятельности и, как следствие, рост числа незавершенных уголовных дел. Отмечается, что повысить эффективность данной деятельности возможно с помощью научно-обоснованных рекомендаций организационного характера, входящих в систему содержательных элементов криминалистического обеспечения деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Рассматриваются некоторые аспекты организации раскрытия и расследования реабилитации нацизма, их отличительные черты и ряд проблем, с которыми сталкиваются сотрудники правоохранительных органов. Характеризуются особенности возбуждения уголовного дела и возникающие на данном этапе расследования в правоприменительной практике сложности, заключающиеся в историко-правовой оценке предмета преступного посягательства. Приводятся данные о выявленных и систематизированных типичных исходных следственных ситуациях, по результатам анализа которых делается вывод о преобладающем способе совершения реабилитации нацизма и предлагается алгоритм по их разрешению. Затрагиваются вопросы взаимодействия следователя с сотрудниками, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность на внутри- и межве-

домственным уровнях, на основе которых предлагается более широкое использование непроцессуальных форм взаимодействия с привлечением сведущих лиц из разных областей знаний. Освещаются характерные примеры изученных уголовных дел и данные официальной уголовно-статистической отчетности. На основе анализа следственно-судебной практики и проведенных предметных исследований сформулированы рекомендации для решения выявленных практических проблем.

Ключевые слова: реабилитация нацизма, криминалистическое обеспечение, организационное обеспечение, взаимодействие, практическая деятельность, рекомендации.

Риторика, с которой в мире в последнее десятилетие все активнее упоминается об идеологии и преступлениях нацистов, потребовала принятия мер, направленных на противодействие фальсификации истории. В этих целях, а также для укрепления независимости государства, повышения национальной безопасности и суверенного развития, законодателем с 2014 года установлена уголовная ответственность за действия, реабилитирующие нацизм – ст. 354.1 УК РФ. За период действия нормы возможно обозначить тенденцию роста числа преступлений данного вида, о чем свидетельствуют статистические данные о зарегистрированных фактах: в 2016 г. – 11, в 2020 г. – 40, в 2023 – 104. При этом необходимо отметить и увеличение количества уголовных дел, остающихся в производстве (в 2023 г. – 154 дела, в 2024 г. – 178), что свидетельствует о проблемах в правоприменительной практике. Подобные обстоятельства актуализируют потребность правоохранительных органов в обобщении практики раскрытия и расследования преступлений данного вида и подготовке на его основе методических рекомендаций по обеспечению раскрытия и расследования реабилитации нацизма.

Криминалистическое обеспечение расследования преступлений формирует в правоохранительных органах такие условия, при которых они будут постоянно готовы эффективно реализовывать на практике криминалистические методы, средства и рекомендации в борьбе с преступностью. Деятельность такой направленности предполагает организацию, которая и входит в систему его содержательных элементов. В свою очередь, в основе организационного обеспечения расследования преступлений лежит взаимодействие, уровень которого напрямую зависит от автономности дифференцированных «частей целого»: процессуальной, оперативно-розыскной, судебно-экспертной и криминалистической деятельности [1, с. 27]. Перечисленные «части» характеризуются своей иерархичной многоуровневой организацией: общегосударственной (межведомственной), внутриведомственной и предметно-деятельностной, а выявление проблем в их взаимодействии в ходе деятельности по расследованию преступлений, будет отвечать двуединой цели самого криминалистического обеспечения [2, с. 24]. В целях получения нового научного знания, мы подробнее рассмотрим отдельные аспекты организационного обеспечения раскрытия и расследования реабилитации нацизма, что позволит выявить характерные особенности данной деятельности, на основе которых предложить рекомендации по повышению ее эффективности.

Уголовное преследование по делам о реабилитации нацизма осуществляется в публичном порядке, поэтому поводом для возбуждения уголовного дела

могут служить все источники, указанные в ч. 1 ст. 140 УПК РФ. При этом, результаты изучения следственно-судебной практики показали, что встречаются не все из них. Так, в процентном соотношении (здесь и далее по тексту – от изученных материалов) «сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников», облеченное в форму рапорта об обнаружении признаков преступления (п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ) зафиксировано в 93,7 %; «заявление о преступлении» (п. 1 ч. 1 ст. 140 УПК РФ) – в 6,3 %. Напротив, постановление прокурора, предусмотренное п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, не встречается вовсе, а «явка с повинной» наблюдается в 44,7 %, однако, исключительно в совокупности с иными поводами. Оценивая частоту встречаемости каждого повода для возбуждения уголовных дел о реабилитации нацизма, полагаем возможным, отнести преступления данного вида к группе инициативных, раскрываемых в результате антикриминальной деятельности. Подобные обстоятельства обусловлены средствами и методами совершения реабилитации нацизма, как правило в информационном пространстве Сети (87,6 %).

Предварительное следствие по уголовным делам о реабилитации нацизма, в соответствии со ст. 151 УПК РФ, осуществляется следователям Следственного комитета РФ (далее по тексту СК РФ), которые уполномочены проводить по сообщениям о преступлениях рассматриваемого вида доследственную проверку, при этом такую проверку может быть поручено проводить оперативно-розыскному аппарату ведомств ФСБ, МВД, ФСИН. Судебно-следственная практика свидетельствует, что в 94,6 % в орган предварительного следствия передаются материалы оперативно-розыскной деятельности (ОРД), что подтверждает вывод об инициативности правоохранительных органов в раскрытии преступлений данного вида. Однако, в этих условиях, процессуальная стадия возбуждения уголовного дела начинается после регистрации рапорта об обнаружении признаков преступления (по результатам ОРД), а деятельность следователя на ней сводится к уголовно-правовой оценке и квалификации деяния. Как правило, следователи СК РФ достаточно предвзято относятся к представленным материалам, что подтверждают 65,3% опрошенных оперативных сотрудников (МВД). По негласному правилу, в материале уже должны содержаться сведения, разрешающие задачи стадии предварительного расследования – установленное лицо, данные подтверждающие его причастность и оценку противоправного материала в соотношении с историко-правовой характеристикой проблем. Между тем, только отсутствие последнего может явиться препятствием для возбуждения уголовного дела по фактическим обстоятельствам деяния, содержащего признаки реабилитации нацизма. При этом результаты нашего исследования это опровергают, и свидетельствуют о том, что на этапе проверки сообщения о преступлении только по 58,2 % от изученных уголовных дел проводилась такая оценка, что отчасти повлияло и на ее продолжительность.

Вместе с этим срок производства оперативно-розыскной деятельности значительно превышает процессуально установленный срок предварительной проверки, что дает возможность оперативному аппарату более детально исследовать событие, содержащее признаки преступления. Данный фактор, с одной

стороны, приводит к увеличению времени с момента совершения противоправного деяния до возбуждения уголовного дела, а с другой – к фактическому перекладыванию функций следователя по выполнению своих задач в ходе проверки сообщения о преступлении на оперативный аппарат. При этом следует учитывать и уровень профессиональной подготовки в области уголовного судопроизводства у субъектов ОРД, которые, получив первичную информацию о признаках совершенного или подготавливаемого преступления, в 74,4 % случаев производят ее проверку в рамках конкурирующих и смежных составов – ст.ст. 214, 243.4, 280, 282 УК РФ. Тем самым, некачественное ее производство влечет за собой возбуждение уголовного дела не по специальной норме – реабилитация нацизма, а по иным составам. Такое положение вещей непосредственно влияет на статистические данные о количестве возбужденных уголовных дел по преступлениям данной категории, что отмечают А.А. Веретнова, Е.Н. Холопова [3, с. 48].

Характерным для всего вышеуказанного примером является уголовное дело, которое не удалось рассмотреть в областном суде Орловской области по существу, ввиду смерти подсудимого. Так, сотрудниками УФСБ проводилось ОРМ с целью проверки причастности гражданина А. к совершению преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 280 УК РФ. Были зафиксированы противоправные действия А., отбывавшего наказание в исправительном учреждении, который публично высказывался, отрицая факты, установленные приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. В рамках ОРД, был проведен комплекс ОРМ, направленных исключительно на документирование указанного факта, затянувшийся на одиннадцать месяцев, и только в последующем назначены лингвистическое и историко-юридическое исследования, по результатам которых спустя еще два месяца материалы переданы в орган предварительного следствия с рапортом об обнаружении признаков преступления, согласно которому в действиях гражданина А. усматриваются признаки реабилитации нацизма. Однако, за прошедшие тринадцать месяцев гражданин А., как и очевидцы его преступного деяния, были освобождены из места лишения свободы, и возможность их дополнительно опросить в кратчайший срок, у органа предварительного следствия уже на этапе предварительной проверки отсутствовала, в связи с чем срок проверки неоднократно продлевался до максимального. Таким образом, с момента деяния до возбуждения уголовного дела прошло 14 месяцев. В ходе предварительного следствия проводились судебные экспертизы, исследовавшие повторно материалы о противоправных высказываниях А., что увеличило срок с момента деяния еще на шесть месяцев, а в последующем, на этапе судебного разбирательства, подсудимый А. скончался [4].

Подобный пример не единственный в своем роде и наглядно иллюстрирует, что несвоевременное возбуждение уголовного дела негативно отражается как на эффективности расследования, так и на привлечении виновного к ответственности. Среди изученных уголовных дел прослеживаются следующие данные, свидетельствующие о времени, прошедшем с момента происшествия до возбуждения уголовного дела:

- до месяца – 24,7 %;

- от одного до двенадцати месяцев – 27,2 %;
- свыше двенадцати месяцев – 48,1 %.

Следует признать, что все же 24,7 % уголовных дел возбуждаются практически безотлагательно, представляется возможным проследить их неразрывную связь с приданной оглаской, спровоцировавшей общественный резонанс. Данные обстоятельства влекут за собой минимальный сбор данных о совершенном противоправном факте, без детальной уголовно-правовой оценки, имея только объективную сторону деяния, но при этом отсутствие сведений о признаках конкретного преступления под которое это деяние подпадает. Данные условия непосредственно влияют на принятие решения о возбуждении уголовного дела по специальной норме. Таким образом, в процессе предварительной проверки сообщений о реабилитации нацизма, практические сотрудники нередко пренебрегают правовой оценкой исторического контекста противоправного деяния, что приводит к трудностям в изначально верной квалификации и принятии решения в разумный срок. Исходя из этого полагаем, что на данной стадии, без использования соответствующего и достаточного инструментария средств доказывания, подобное пренебрежение приводит к необратимым последствиям в виде затягивания хода предварительного расследования и возможной последующей переквалификации.

Также эффективной работе по материалам проверок и уголовным делам содействует знание о типичных следственных ситуациях, формирующихся при расследовании реабилитации нацизма, которые ранее в криминалистической науке не разрабатывались. С этой целью проанализировав предложенные отдельными авторами группы следственных ситуаций, свойственных первоначальному этапу расследования конкурирующих и смежных норм, обращая внимание на то, что законодатель в статье о реабилитации нацизма, предусматривает самостоятельные составы по разновидности объективной стороны, считаем рациональным типизировать следственные ситуации в зависимости от компонентов информационного характера – события преступления (способ) и его участников, которые в свою очередь могут разделяться по совокупности с типовыми классификациями. Нами поддерживается мнение о том, что «типизировать следственные ситуации можно лишь по одному из их компонентов, а если быть еще более точным, лишь по одному из образующих его элементов» [5, с. 503].

В результате изучения материалов следственно-судебной практики, представляется возможным выделить следующие типичные ситуации, складывающиеся при расследовании реабилитации нацизма:

1. Установлен факт совершения преступления с использованием возможностей сети Интернет – сайтов, систем мгновенной передачи сообщениями – мессенджеров, социальных сетей (составляет 87,6% от числа изученных уголовных дел), с дифференциацией по наличию сведений о преступнике из его профиля (аккаунта):

а) с данными о личности преступника – профиль носит частный характер (44,7 %);

б) без данных о личности преступника – профиль обезличен (55,3 %).

Также разделение осуществляется и по источникам информации о преступном факте, которыми могут выступать:

- правоохранительные органы (79,1 %);
- граждане (20,9 %).

2. Лицо задержано при совершении преступления, в порядке реализации оперативно-розыскных данных, либо в ходе пресечения его осуществления (2,1 %). При этом, механизм совершения преступления может быть осуществлен как в онлайн, так и в офлайн режиме.

3. Поступила информация от граждан о совершении преступления при непосредственном контакте с объектом посягательства (ч.ч. 3-4 ст. 354.1 УК РФ), способ известен, имеются следы преступления (10,3 %):

- сведения о личности преступника отсутствуют (67,3 %);
- имеется определенная информация о личности преступника (32,7 %).

Анализируя следственные ситуации и практику расследования уголовных дел о реабилитации нацизма, отметим, что данные о них формируются на первоначальном этапе расследования. Однако, первая и вторая ситуации характеризуются тем, что основную деятельность производят оперативные подразделения, и период с момента обнаружения информации о совершенном преступлении до принятия решения о возбуждении уголовного дела может быть значительно продолжительным, а последующая стадия предварительного расследования максимально определена. Применительно к уголовным делам возбужденным по реализованным материалам оперативной разработки, стоит вести речь о доследственных ситуациях. Рассматривая третью ситуацию, очевидно складывающуюся на первоначальном этапе расследования в момент начала осуществления процессуальной деятельности следователя, полагаем отнести ее к исходным следственным ситуациям. При этом, нам представляется, что нет препятствий для использования в отношении ситуаций, ключевых характеристик и подходов к типизации устоявшегося в криминалистической науке термина «следственная ситуация». Важно отметить, что не только знание о складывающихся при расследовании реабилитации нацизма типичных следственных ситуациях имеет значение, но и об алгоритме их разрешения. Исходя из нашего исследования, свидетельствующего о превалирующем способе совершения данного вида преступлений в Интернете, можно с уверенностью утверждать, что в большинстве своем алгоритм их разрешения основан на знании о техническом функционировании информации в коммуникационной Сети.

Также большое влияние на эффективность организации раскрытия и расследования преступлений о реабилитации нацизма имеет конструктивность и оптимизация взаимодействия самих субъектов расследования на внутри- и межведомственном уровнях, где одной из актуальных проблем является психология формирования внутриколлективных и межличностных отношений [6, 7]. Так, в условиях отсутствия внутриведомственного оперативного аппарата, сопровождение по подследственным СК РФ уголовным делам осуществляется сотрудниками территориальных подразделений МВД, ФСБ, ФСИН и др., что отчасти, влечет их периодическую смену. Данный фактор негативно влияет на

персональную ответственность каждого субъекта, подключенного к раскрытию и расследованию, и тем самым нивелирует ее, что приводит к затягиванию сроков предварительного следствия и благоприятным условиям для оказания противодействия расследованию, на что обращает внимание И.В. Тишутина [8, с. 84]. В этой связи, по мнению С.В. Харченко, ведущая роль в налаживании должной организации отводится руководителям СК РФ и подразделений правоохранительных органов, осуществляющих ОРД, их заместителям, где особое значение имеют их личные качества, что он подтверждает 71% опрошенных руководителей и сотрудников СК РФ и оперативных подразделений органов, осуществляющих ОРД [9, с. 190].

При этом, на заинтересованность субъектов расследования влияет оценка результатов их деятельности, что создает скрытую конкуренцию, так как такая оценка дается отдельно каждому ведомству и подразделению. Эффективность работы органов предварительного следствия отражается в количестве расследованных и оконченных уголовных дел, а работа подразделений правоохранительных органов, осуществляющих ОРД – количеством выявленных и раскрытых преступлений. Данный фактор приводит к тому, что после принятия решения о возбуждении уголовного дела (в 78,1% случаев), систематическое оперативное сопровождение прекращается, ограничиваясь лишь выполнением первоначальных следственных действий и ОРМ. Все это влечет за собой ряд проблем, при непосредственном взаимодействии между собой субъектов расследования, таких как отсутствие налаженного обмена информацией и согласованного планирования, ненадлежащий уровень документирования, неполное представление данных, формальное исполнение поручений, отсутствие у следователя права контроля за их исполнением.

В таких условиях, полагаем, необходимо искать решение среди имеющихся форм и шире применять организационное или непроцессуальное взаимодействие в виде создания следственно-оперативной группы. Изученные уголовные дела о реабилитации нацизма, свидетельствуют о пренебрежительном отношении практических работников к такой форме взаимодействия. Исключения составляют деяния, совершенные при непосредственном контакте с объектом посягательства (5,4 % от общего количества зарегистрированных преступлений данного вида), когда осуществляется работа дежурной следственно-оперативной группы, прекращающей свою совместную деятельность после возбуждения уголовного дела. Ввиду того, что практически каждое преступление о реабилитации нацизма, вызывает общественный резонанс, то сразу становится предметом особого контроля со стороны надзирающего и ведомственного органов, что требует от субъектов раскрытия и расследования быстрого, своевременного и объективного решения задач, чему в полной мере может способствовать взаимодействие в форме следственно-оперативной группы, с обязательным участием в ее деятельности специалистов в области информационно-телекоммуникационных технологий, специалистов-криминалистов, историков, лингвистов.

В заключение отметим, что рассмотренные нами некоторые аспекты организационного обеспечения раскрытия и расследования реабилитации нацизма и выделенные его характерные особенности позволяют предложить рекомендации по совершенствованию данной деятельности в целях повышения ее эффективности. Среди которых: возбуждение уголовного дела в разумный срок, не пренебрегая историко-правовой оценкой; осуществление полноценных функций следователя на стадии возбуждения уголовного дела, не сведенное к вынесению решения, предусмотренного ст. 145 УПК РФ; использование знаний о типичных следственных ситуациях и об алгоритме их разрешения; создание и функционирование временно действующих следственно-оперативных групп по резонансным фактам реабилитации нацизма, для повышения качества внутриведомственного и межведомственного взаимодействия. По нашему мнению, такой подход позволит применять наиболее рациональные методы и средства достижения задач расследования, тем самым повысив его эффективность.

Список литературы

1. Волынский А.Ф., Тишутина И.В. Об организационных основах криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. Вып.1 Часть 2. Тула: Изд-во ТулГУ, 2016. С. 24–31.
2. Криминалистика: учебник / под ред. А.Ф. Волынского, В.П., Лаврова. М., 2008.
3. Веретнова А.А., Холопова Е.Н. Обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию, при расследовании реабилитации нацизма // Юридический мир. 2023. № 8. С. 47–53.
4. Уголовное дело № 12102540006000018 / архив Орловского областного суда, 2021 г.
5. Криминалистика: учеб. для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская; под ред. Р.С. Белкина. М., 2002. 928 с.
6. Боков А.А. Первоначальный этап раскрытия и расследования контрабанды: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 277 с.
7. Эрекаев А.Я. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования вооруженных разбоев: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 211 с.
8. Тишутина И.В. Первоначальный этап раскрытия и расследования бандализма: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 245 с.
9. Харченко С.В. Некоторые особенности взаимодействия следственных органов СК России с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 8. С. 189–191.

Терехова Екатерина Михайловна, адъюнкт, terehova-k-1990@mail.ru, Россия, Орел, Орловский юридический институт МВД России им. В. В. Лукьянова

Научный руководитель: Тишутина Инна Валериевна, д-р юрид. наук, профессор, проф. кафедры, inna_tishutina@mail.ru, Россия, Москва, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

TO THE QUESTION ON ORGANIZATIONAL SUPPORT FOR THE INVESTIGATION
INTO THE REHABILITATION OF NAZISM

E.M. Terekhova

The article draws attention to the lack of forensic recommendations on the disclosure and investigation of the rehabilitation of Nazism, which entails problems in practical activities and, as a consequence, an increase in the number of pending criminal cases. It is noted that it is possible to increase the effectiveness of this activity with the help of scientifically-based recommendations of organizational nature, which are part of the system of substantive elements of forensic support for the detection and investigation of crimes. Some aspects of the organization of the detection and investigation of the rehabilitation of Nazism, their distinctive features and a number of problems faced by law enforcement officers are considered. The peculiarities of initiation of criminal proceedings and the difficulties arising at this stage of investigation in law enforcement practice are characterized, consisting in the historical and legal assessment of the subject of criminal encroachment. The data on the identified and systematized typical initial investigative situations are given, based on the results of the analysis of which a conclusion is made about the prevailing method of committing the rehabilitation of Nazism and an algorithm for their resolution is proposed. The issues of interaction between the investigator and officers carrying out operational and investigative activities at the intra- and interdepartmental levels are touched upon, on the basis of which a wider use of non-procedural forms of interaction with the involvement of knowledgeable persons from different fields of knowledge is proposed. Characteristic examples of criminal cases studied and data from official criminal statistical reports are highlighted. On the basis of the analysis of investigative and judicial practice and conducted case studies recommendations for solving the identified practical problems are formulated.

Key words: rehabilitation of Nazism, forensic support, organizational support, interaction, practical activity, recommendations.

Terekhova Ekaterina Mikhailovna, graduate student, terehova-k-1990@mail.ru, Russia, Oryol, Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov

Supervisor: Tishutina Inna Valerievna, Doctor of Law, Professor, Professor of department, inna_tishutina@mail.ru, Russia, Moscow, Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia behalf of V.Y. Kikot

РАЗГРАНИЧЕНИЕ КЛАВИАТУРНОГО И КОМПЬЮТЕРНОГО ПОЧЕРКОВ С ПОЗИЦИЙ ИХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

А.Д. Цветкова

Автором рассматривается одно из возможных направлений повышения эффективности раскрытия и расследования компьютерных преступлений – исследование компьютерного почерка. Подчёркивается, что он представляет собой родовую категорию, объединяющую разнообразные цифровые навыки и привычки: характер использования программных средств, особенности интернет-коммуникации, характер графического оформления текстовых документов, особенности использования периферийного оборудования, клавиатурный почерк. Последнему уделяется особое внимание, поскольку он меньше иных групп признаков подвержен фальсификации и единственный напрямую позволяет установить исполнителя напечатанного текста. Указывается на сложность получения свободных образцов и предлагаются пути её преодоления.

Ключевые слова: компьютерный почерк, клавиатурный почерк, цифровые навыки, цифровые привычки, пользователь компьютерного устройства, компьютерные преступления.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-78-10011, <https://rscf.ru/project/23-78-10011/>

С каждым годом всё большая часть жизни людей и, в частности, их коммуникации переходит в цифровой, удалённый формат и текстовые (документарные и бездокументарные) формы, чему во многом содействует стремительное движение научно-технического прогресса, поддерживаемого и со стороны государства [1–3]. В России проводится политика всеобщего перехода на электронный документооборот: развиваются сервисы электронного правительства (так, например, в 2022–2023 годах на портале Госуслуг добавились функции, позволяющие с его помощью предъявлять водительское удостоверение и свидетельство транспортного средства (СТС), проверять паспорт контрагента, подавать заявления на расторжение брака, на получение единого пособия семьям с детьми и т. д.); вводится кадровый электронный документооборот (на федеральном уровне посредством онлайн-платформы «Работа в России»), Гражданский кодекс приравнивал электронные документы к письменной форме сделок.

Одновременно с этим межличностное общение во многом стало осуществляться посредством мессенджеров и социальных сетей, причём вместо постоянных звонков, которые предсказывались в 1990-х, доминируют письменные формы коммуникации. Учебная и научная деятельность также осуществляются сейчас в цифровой среде – единицы учёных всё ещё пишут свои статьи от руки, большинство же даже пожилых деятелей науки творят с помощью текстовых редакторов; широкое распространение получили онлайн-школы, дистанционные курсы повышения квалификации; после начала пандемии covid-19 в практику очного образования вошли и закрепились отдельные формы дистанционного обучения [4].

Продолжать данный перечень можно долго, особенно если погрузиться в анализ бытовых ситуаций, однако уже из приведённого очевидно, какое значимое место в нашей повседневной жизни заняли электронные тексты, созданные различными людьми. В связи с этим вполне закономерно, что во многих преступных деяниях (совершённых ранее или новых – компьютерных) используются электронные тексты для: согласования вопросов незаконного сбыта изъятых из оборота или ограниченных в нём вещей; поиска соучастников и (или) средств совершения преступлений; поиска будущих жертв; подлога служебных документов; фальсификации доказательств и т. п. – данный список также почти не ограничен. Причём число преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, постоянно растёт [5, с. 28–32]. Таким образом, перед следственной практикой встаёт задача определения исполнителя напечатанного текста с целью идентификации преступника. Однако нередко эта задача усложняется тем, что простой анализ компьютерной информации может не приносить ожидаемых результатов в связи с тем, что злоумышленники используют сложные технические средства, обеспечивающие анонимизацию их личности и иное сокрытие их связи с преступной деятельностью. В этой сфере наиболее распространены следующие методы: шифрование данных (в том числе посредством стеганографии [6, с. 199–200]); применение криптомессенджеров [7, с. 64] и скрытых (секретных) чатов в общераспространённых социальных сетях и мессенджерах [8, с. 105]; перевод преступной активности в теневой сегмент сети Интернет [9], удалённый доступ к стороннему компьютеру и (или) аккаунту и др.

В таких ситуациях весьма перспективно исследовать клавиатурный почерк, так как он включает в себе сведения о том, как был набран определённый текст, при этом не связываясь непосредственно с файлом этого текста и скрыто фиксируясь внутренними службами компьютерного устройства или специализированными предустановленными программами. Чтобы более детально продемонстрировать криминалистическое значение этого феномена важно точно определить его природу. Вместе с тем, сегодня в отечественной науке из-за близости терминологических категорий наблюдается смешение двух понятий: клавиатурного и компьютерного почерка [10–12]. Считаем необходимым провести чёткое разграничение между этими явлениями, поскольку технологии работы с ними разнятся, что влияет на возможности их использования в целях раскрытия и расследования преступлений.

В первую очередь необходимо указать, что уже из самих терминов очевидно, что компьютерный (цифровой [13, с. 61]) почерк – более широкое явление, нежели клавиатурный, и может включать в себя последний, поскольку клавиатура – один из составных элементов, периферийное устройство в компьютерной системе. В этой связи некоторыми авторами предлагается под компьютерным почерком понимать «уникальный набор динамических и статических характеристик ввода информации посредством какого-либо устройства ввода / вывода» [14, с. 307; 15, с. 40]. К таким устройствам, помимо клавиатуры, могут относиться компьютерные мыши, микрофоны, сенсорные мониторы.

Вместе с тем, нельзя игнорировать тот факт, что «почерк» – понятие многозначное. В традиционном представлении – это манера начертания букв, которая в теории и практике судебной экспертизы представляется через комплекс письменно-двигательных функционально-динамических навыков. Концепт функционально-динамических навыков сегодня транслируется для отнесения иных характеристик (в частности, клавиатурного почерка [16, с. 105]) к категории почерка в учитывающем современные тенденции представлении. Однако уже давно в криминалистике принято использование второго значения термина «почерк» – как индивидуальной манеры, характерной черты в любом виде деятельности [17, с. 549], что в сфере криминальной активности приводит к появлению уникального феномена – *modus operandi* [18–19]. В этой связи считаем возможным рассматривать компьютерный почерк как групповой термин для описания всех (и не только связанных с преступлением) специфических цифровых навыков и привычек, проявляющихся при использовании соответствующих информационно-телекоммуникационных устройств, не ограничиваясь сферой задействования устройств ввода / вывода.

При таком подходе компьютерный почерк будет включать в себя:

1) особенности использования программных средств (тип, версия применяемого офисного пакета, частота обращения к отдельным его составным элементам, задействуемый функционал; имеются ли у пользователя и как часто, для каких целей применяются фото-, видеоредакторы; какие приложения и программы установлены непосредственно в операционную систему, а какие используются в веб-версиях и т. д.);

2) модель интернет-коммуникации (какие языковые категории использует человек, в какой форме строит диалоги (длинные текстовые сообщения, краткие текстовые сообщения, аудио- или видеосообщения, аудио- или видеозвонки), как использует эмодзи [20] и т. п.);

3) особенности графического оформления текстовых файлов (какие используются стили, шрифты, поля; как структурируется текст; применяется ли дополнительное, специальное форматирование и пр. [21, с. 187; 22, с. 252–255]);

4) особенности использования периферийного оборудования (кроме клавиатуры) (применяется ли пользователем компьютерная мышь, или он ограничивается тачпадом; используются ли, и если да, то для каких целей, как часто, микрофон и веб-камера; имеется ли иное подключённое оборудование (колонки, копировально-множительные аппараты и т. д.), как оно применяется и пр.);

5) клавиатурный почерк (как человек печатает).

Оговоримся, что данный перечень может носить неисчерпывающий характер, мы лишь стремились показать то разнообразие уникальных характеристик, которые входят в понятие компьютерного (цифрового) почерка и формируют в своей совокупности неповторимый профиль пользователя. Безусловно, при раскрытии и расследовании компьютерных преступлений криминалистическое значение могут приобретать все или некоторые из указанных групп признаков, однако действительное исследование каждой из них непосредственно зависит от ситуации, сложившейся по делу, имеющихся у субъекта расследования носителей информации и сохранённых на них сведений.

Так, из-за использования криптомессенджеров и иных средств шифрования, о которых упоминалось в начале работы, может исключаться возможность изучить особенности интернет-коммуникации преступника; действия в теневом сегменте сети Интернет оставляют частично скрытой информацию об используемых программных средствах; подготовка и опубликование текстов преступного содержания (например, экстремистских материалов) напрямую через интерфейс цифровой платформы исключает возможность наблюдения особенностей графического оформления документов и т. д. Именно из-за этих ограничений в ситуации, когда значение для раскрытия и расследования преступления представляет личность исполнителя напечатанного текста, видится целесообразным прибегать к исследованию клавиатурного почерка.

Набор составляющих его уникальных характеристик (длительность удержания отдельной клавиши, длительность интервалов между нажатиями, типичные опечатки, допускаемые пользователем, устойчивые сочетания клавиш, используемые исполнителем и т. д. [23, с. 418; 24, с. 32–33]) выводится из записей событий клавиатуры: какая клавиша нажата или отпущена в конкретный момент времени. Из этих же сведений при необходимости можно восстановить и содержание набранного текста, если непосредственный доступ к нему у субъекта криминалистической деятельности отсутствует (текстовый файл удалён или повреждён без возможности восстановления; сообщение было переслано в зашифрованном чате и после его получения абонентом удалено и т. д.). К тому же, множественные экспериментальные исследования доказали высокую идентификационную значимость клавиатурного почерка [22, с. 68; 26; 27, с. 124–125].

Однако и здесь имеются определённые ограничения, связанные с получением свободных образцов. Так, сегодня существуют весьма узкие возможности, основанные на трёх фактах:

– некоторые (в том числе корпоративные) пользователи компьютерных устройств устанавливают в целях обеспечения личной (корпоративной) информационной безопасности кейлоггеры – системы, фиксирующие клавиатурный почерк. Однако их число на сегодняшний день очень незначительно;

– операционные системы фиксируют клавиатурный почерк пользователей, пересылая данные разработчикам, которые используют их для совершенствования программных продуктов [28]. Однако внимательный пользователь может отключить эту функцию на собственном устройстве;

– внутренние службы компьютера фиксируют все события клавиатуры. Однако они обычно хранят небольшой объём информации (ограниченный рабочей сессией), которая, к тому же может отличаться низкой точностью, что связано с системными настройками частоты опроса клавиатуры.

Чтобы нивелировать описанные ограничения, можно задействовать ресурсы органов, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности, которые в процессе оперативной разработки будут направлять лицу, потенциально связанному с совершением преступлений, скрыто функционирующий кейлоггер. Однако в данном случае почти полностью исключается воз-

возможность посредством исследований клавиатурного почерка установить однозначную связь данного лица с теми преступными материалами, которые были созданы до начала производства оперативно-розыскных мероприятий. В этой связи необходимо оговориться: мы не считаем, что исследования клавиатурного почерка должны подменить собой все прочие способы доказывания. Это лишь один из возможных методов установления всех обстоятельств преступления, весьма точный и перспективный, но не единственный. Поэтому всегда следует задействовать весь имеющийся арсенал, подвергая криминалистическому, в частности экспертному, исследованию разнообразные элементы компьютерного почерка.

Подводя итог всему сказанному выше, подчеркнём, что компьютерный почерк – это родовая категория, включающая в себя большое разнообразие цифровых навыков и привычек пользователя, информация о которых может быть получена из различных источников посредством различных оперативно-розыскных мероприятий, следственных действий, судебных экспертиз. Среди всех составных элементов компьютерного почерка выделяется клавиатурный почерк, который описывает, как человек печатает. В связи с тем, что эта информация сохраняется на глубоких уровнях системы, недоступных и незнакомых большинству пользователей, она в меньшей степени подвержена риску фальсификации, что приводит нас к выводу о необходимости уделить первостепенное внимание именно изучению клавиатурного почерка с целью повышения эффективности раскрытия и расследования компьютерных преступлений, где значение имеет точное установление личности исполнителя напечатанного текста.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.
2. Указ Президента Российской Федерации от 18.06.2024 № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 26. Ст. 3640.
3. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 23.05.2024) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102349623> (дата обращения: 25.08.2024).
4. Балдин А.К., Биюшкина Н.И. Электронная информационно-образовательная среда как элемент информационной открытости университета // Сб. матер. пятой междунар. науч.-практ. конф. «Технологии XXI века в юриспруденции»: Екатеринбург, 19 мая 2023 года. Екатеринбург: АНО «Центр содействия развитию криминалистики «КримЛиб»», 2023. С. 29–36.

5. Состояние преступности в России за январь–июль 2024: статистический сборник / ГИАЦ МВД России, 2024. 64 с.

6. Смахтин Е.В., Льянов М.М. Соккрытие электронно-цифровых следов как способ противодействия расследованию преступлений // Сб. матер. пятой междунар. науч.-практ. конф. «Технологии XXI века в юриспруденции». Екатеринбург, 19 мая 2023 года. Екатеринбург: АНО «Центр содействия развитию криминалистики «КримЛиб»», 2023. С. 195–203.

7. Батоев В.Б. О современном состоянии и противодействии преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Юристъ-Правоведъ. 2023. № 2(105). С. 59–67.

8. Россинская Е.Р., Сааков Т.А. Проблемы собирания цифровых следов преступлений из социальных сетей и мессенджеров // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3(15). С. 106–123. DOI 10.24411/2587-9820-2020-10060.

9. Jardine E., Cruz S., Kissel H. Media coverage of darknet market closures: assessing the impact of coverage on US search and Tor use activity // Crime, Law and Social Change. 2023. Vol. 79. № 3. P. 263–289. DOI 10.1007/s10611-022-10046-x.

10. Крыжевич Л.С. Методы определения личности пользователя на основе индивидуальных особенностей компьютерного почерка // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Системный анализ и информационные технологии. 2021. № 3. С. 47–58. DOI 10.17308/sait.2021.3/3735.

11. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2017611720 Российская Федерация. Модуль обработки данных о компьютерном почерке пользователя: № 2016661948 / С.Г. Чефранов. Опубл. 08.02.2017.

12. Борискин С.М. Разработка процедур, реализующих аутентификацию и регистрацию параметров компьютерного почерка при комплексном подходе к аутентификации // Естественные и технические науки. 2010. № 5 (48). С. 473–478.

13. Фойгель Е.И., Щербаченко А.К. Естественна-научная точка бифуркации в развитии криминалистического и уголовно-процессуального обеспечения выявления и раскрытия преступлений // Общество и право. 2023. № 1(83). С. 60–66.

14. Родионов А.В., Шафаревич А.Д. Методы анализа компьютерного почерка для биометрической идентификации пользователей в процедуре прокторинга // Современные наукоемкие технологии. 2024. № 5-2. С. 306–312. DOI 10.17513/snt.40044.

15. Сапиев А.З. Организация процедуры анализа компьютерного почерка на основе принципов самоорганизации // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Технические науки. 2021. № 2 (12). С. 40–42.

16. Фойгель Е.И. Современные тенденции и перспективы развития криминалистического учения о личности участников уголовного судопроизводства // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24. № 1 (91). С. 101–108. DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(1).101-108.

17. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 120 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт

русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «А ТЕМП», 2016. 896 с.

18. Barros A., Zwet K., Westerveld J., Schreurs W. AI Potential to Uncover Criminal Modus Operandi Features // *European Law Enforcement Research Bulletin*. 2022. V. 6. P. 23–31.

19. Pospisil B., Huber E., Seböck W., Quirchmayr G. Modus Operandi in Cybercrime // *Encyclopedia of Criminal Activities and the Deep Web* / edited by D.B.A. Mehdi Khosrow-Pour. IGI Global, 2020, P. 193–209. DOI 10.4018/978-1-5225-9715-5.ch013.

20. Галяшина Е.И. Семиотика эмотиконов и анимационных картинок в аспекте судебной лингвистической экспертизы // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2022. № 2(90). С. 41–48. DOI 10.17803/2311-5998.2022.90.2.041-048.

21. Хмыз А.И. Получение розыскной информации в ходе исследования электронных документов и их материальных отображений // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015. № 12–4 (62). С. 184–189.

22. Комаров И.М., Третьяков М.Ю. Идентификационные признаки исполнителя текстового электронного документа // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*. 2013. № 9 (152). С. 251–256.

23. Фойгель Е.И. Некоторые возможности использования поведенческой биометрии в расследовании преступлений // *Сб. матер. нац. науч.-практ. конфер. с междунар. участ., посвященной 90-летию Байкальского государственного университета «Развитие российского общества: вызовы современности»*. Иркутск, 15–16 октября 2020 года. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2021. С. 417–420.

24. Артюшина Л.А., Троицкая Е.А. Некоторые подходы к оценке информативности параметров идентификации пользователя по клавиатурному почерку на основе поведенческой биометрии // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника*. 2022. Т. 22. № 3. С. 30–38. DOI 10.14529/ctcr220303.

25. Варламова С.А., Вавилина Е.А. Идентификация пользователя на основе клавиатурного почерка // *Инновационное приборостроение*. 2023. Т. 2. № 3. С. 67–71. DOI 10.31799/2949-0693-2023-3-67-71.

26. Wyciślik Ł., Wylężek P., Momot A. The Improved Biometric Identification of Keystroke Dynamics Based on Deep Learning Approaches // *Sensors*. 2024. V. 24. DOI 10.3390/s24123763.

27. Banerjee S.P., Woodard D. Biometric Authentication and Identification Using Keystroke Dynamics: A Survey // *JPRR*. 2012. V. 7. № 1. P. 116–139. DOI 10.13176/11.427.

28. McAllister N. Windows 10's 'built-in keylogger'? Ha ha, says Microsoft – no, it just monitors your typing // *The Register* [Electronic resource]. URL: https://www.theregister.com/2014/10/07/windows_10_data_collection/ (accessed: 19.08.2024).

Цветкова Анна Денисовна, младший научный сотрудник, at@crimlib.info, Россия, Екатеринбург, Центр содействия развитию криминалистики «КримЛиb», Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

DIFFERENTIATION OF KEYSTROKE DYNAMICS AND COMPUTER HANDWRITING FROM THE STANDPOINT OF THEIR FORENSIC SIGNIFICANCE

A.D. Tsvetkova

The article discusses one of the possible ways to improve the effectiveness of the disclosure and investigation of computer crimes – the study of computer handwriting. It is emphasized that it is a generic category that combines a variety of digital skills and habits: the nature of the use of software, features of Internet communication, the nature of graphic design of text documents, features of the use of peripheral equipment, keystroke dynamics. Special attention is paid to the latter, since it is less susceptible to falsification than other groups of signs and the only one that directly allows you to identify the typist. The difficulty of obtaining free samples is indicated and ways to overcome it are proposed.

Key words: computer handwriting keystroke dynamics, digital skills, digital habits, computer device user, computer crimes.

Tsvetkova Anna Denisovna, junior researcher, at@crimlib.info, Russia, Yekaterinburg, Centre for Assistance to the Development of Forensic Science “CrimLib”, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

УДК 343.7

DOI: 10.24412/2071-6184-2024-3-97-103

ТЕЛЕФОННЫЕ ХИЩЕНИЯ – СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ

М.С. Чудинова, Д.В. Михайлова

Актуальность исследования продиктована широким распространением и ростом уровня телефонного мошенничества в России. Цель работы – определить специфику дистанционных хищений, совершаемых в настоящее время с использованием информационных технологий и технических достижений, обуславливающую проблемы раскрытия и пресечения данных преступлений. В статье освещаются современные виды и способы дистанционного хищения денежных средств граждан, анализируется правовая статистика выявления и раскрытия указанного вида преступлений, масштабность причиняемого в результате совершения таких преступлений ущерба. Исследуются различные способы мошеннических действий. Структура новых преступных схем диктует необходимость изменения методик расследования преступлений, разработки новых подходов к профилактике дистанционного мошенничества, дополнительной регламентации банковской деятельности, деятельности операторов связи в целях предотвращения причинения материального ущерба населению. Анализируются меры, принимаемые государством в целях предотвращения дистанционной преступной деятельности, их эффективность и результативность. Авторами обосновывается положение о том, что имеется объективная необходимость принятия дополнительных законодательных актов, в том числе изменения уголовного законодательства и законодательства об административных правонарушениях.

Ключевые слова: хищение, средство телефонной связи, ущерб, преступление.

Развитие в сфере информационно-коммуникационных технологий в XXI веке дало толчок росту преступлений, совершаемых с использованием компьютеров, сети Интернет, сервисов сотовой связи, социальных сетей, мессенджеров.

Хищения денежных средств граждан с использованием средств телефонной связи являются на сегодняшний день одним из самых распространенных видов экономических преступлений в России.

Данные преступления широко распространены не только в России, но и во всем мире [1].

В статье обосновывается необходимость внесения изменений в уголовное и административное законодательство с учетом современных аспектов телефонного мошенничества.

Актуальность исследования продиктована продолжающимся на протяжении длительного периода ростом этого вида преступлений, увеличением причиняемого гражданам материального ущерба и усложнением преступных схем.

Всероссийский центр изучения общественного мнения в феврале 2024 года провел опрос граждан, по результатам которого 67 % россиян сообщили, что получали так называемые «фейковые» звонки, в 2021 году об этом рассказали 57 % респондентов [2].

Жертвами преступников чаще становятся доверчивые и пожилые люди, но при использовании преступниками психологического манипулирования пострадать от мошенничества может каждый, кто будет продолжать телефонный разговор.

Мошенниками используются различные сценарии разговоров. Звонящие представляются работниками служб безопасности банков, правоохранительных органов, Центрального банка России, операторов сотовой связи, многофункциональных центров предоставления услуг, организаций, проводящих социальные опросы, центров юридической защиты. Мошенник входит в доверие к абоненту, называя его имя и отчество, паспортные данные, сообщая сведения о его банковских операциях, остаток на банковской карте.

Распространенным является звонок с сообщением о том, что родственник абонента попал в автомобильную аварию или совершил преступление и требуется срочно привезти либо перевести деньги. Зачастую хищения производятся после сообщения абонентам о том, что иные лица получили доступ к личным кабинетам на сайте государственных услуг или данным банковских карт, и просят сообщить пришедший в смс-сообщении пароль, или перевести деньги на «безопасный счет», «страховую ячейку», которые называет звонящий.

Также злоумышленники под разными предлогами получают данные банковской карты, пароли из смс-сообщений, данные паспорта, пароль от личных кабинетов в социальной сети.

От того, является ли обман способом хищения денег или используется в целях кражи безналичных средств с банковского счета, зависит квалификация преступных действий, проблемы которой анализируются в данной статье.

В общей структуре всех совершенных в стране преступных посягательств количество случаев дистанционного мошенничества за последние пять лет уве-

личилось в два раза. По данным Генеральной прокуратуры РФ, число мошенничеств, совершенных дистанционно за восемь месяцев 2023 года составило 226,8 тысяч [3].

Такова официальная правовая статистика, следует учитывать, что о совершенных мошенничествах в правоохранительные органы граждане заявляют далеко не во всех случаях.

Масштабы дистанционного мошенничества поражают. Объем хищений денежных средств граждан с использованием платежных карт в 2023 году составил 7,1 млрд рублей.

В 2023 году Банк России направил операторам связи с целью принятия соответствующих мер реагирования 575 669 номеров телефонов, используемых злоумышленниками для хищения средств у граждан [4].

С учетом масштаба данного вида преступлений в России приняты отдельные законодательные акты, направленные на устранение условий для совершения хищений денежных средств с помощью телефонных звонков.

Поскольку данные преступления зачастую совершаются с участием лиц, содержащихся в следственных изоляторах, местах лишения свободы, Федеральным законом от 09.03.2021 № 44-ФЗ предусмотрена обязанность операторов связи прекратить оказание услуг связи по абонентским номерам, которые использовали подозреваемые, обвиняемые и осужденные на территории указанных учреждений. Основанием является письменное решение руководителя, заместителя Федеральной службы исполнения наказаний или территориального органа ФСИН [5].

С переходом на цифровые мощности появилась возможность осуществления звонков с подменой абонентского номера. Мошенниками используются подменные абонентские номера с целью создания у потенциальной жертвы мнения о том, что звонок осуществляется с официальных телефонных номеров органов власти, а также в целях сокрытия данных об инициаторе соединения и его местонахождении, при этом преступники нередко иницируют звонок из иных государств.

В соответствии с изменениями, внесенными в Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи», с 1 января 2023 года операторы связи обязаны прекращать пропуск трафика с сети связи иностранного оператора связи, если данный звонок сопровождается нумерацией, соответствующей российской системе и плану нумерации (за исключением роуминговых вызовов), а также иного соединения, при установлении которого у оператора связи отсутствует информация об абонентском номере [6].

Федеральным законодательством также предусмотрена обязанность всех операторов связи подключить систему «Антифрод», которая позволяет проверить исходящий номер на совпадение с идентифицированным номером абонента и автоматически блокировать звонки с подменных номеров.

В статье 13.2.1 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за нарушение операторами сотовой связи установленных федеральным

законодательством о связи запретов, ограничений и обязанностей в целях предотвращения телефонного мошенничества [7].

Вместе с тем, в результате доступности оборудования в России появились небольшие компании, имеющие лицензию Роскомнадзора на осуществление деятельности в сфере связи, представляющие услуги в качестве посредника, то есть, просто проводящие звонки через свое оборудование. На сегодня в России кроме четырех основных (Мегафон, Билайн, Теле2, МТС) существуют более 1300 операторов сотовой связи. Многие организации нарушают законодательство и пропускают подменные номера из сетей операторов связи.

Практика показывает, что фактически такие правонарушения выявляются после поступления в правоохранительные органы сообщения о хищении и проведения проверок органами прокуратуры.

Так, по постановлению прокуратуры города Калининграда судом назначен штраф в размере 600 тыс. руб. оператору связи ООО «Оранж бизнес сервис», которыми пропущен звонок мошенников с номера, зарегистрированного в Румынии, с подменой входящего абонентского номера на псевдо-номер +74012558700 (данная номерная емкость закреплена за Управлением Следственного управления Следственного комитета России по Калининградской области). В результате данного звонка мошенниками похищено у жителя Калининграда 150 тыс. руб. [8].

Системой «Антифрод» за 2023 год предотвращено более 622 млн звонков с подменой номера. Системой охвачено 79,4 % общей номерной емкости всех присоединившихся операторов связи [9].

Постановлением Правительства РФ от 15.09.2023 № 1505 использование виртуальных мобильных номеров (DEF-номеров) признано угрозой безопасности в сфере связи и интернета, предусмотрена блокировка сервисов по их выдаче [10]. Данное постановление вступает в силу с 1 сентября 2024 года, эффективность действия данных норм еще предстоит оценить.

Данные меры создали препятствия для мошенников. Вместе с тем очевидно, что данных правовых механизмов недостаточно, о чем свидетельствует отрицательная динамика этого вида преступности.

Злоумышленники используют новые способы: совершают звонки с реальных номеров, которые не могут быть заблокированы системой «Антифрод», через мессенджеры Viber, WhatsApp, Telegram.

Особенностями современного телефонного мошенничества является применение методов социальной инженерии (психологического манипулирования).

Преступления хорошо спланированы, тщательно подготовлены, в том числе с привлечением психологов. Большинство телефонных хищений совершаются организованными преступными группами, члены которых находятся в разных регионах страны, а также за пределами страны.

При совершении преступлений используется мобильная интернет-связь (SIP-телефония). Абоненту может поступать звонок на первый взгляд со знакомого телефонного номера, при этом фактически инициатором звонка выступа-

ют преступники. Мошенники даже моделируют голос под голос знакомого или родственника абонента, чтобы ввести жертву в заблуждение.

Виртуальный абонентский номер не позволяет установить место нахождения звонящего, возможно только определить IP-адрес, который использовался для подключения к приложению (сайту) SIP-провайдера.

Вышеперечисленные обстоятельства обуславливают низкую раскрываемость таких преступлений.

Общая раскрываемость данной категории преступлений составляет в среднем 25 %, следовательно, ущерб от таких преступлений остается в основном не возмещенным.

Для эффективного противодействия дистанционным хищениям требуется ужесточение уголовной ответственности.

Уголовная ответственность за дистанционные хищения предусмотрена статьями 158 и 159 Уголовного кодекса РФ.

При завладении обманным способом персональными данными граждан, учетными сведениями, паролями с целью облегчения дальнейшей кражи средств (когда потерпевшие сами передают эти данные преступникам) преступные действия следует квалифицировать по ст. 158 УК РФ, в том числе когда преступник авторизовался в системе интернет-платежей под известными ему данными либо осуществил перевод денежных средств с банковского счета используя предоставленные ему сведения, пароли.

О таком применении уголовного закона говорится в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [11].

Кража с банковского счета, согласно п/п «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, является тяжким преступлением независимо от размера похищенных денежных средств.

В то время как мошенничество с использованием средств связи, в том числе с банковского счета, будет тяжким преступлением в соответствии с ч. 3 ст. 159 УК РФ только в случае хищения средств в сумме более 250 тысяч рублей.

Нам представляется, что широкое распространение мошенничеств с использованием средств связи, информационно-телекоммуникационных сетей диктует необходимость введения отдельной нормы в Уголовный кодекс РФ, устанавливающей уголовную ответственность за такие виды мошенничества как за тяжкие преступления независимо от суммы хищения.

Вопросам производства следственных и иных процессуальных действий при раскрытии и расследовании мошенничеств с использованием средств сотовой связи уделялось внимание в научных исследованиях [12, 13].

Вместе с тем низкий уровень раскрываемости телефонных мошенничеств, использование для их совершения IT-технологий, SIP-телефонии, подмены абонентского номера, моделирования голоса, подтверждает необходимость совершенствования методики расследований таких уголовных дел.

Необходимы изменения нормативной базы, позволяющие оперативно взаимодействовать правоохранительным органам с операторами сотовой связи,

банками, провайдерами в целях скорого раскрытия преступлений и возмещения причиненного гражданам ущерба.

Требуется комплексное решение в целях предотвращения и борьбы с дистанционными хищениями, в том числе обеспечение государственной поддержки мероприятий, направленных на повышение правовой грамотности населения.

Список литературы

1. Song, Jaeseung; Kim, Hyoungshick; Gkelias, Athanasios "iVisher: Real-Time Detection of Caller ID Spoofing". ETRI Journal [Электронный ресурс]. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.4218/etrij.14.0113.0798> (дата обращения: 01.05.2024).

2. Телефонное мошенничество: мониторинг // Официальный сайт ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheski-obzor/telefonnoe-moshennichestvo-monitoring> (дата обращения: 31.03.2024).

3. Генпрокуратура сообщила о росте числа дистанционных мошенничеств на 40 % [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/946188> (дата обращения: 02.04.2024).

4. Обзор операций, совершенных без согласия клиентов финансовых организаций // Официальный сайт Банка России [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2023/ (дата обращения: 02.04.2024).

5. Федеральный закон от 09.03.2021 № 44-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части прекращения оказания услуг связи на территории следственных изоляторов и учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

6. Федеральный закон от 02.07.2021 № 319-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс».

7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс».

8. Информация по судебному делу № 05-1134/370/2023 уникальный идентификатор дела 77MS0370-01-2023-001544-17 // Портал Единого информационного пространства мировых судей Москвы [Электронный ресурс]. URL: <https://mos-sud.ru/370/cases/admin/details/6a835da3-6a4c-48a0-bd10-5d7de4bd6e55?caseNumber=05-1134/370/2023> (дата обращения: 01.05.2024).

9. «Антифрод»: итоги года // Официальный сайт Центра мониторинга и управления сетью связи общего пользования Федерального государственного унитарного предприятия «Главный радиочастотный центр» [Электронный ресурс]. URL: <https://portal.noc.gov.ru/ru/news/2023/12/28/antifrod-itogi-goda/> (дата обращения: 01.05.2024).

10. Постановление Правительства РФ от 15.09.2023 № 1505 «О внесении изменения в Правила централизованного управления сетью связи общего пользования» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

12. Лунева А.В., Клименко А.К. Алгоритм действий следователей на стадии предварительного расследования уголовного дела о хищении, совершенном бесконтактным способом, путем использования дистанционного банковского обслуживания // Российский следователь. 2021. № 11. С. 34–37.

13. Островский С.А. Типичные нарушения, выявляемые в ходе надзора за расследованием уголовных дел о хищениях, совершенных с использованием средств мобильной связи // Законность. 2017. № 2. С. 23–26.

Чудинова Мария Сергеевна, заместитель прокурора города Калининграда, советник юстиции, mashagus@icloud.com, Россия, Калининград,

Михайлова Дарья Валерьевна, начальник отдела (на правах управления) прокуратуры Калининградской области, старший советник юстиции, dm-pochta@outlook.com, Россия, Калининград

TELEPHONE FRAUD - MODERN ASPECTS

M.S. Chudinova, D.V. Mikhaylova

The relevance of the study is dictated by the widespread and increasing level of telephone fraud in Russia. The purpose of the work is to determine the specifics of remote theft, currently committed using information technology and technical achievements, which causes the problems of disclosure and suppression of these crimes. The article highlights the modern types and methods of remote theft of citizens' funds, analyzes the legal statistics of the identification and disclosure of this type of crime, the scale of the damage caused as a result of such crimes. Various methods of fraudulent actions are being investigated. The structure of new criminal schemes dictates the need to change the methodology of crime investigation, develop new approaches to the prevention of remote fraud, additional regulation of banking activities, and the activities of telecom operators in order to prevent material damage to the population. The measures taken by the state to prevent remote criminal activity, their effectiveness and efficiency are analyzed.

The authors substantiate the position that there is an objective need to adopt additional legislative acts, including amendments to criminal legislation and legislation on administrative offenses.

Key words: fraud, means of telephone communication, damage, crime

Chudinova Maria Sergeevna, Deputy Prosecutor of the City of Kaliningrad, Counselor of Justice, mashagus@icloud.com, Russia, Kaliningrad

Mikhailova Daria Valeryevna, Head of the Department (on the rights of management) of the Prosecutor's Office of the Kaliningrad region, Senior Adviser to Justice, dm-pochta@outlook.com, Russia, Kaliningrad

УНИФИКАЦИЯ ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ УЧЕНИИ О СЛЕДАХ

Н.С. Шиловских

Автором рассмотрены проблемы формирования понятийно-терминологического аппарата криминалистического учения о следах в условиях цифровизации. Показаны проблемы в понимании терминов «криминалистическое учение о следах» и «трасология», а также дефиниций электронно-цифрового следа и традиционных криминалистических объектов, зафиксированных с использованием цифровых технологий. Высказано предложение о необходимости выделения электронно-цифрового следа в отдельную категорию материальных следов по характеру изменения окружающей обстановки и мнение о том, что термин «электронно-цифровой след» не применим в контексте исследования криминалистических следов, представленных в виде графических файлов. Отмечена необходимость в продолжении исследования данной области с целью приведения к единообразию понятийно-терминологического аппарата и системы криминалистического учения о следах.

Ключевые слова: криминалистическое учение о следах, трасология, цифровизация, электронно-цифровой след, цифровой способ фиксации криминалистических следов.

В условиях высокого темпа научно-технического прогресса понятийно-терминологический аппарат различных областей научного знания находится в процессе непрерывного преобразования и развития. Такая тенденция не прошла бесследно и для криминалистической науки. За время ее становления учёными было разработано и сформулировано большое количество новых терминов, определений, идей, задач, приемов, методов и средств, рекомендаций и частных теорий которые, безусловно, носят как теоретическое, так и практическое значение. На примере фундаментальной отрасли криминалистической техники – криминалистического учения о следах (следоведение), рассмотрим современные потребности понятийного аппарата данного учения в парадигме цифровизации, проблемы семантики отдельных терминов, требующих более детального изучения, осмысления и проработки.

Основные этапы формирования криминалистического учения о следах приходятся на годы советского правления. Неоценимый вклад в становление данного учения внесли работы И.Н. Якимова, С.М. Потапова, Б.И., Шевченко, И.Ф. Крылова, Г.Л. Грановского, Р.С. Белкина, Н.П. Майлис, Е.Р. Россинской и других криминалистов. Однако стоит отметить, что формирование криминалистического следоведения не получило логического завершения и в наши дни.

В научной литературе зачастую встречаются такие понятия, как «криминалистическое учение о следах», «криминалистическое или судебное следоведение», «трасология» [3, 7, 14], употребляемые в контексте синонимов. Для того чтобы разобраться с дефинициями вышеупомянутых понятий, установить их различия или же прийти к общему знаменателю, необходимо проанализировать значения термина «след» в его узком и широком смыслах, так как, ввиду пря-

мой взаимосвязи и параллельного развития данной терминологии, это верный путь к пониманию сущности криминалистического учения о следах.

Впервые в литературе понятие «учение о следах» в криминалистическом значении было употреблено в 1935 г. советским ученым-криминалистом И.Н. Якимовым, которого справедливо считают его основоположником. Следами профессор считал не только следы-отображения (отпечатки, оттиски), но и все те материальные изменения, какие происходят в обстановке места происшествия, в окружающей среде и предметах, связанных с событием преступления [15, с. 57].

Б.И. Шевченко в работе «Научные основы современной трасеологии» не только ограничил понятие «след» следами-отображениями, в соответствии с чем установив границы трасологии, определив её как «отрасль уголовной техники, изучающую различные следы, как отображение внешнего строения материальных объектов, с целью выяснения обстоятельств возникновения таких следов и идентификации указанных объектов» [14, с. 5–6], но и тем самым поместил криминалистическое учение о следах в рамки трасологии.

Таким образом, взгляды обоих ученых нашли как своих последователей, так и критиков, в результате сформировав два подхода к пониманию термина след – в широком (т.е. любое материальное изменение окружающей обстановки) и узком (трасологическом) смысле.

В свете понимания следов в широком значении теоретические положения криминалистического учения о следах относятся ко многим разделам криминалистической техники, изучающим различного рода материальные следы. Под следами же в узком (трасологическом) значении понимаются «материальные отображения на каких-то предметах признаков внешнего строения других материальных объектов, контактно взаимодействовавших с первыми» [5, с. 12].

Особое внимание, уделяемое статическим следам, объясняется успешным решением задач трасологической идентификации. Указанная цель, несомненно, оправдывает выделение в самостоятельную категорию следов-отображений внешнего строения предметов, но следует заметить, что исключать из криминалистического следоведения понятие следов в широком смысле было бы ошибкой, так как это несомненно нанесет вред практике.

Несмотря на то, что отрасль криминалистической техники, именуемой трасологией, буквально переводится с французского языка как «учение о следах», исключить «из числа изучаемых криминалистикой многих других следов, возникающих в связи с событием преступления, имеющих важное значение для его раскрытия и требующих для работы с ними применение средств и методов криминалистической техники, не может быть оправдано» [6, с. 215].

Мы разделяем такой подход и считаем категорически необоснованным исключать из криминалистического следоведения понимание следов в широком смысле, так как при таком подходе из круга исследуемых объектов оказывается вытесненной значительная часть следов, не являющихся отображением внешнего строения предметов, но имеющих немаловажное значение для дела.

Также на наш взгляд, стоит четко разграничивать термины «трасология» и «криминалистическое учение о следах». Ключ к пониманию такого деления лежит в основе классификации следов с учетом их широкого понимания, где все материальные следы разделены в пределах трех больших групп по характеру изменения окружающей обстановки: следы-отображения (наиболее традиционны для изучения трасологией); следы-предметы; следы-вещества. Такая классификация позволяет учитывать природу всех следов, представляющих интерес для успешного раскрытия и расследования преступлений, а также дает возможность перестраивать и включать в себя новые категории с учетом развития науки и техники. Важно сказать, что и само восприятие следов-отображений в контексте непосредственных объектов трасологического исследования значительно устарело. Трасология давно вышла за рамки изучения следов-отображений, в качестве объектов ее исследований могут выступать и следы-предметы (узлы и петли, замки, фрагменты, ранее составляющие единое целое) и даже следы-вещества [11, с. 42–48]. Таким образом, мы приходим к выводу, что трасология является подотраслью криминалистического учения о следах.

Необходимо отметить, что понятия «криминалистическое учение о следах» и «криминалистическое или судебное следоведение», можно использовать, как взаимозаменяемые, при этом, в случае использования второго варианта, нами рекомендовано употреблять словосочетание «криминалистическое следоведение», так как данная формулировка напрямую относит учение к отрасли криминалистической техники.

Рассматривая учение о следах в парадигме цифровизации, необходимо отметить феномен последней, который заключается в полной трансформации различных областей человеческого знания и его выхода на качественно новый уровень развития за счёт повсеместного внедрения цифровых технологий. Такой глобальный процесс привел к формированию новых специфических объектов криминалистического исследования, одним из которых является – цифровой след.

На сегодняшний день природа данного понятия остается до конца неизученной, не обозначен точный перечень объектов, входящих в круг данного определения, отсутствует единое мнение среди ученых на механизм следообразование в компьютерных системах, а также само наименование указанных следов вызывает ряд вопросов. В научном мире ведется активная дискуссия о месте, занимаемом цифровыми следами в системе криминалистического учения о следах.

За последние годы на монографическом уровне данная проблематика становилась частым объектом для дискуссий. В качестве предлагаемой терминологии для следов, содержащих компьютерную информацию, в литературе встречаются такие термины, как «виртуальный след», «электронно-цифровой след», «цифровой след», а также ряд других наименований, предложенных учеными, исходя из представлений каждого о механизме следообразования в компьютерных системах.

В 2001 г. термин «виртуальный след» был выделен В.А. Мещеряковым в отдельную группу основных следов, занимающую промежуточное положение между материальными и идеальными следами, определив его как «любое изменение состояния автоматизированной информационной системы (образованного ей «кибернетического пространства»), связанное с событием преступления и зафиксированное в виде компьютерной информации (т.е. информации в виде, пригодном для машинной обработки) на материальном носителе, в том числе на электромагнитном поле» [9, с. 115]. Такое положение автор объяснял их схожей природой и с материальными следами (виртуальные следы существуют на материальных носителях), и с идеальными (субъективными по своей сути, т.е. определяются способом считывания информации, неустойчивостью и отсутствием прочной связи с устройством, осуществляющим запись информации). Данной точки зрения придерживался и Усов А.И., отмечая лишь необходимость принимать во внимание помимо электромагнитной формы взаимодействия следообразующего и следовоспринимающего объектов, и другие [13, с. 42].

Со временем в научном мире устоялось мнение, поддерживаемое большинством ученых, о материальной природе следов в сфере компьютерной информации, сопровождаемое появлением терминов «электронно-цифровой след» и «цифровой след» [2, с. 71].

Любая криминалистически значимая информация в компьютерных системах или их сетях передается посредством сигнала, который будучи материальным процессом, например, импульсом электрического тока, электромагнитным колебанием, обладает определенной физической структурой, которую можно выразить в дискретной форме [1, с. 62]. Такая информация содержится в скрытом виде, и для ее преобразования из потенциальной в актуальную необходимо применение специальных средств.

В научных трудах последнего времени можно встретить два основных подхода в интерпретации следов, содержащих компьютерную информацию, первый из которых объясняет их «через призму «классического» криминалистического учения о следах, его терминологии – следообразующий и следовоспринимающий объект, механизм следообразования», основная же идея второго подхода заключается в том, что изучение данных следов должно быть выделено в отдельный раздел криминалистической техники и рассматриваться самостоятельно [8, с. 119].

Анализируя первый подход и процесс передачи компьютерной информации, которая по мнению В.Б. Вехова выражена в электронно-цифровой форме, совершенно справедливо утверждать, что некоторые положения учения о следах и частной теории механизма следообразования устарели и оказались несостоятельными в применении к электронно-цифровым следам (данный термин был предложен В.Б. Веховым в 2008 г., исходя из сущности формы передачи информации) [1, с. 74].

При образовании электронно-цифрового следа отсутствует механическое контактное взаимодействие между следообразующим и следовоспринимающим

объектом, выражающееся в отображении внешних признаков строения одного объекта на другом, в связи с отсутствием физической (пространственной) формы таковых. Как было отмечено ранее, в данном механизме следообразования фиксируются «изменения на уровне электромагнитных взаимодействий цифрового сигнала, которые могут быть выявлены только с помощью технических средств, преобразующих электронно-цифровую модель объекта в вид, доступный для восприятия человеком» [4, с. 55].

По мнению Е.Р. Россинской объектами раздела криминалистической техники – криминалистического исследования компьютерных средств и систем – являются цифровые следы, при этом данный раздел включается автором в систему частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, «где обоснована криминалистическая дефиниция цифровых следов, описаны их виды и способы собирания» [12, с. 62, 166].

Разделяя точку зрения Е.Р. Россинской и других авторов о том, что «цифровые следы являются следами материальными, так как, будучи оставленными в результате определенных событий, отражаются на материальных объектах», считаем недопустимым исследовать природу цифровых следов изолированно, вне системы криминалистического учения о следах [12, с. 44].

Таким образом, относить электронно-цифровые следы/цифровые следы к следам-отображениям, которые занимают свою нишу в пределах трех больших групп криминалистического следоведения, исходя из характера изменения окружающей обстановки, и представляют собой определение следа в узком смысле, логически неверно. При этом, учитывая особенности процесса следообразования, мы предлагаем выделить данные следы в самостоятельную группу, наряду со следами-отображениями, следами-предметами, следами-веществами.

Зачастую цифровой след ассоциируется исключительно с объектами судебной компьютерно-технической экспертизы, под которыми подразумеваются категории предметов, относящихся к компьютерным средствам, а именно: программное обеспечение, текстовые и графические документы, базы данных, файлы приложений, файлы мультимедиа и другие [13, с. 98]. Однако на сегодняшний день цифровые следы могут выступать в качестве объектов исследования и других родов и видов экспертиз.

Для того, чтобы разобраться в специфике указанного вида доказательств, необходимо обратиться к научной литературе. Под определением термина «цифровой след» Е.Р. Россинская понимает любые действия с использованием компьютерных систем и их сетей, которые оставляют следы в виде структур компьютерной информации в оперативной памяти компьютера, на носителях информации различных типов, на линиях связи и в коммутаторах [12, с. 44].

Также к цифровым следам автор относит электронные аналоги объектов криминалистического исследования, а именно: аудио- и видеозаписи, фотоизображения, рукописные подписи, документы, дактилоскопические следы, представленные в цифровом виде на специфичных компьютерных носителях, которые выступают в качестве объектов дактилоскопической, фоноскопиче-

ской, портретной, финансово-экономической экспертиз, технико-криминалистической экспертизы документов и прочих [12, с. 61].

А.Л. Колычева определяет «электронно-цифровой след» как «криминалистически значимую информацию, выраженную посредством электромагнитных взаимодействий или сигналов в форме, пригодной для обработки с использованием компьютерной техники, в результате создания определенного набора двоичного машинного кода, либо его преобразования, выразившегося в модификации, копировании, удалении или блокировании, зафиксированная на материальном носителе, без которого не может существовать» [4, с. 39].

В качестве электронно-цифровых следов автор указывает «файлы системного и прикладного программного обеспечения; конфигурационные файлы; файлы-журналы; файлы, источники информации, образующиеся в ходе деятельности пользователя; файлы, обеспечивающие аутентификацию и конфиденциальность пользователей; информация, полученная с помощью соответствующих радиоэлектронных или специальных технических средств» [4, с. 45].

В своих дальнейших рассуждениях относительно следов, образующихся в компьютерных системах, мы будем применять термин «электронно-цифровой след», в виду его точного отражения сущности механизма следообразования в компьютерной среде. Однако, анализируя дефиниции рассмотренных выше терминов (цифровой след, электронно-цифровой след), можно утверждать, что их содержание является все же обобщенным. Рассмотрим справедливость данного утверждения на отдельном примере.

Процесс цифровизации судебно-экспертной деятельности сформировал гибридный по своей сущности вид доказательств, который, с одной стороны, представляет собой традиционный криминалистический след, но при этом наделенный некоторыми свойствами электронно-цифрового из-за способа его фиксации (цифровой формат).

В качестве примера рассмотрим соотношение цифрового фотоизображения следа подошвы обуви со свойствами, присущими только электронно-цифровым следам. Помимо существования информации в компьютерном виде, высокой скорости трансформации, невозможности восприятия непосредственно органами чувств, а только с помощью специальных устройств и программ, следует обратить внимание на такое свойство цифровых следов, предложенное Е.А. Россинской, как новые, отличные от традиционных, способы, методы и процедуры по обнаружению, фиксации и обеспечению сохранности [12, с. 174].

Данное свойство неприменимо к трасологическому объекту, зафиксированному с использованием цифровых технологий, так как способы обнаружения и фиксации следа подошвы обуви не отличаются новизной и являются примером традиционного подхода при работе со следами в ходе осмотра места происшествия. В данном случае цифровой файл выступает скорее неким контейнером или носителем образа запечатленного криминалистического следа, представляющего интерес для трасологического исследования. В памяти устройства фиксируется не исходный объект, а его абстрактная модель, отражающая отдельные стороны. В научных работах применительно к данным объ-

ектам встречается понятие цифровой модели, под которой понимают «объектно-ориентированную модель, выполненную в масштабе 1:1, воспроизводящую в цифровом виде физические и прочие особенности объекта (следа), созданная для решения прикладных задач [10, с. 10].

Однако это не означает, что свойствами самого электронного файла стоит пренебрегать. Напротив, мы считаем, что в ходе проведения криминалистического исследования необходимо уметь анализировать EXIF данные (метаданные) графического файла с целью выявления признаков внесения в него изменений. В таких случаях проводится моноэкспертиза в рамках комплексного исследования, с расширением компетенции судебного эксперта. Факт отсутствия или изменения метаданных файла должен быть отражен в исследовательской части экспертного заключения. Решение о направлении данного графического файла на дополнительную компьютерно-техническую или фототехническую экспертизы для установления обстоятельств внесения изменений принимается инициатором.

Итак, чтобы определиться, какие объекты исследования попадают под категорию электронно-цифровых следов, необходимо уяснить, природу криминалистически значимой информации, содержащейся в них, и их причинно-следственную связь с происшедшим событием. Так графический файл с изображением следа обуви, возник не в результате совершения преступления, а в результате фиксации криминалистического следа в ходе осмотра места происшествия. В данном случае, графический файл будет являться объектом трасологического исследования, при этом, если в ходе анализа метаданных будет установлено, что в него были внесены изменения, он автоматически будет рассматриваться, как потенциальный объект судебной компьютерно-технической экспертизы, и содержащаяся в нем информация о предмете преступного посягательства будет относиться к категории электронно-цифровых следов.

Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что на сегодняшний день понятийно-терминологический аппарат и система криминалистического учения о следах не приведены к единообразию с поправкой на цифровизацию. Необходимо понимать существенную разницу между терминами «криминалистическое учение о следах» и «трасология», последний из которых является подотраслью первого, а понятия «криминалистическое учение о следах» и «криминалистическое следоведение» можно использовать, как взаимозаменяемые. Считаем, что, исходя из природы электронно-цифровых следов, необходимо выделить их в отдельную категорию наравне со следами-отображениями, следами-предметами, следами-веществами, а также решить проблему семантики электронно-цифрового следа и традиционных криминалистических объектов, зафиксированных с использованием цифровых технологий. На наш взгляд, термин «электронно-цифровой след» не применим в контексте исследования криминалистических следов, представленных в виде графических файлов. Разработку наименования для объектов такой категории необходимо положить в основу предмета будущих исследований.

Список литературы

1. Вехов В.Б. Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. Волгоград, 2008. 561 с.
2. Вехов В.Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации средств ее обработки: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2008. 401 с.
3. Ищенко Е.П. Общий взгляд на криминалистическое следоведение // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 3 (90) 2019. С. 146–156.
4. Колычева А.Н. Фиксация доказательственной информации, хранящейся на ресурсах сети Интернет: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.12. Орел, 2018. 199 с.
5. Коршунов В.М. Следы на месте происшествия: обнаружение, фиксация, изъятие. М.: Экзамен, 2001. 288 с.
6. Криминалистика: учебник. Т. 1 / В.С. Аханов, Р.С. Белкин, Г.Г. Зуйков, В.П. Лавров, [и др.]; под ред.: Р.С. Белкина, Г.Г. Зуйкова. М.: НИиРИО ВШ МВД СССР, 1969. 376 с.
7. Крылов И.Ф. Криминалистическое учение о следах: монография. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1976. 198 с.
8. Кунчев Й.Д. Цифровые следы и правовая природа криминалистики // Цифровой след как объект судебной экспертизы: материалы Международной научно-практической конференции. М.: Проспект. 2022. С.78–85.
9. Мещеряков В.А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. Воронеж, 2001. 386 с.
10. Несмиянова И.О. Применения информационных технологий в производстве трасологических экспертиз: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. М., 2021. 30 с.
11. Прудникова А.Ю. Фиксация следов крови при проведении осмотра места происшествия для целей трасологического исследования // Экспертная практика. М., 2022. № 93. С.42–48.
12. Россинская Е.Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: монография. М.: Проспект, 2022. 254 с.
13. Усов А.И. Концептуальные основы судебной компьютерно-технической экспертизы: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. М., 2002. 402 с.
14. Шевченко Б.И. Научные основы современной трасологии / под ред. Зицер Е.У. М., 1947. 54 с.
15. Якимов И.Н. Криминалистика. Уголовная тактика. М.: ЛексЭст, 2003. 496 с.

Шиловских Надежда Сергеевна, адъюнкт заочной формы обучения Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, nadezhda.kiyaeava@mail.ru, Россия, Москва

*UNIFICATION OF THE CONCEPTUAL AND TERMINOLOGICAL APPARATUS
IN THE FORENSIC DOCTRINE OF TRACES*

N.S. Shilovskikh

The article considers the problems of formation of the conceptual and terminological apparatus of the forensic doctrine of traces in the conditions of digitalization. The problems in understanding the difference between the terms "forensic science of traces" and "tracology", definitions of an electronic digital trace and traditional forensic objects recorded using digital technologies are shown. The opinion is expressed on the need to separate the electronic digital footprint into a separate category of material traces by the nature of environmental changes, as well as the assumption that the term "electronic digital footprint" is not applicable in the context of the study of forensic traces presented in the form of graphic files. It is noted that there is a need to continue research in this area in order to bring the conceptual and terminological apparatus and the system of forensic teaching about traces to uniformity.

Key words: forensic science of traces, tracology, digitalization, electronic digital footprint, digital method of recording forensic traces.

Shilovskikh Nadezhda Sergeevna, postgraduate student of correspondence studies at the V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, nadezhda.kiyaeava@mail.ru, Russia, Moscow

СОДЕРЖАНИЕ

Юридические науки

Латышов И.В., Яремчук В.П.

Понятие и природа судебно-экспертной технологии.....3

Смахтин Е.В.

Соотношение понятий «язык уголовного судопроизводства» и «язык криминалистики»12

Белоусов А.В., Смахтин Е.В.

Криминалистическая модель искусственного интеллекта в системе уголовно-правовых наук18

Виноградова О.П.

Тактические особенности обыска в жилище в конфликтной следственной ситуации25

Михайленко Н.М., Косарева А.А.

Правовая сущность цифровых активов34

Мухамбетов Ф.Н.

Криминальный оборот объектов животного и растительного мира: уголовно-правовые и криминологические аспекты42

Иванова Е.С.

Влияние информационных процессов на получение образцов для сравнительного исследования и их использование в раскрытии и расследовании преступлений.....47

Козлов А.В.

Определение места фальсификации дактилоскопической информации в частной криминалистической теории о фальсификации.....56

Кулешова А.В.

Криминалистическая характеристика иностранного участника уголовного судопроизводства и ее использование в расследовании преступлений.....63

Мялицына М.А.

Последствия преступления, как элемент общественной опасности принуждения к даче показаний.....69

Терехова Е.М.
К вопросу об организационном обеспечении расследования реабилитации
нацизма.....81

Цветкова А.Д.
Разграничение клавиатурного и компьютерного почерков с позиций их крими-
налистического значения90

Чудинова М.С., Михайлова Д.В.
Телефонные хищения – современные аспекты97

Шиловских Н.С.
Унификация понятийно-терминологического аппарата в криминалистическом
учении о следах104

CONTENTS

Legal sciences

Latyshov I.V., Yaremchuk V.P.
The concept and nature of forensic technology.....3

Smakhtin E.V.
The relationship between the concepts of "the language of criminal proceedings" and
"the language of criminalistic".....12

Belousov A.V., Smakhtin E.V.
The criminalistic model of artificial intelligence in the system of criminal law scienc-
es.....18

Vinogradova O.P.
Tactical features of a home search in a conflict investigative situation.....25

Mikhaylenko N.M., Kosareva A.A.
The legal nature of digital assets.....34

Mukhambetov F.N.
Criminal turnover of flora and fauna: criminal and criminological aspects.....42

Ivanova E.S.

The impact of information processes on obtaining samples for comparative research and their use in crime detection and investigation.....47

Kozlov A.V.

Determining the place of falsifying fingerprint information in a particular forensic theory about falsification.....56

Kuleshova A.V.

Forensic characteristics of a foreign participant in criminal proceedings and its use in the investigation of crimes.....63

Myalitsyna M.A.

The consequences of a crime as an element of public danger of coercion to testify...69

Terekhova E.M.

To the question on organizational support for the investigation into the rehabilitation of nazism.....81

Tsvetkova A.D.

Differentiation of keystroke dynamics and computer handwriting from the standpoint of their forensic significance.....90

Chudinova M.S., Mikhaylova D.V.

Telephone fraud - modern aspects.....97

Shilovskikh N.S.

Unification of the conceptual and terminological apparatus in the forensic doctrine of traces.....104

Научное издание

**ИЗВЕСТИЯ
ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Выпуск 3

Редактор Т.А. Лаврынкина

Учредитель:
ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет»
300012, г. Тула, просп. Ленина, 92

Изд. лиц. ЛР № 020300 от 12.02.97
Подписано в печать 25.09.24. Дата выхода в свет 27.09.24
Формат бумаги 70x100 1/16. Бумага офсетная
Усл. печ. л. 9,4
Тираж 500 экз. Заказ 105
Цена свободная

Адрес редакции и издателя:
300012, г. Тула, просп. Ленина, 95

Отпечатано в Издательстве ТулГУ
300012, г. Тула, просп. Ленина, 95